

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

На правах рукописи

ХРОМЕНКОВ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДОМ ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Специальность: 12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Качалова Оксана Валентиновна

Москва – 2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы обеспечения частных и публичных правовых интересов в уголовном процессе.....	22
§ 1. Частный и публичный правовой интерес в уголовном судопроизводстве.....	22
§ 2. Соотношение правовых интересов с назначением уголовного процесса.....	55
§ 3. Классификация правовых интересов в уголовном процессе.....	67
§ 4. Суд в системе обеспечения частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам.....	81
§ 5. Генезис российского законодательства об обеспечении судом частных и публичных правовых интересов в уголовном процессе.....	109
Глава 2. Процессуальная деятельность суда по обеспечению частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве.....	130
§ 1. Обеспечение частных и публичных правовых интересов при применении судом мер уголовно-процессуального принуждения.....	130
§ 2. Охрана частных и публичных правовых интересов при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.....	163
§ 3. Обеспечение частных и публичных правовых интересов при даче судом разрешения на проведение процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.....	186
Заключение.....	205
Список литературы.....	212
Приложения.....	246
Приложение 1	
Проект Федерального закона Российской Федерации	
«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».....	
	246
Приложение 2	

Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве».....	248
Приложение 3	
Результаты анкетирования судей, прокуроров, адвокатов.....	251

Введение

Актуальность темы исследования. Принудительный характер уголовно-процессуальной деятельности, возможность принятия органами предварительного расследования процессуальных решений, исключающих дальнейшее производство по материалу проверки или уголовному делу по стадиям, нередко сопровождаются ограничением конституционных прав и свобод личности. Объективная потребность в обеспечении разнонаправленных правовых интересов участников процесса, выполняющих уголовно-процессуальные функции защиты и обвинения, требует безотлагательной проверки независимым и беспристрастным судебным органом законности и обоснованности различных ходатайств, решений и действий государственно-властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Современная отечественная уголовно-процессуальная политика последовательно направлена на повышение роли суда в досудебных стадиях процесса: обозначилась тенденция к расширению полномочий суда при применении мер пресечения, выделены процессуальные особенности рассмотрения судом отдельных категорий жалоб (ст. 125.1 УПК РФ), нормативное закрепление приобрела процедура судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214.1 УПК РФ).

Несмотря на расширение полномочий суда в досудебном производстве, правозащитный потенциал подобной судебной деятельности полностью не реализован.

Во-первых, анализ судебной практики судов апелляционных и кассационных инстанций, а также прецедентной практики Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации свидетельствует о том, что нередко суды как при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, так и при оценке законности различных ходатайств органов предварительного расследования о применении мер принуждения во многом формально подходят к их разрешению, оценивая соблюдение процессуальных условий и оснований для обращения в суд, но фактически уклоняясь от проверки юридической обоснованности обжалуемых

действий, решений, а также заявленных органами, осуществляющими расследование, ходатайств. Во-вторых, в ходе рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в случае установления факта формальной отмены обжалуемого действия или решения прокурором либо руководителем следственного органа, судья лишен возможности разрешить уголовно-процессуальный спор по существу. В-третьих, судья по результатам рассмотрения жалобы в рамках ст. 125 УПК РФ, признав обжалуемое решение органа предварительного расследования незаконным, в соответствии с действующим правовым регулированием не вправе его отменить, в отличие от начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа и прокурора, в связи с чем реальная исполнимость судебного решения ставится под обоснованное сомнение. В-четвертых, деятельность суда по даче предварительного разрешения органам предварительного расследования на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, подчинена целям уголовно-процессуального доказывания, которое зачастую осуществляется в условиях охраняемой законом тайны предварительного расследования. Однако действующее правовое регулирование, допуская в качестве общего правила проведение открытого судебного заседания при рассмотрении ходатайства следователя, создает все условия для утраты будущим следственным действием эффекта внезапности и его потенциального доказательственного значения для предварительного расследования. И, самое главное, ошибки, допускаемые судами по результатам разрешения ходатайств органов предварительного расследования и рассмотрения жалоб на действия и решения органов, осуществляющих досудебное производство, не всегда могут быть исправлены вышестоящими судебными инстанциями, в связи с чем в судебной практике нередко возникает необходимость в новом судебном рассмотрении материала, решение по которому ранее было отменено.

Отсутствие теоретических подходов к вопросам обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса, недостаточное правовое регулирование возникающих при этом уголовно-

процессуальных отношений, а также отсутствие единообразной судебной практики требуют глубокого теоретического осмысления данного вопроса в целях создания необходимых условий для наиболее эффективной реализации судом процессуальных полномочий при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве, установления и поддержания судом оптимального и справедливого соотношения частных и публичных правовых интересов в ходе досудебных стадий уголовно-процессуальной деятельности.

В.В. Ершов обращает внимание на значимую для всей юридической науки, в том числе уголовно-процессуальной, задачу изучения активной роли суда «в процессе индивидуального судебного регулирования правоотношений, например, толкования и преодоления коллизий между принципами и нормами права, применения относительно определенных и диспозитивных норм права, преодоления пробелов в отдельных формах международного и внутригосударственного права»¹.

В науке уголовного процесса деятельность по обеспечению прав и свобод личности рассматривается сквозь призму теории уголовно-процессуальных правоотношений². Разнообразный субъектный состав участников досудебных стадий российского уголовного судопроизводства порождает многообразные уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие между ними, что, в свою очередь, обуславливает активное включение в указанные правоотношения суда.

Полистадийный характер отечественного досудебного производства, а также совершение различных по своему содержанию процессуальных действий и принимаемых стороной обвинения процессуальных решений по уголовному делу обуславливают многообразие частных и публичных правовых интересов, которые нуждаются в своевременной и адекватной защите. Под правовыми интересами следует понимать социально детерминированные, возникающие на основе потребностей как отдельных индивидов, социальных групп, так и общества в целом

¹ Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. — М.: РГУП, 2020. С. 42.

² Ахматов И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 4.

внутренне осознаваемые участниками уголовного процесса ориентиры их уголовно-процессуальной деятельности, направленные на достижение социально значимых результатов, воплощающиеся в целях и задачах уголовного судопроизводства, принципах уголовного процесса, субъективных правах, обязанностях его участников и полномочиях государственно-властных участников процесса.

А.А. Тарасов и А.Р. Шарипова справедливо пишут, что «именно разнонаправленные интересы всех участников уголовного судопроизводства обеспечивают возникновение и движение уголовного дела с момента получения первой выраженной ввне информации о совершенном или готовящемся преступлении до окончания всех уголовно-процессуальных правоотношений»¹.

В связи с чем особую значимость приобретает объективная потребность глубокого научного исследования правообеспечительной деятельности суда в ходе реализации правовых интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в досудебном производстве по уголовным делам.

Необходимость реальной судебной защиты прав, свобод и правовых интересов личности и государства в досудебном производстве по уголовным делам посредством осуществления процессуальной деятельности суда в ходе индивидуального судебного регулирования обуславливает существенную корректировку подходов к полномочиям суда в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. Изложенное подтверждает необходимость и актуальность системной теоретической разработки концептуальных основ обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства, а также конкретных предложений и рекомендаций по внедрению полученных результатов в уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблеме соотношения частных и публичных правовых интересов в уголовном процессе

¹ Тарасов А.А. Шарипова А.Р. Интересы в праве: монография / под ред. Г. М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 162.

традиционно уделяется значительное внимание в современный период развития науки уголовно-процессуального права. Так, докторские диссертации данной теме посвятили такие учёные, как Л.Н. Масленникова (2000 г.), Ф.Н. Багаутдинов (2004 г.), А.С. Барабаш (2006 г.), В.В. Хатуаева (2006 г.), О.И. Андреева (2007 г.), О.В. Гладышева (2013 г.). Эти вопросы также затрагивались в работах на соискание ученой степени кандидата юридических наук следующих ученых: Е.Ю. Петухов (1996 г.), Е.А. Седаш (2000 г.), Н.И. Снегирева (2001 г.), А.А. Шамардин (2001 г.), М.С. Дунаева (2002 г.), Л.И. Ильницкая (2002 г.), С.А. Касаткина (2002 г.), Л.А. Меженина (2002 г.), И.С. Дикарев (2004 г.), О.В. Корнелюк (2004 г.), В.Е. Шманатова (2004 г.), С.В. Горлова (2006 г.), А.Н. Козлова (2007 г.), В.В. Струкова (2011 г.), М.Г. Чепрасов (2012 г.), Г.А. Гуджабидзе (2015 г.), О.М. Хагба (2019 г.), Э.С. Каминский (2021 г.).

Те или иные аспекты правовых интересов затрагивали в своих работах такие теоретики права, как А.А. Даньков, В.В. Ершов, О.Ю. Кравченко, И.В. Першина, В.В. Субочев, Н.Л. Улаева, Т.В. Чугурова, Д.С. Шепелев, а также ученые-конституционалисты: Н.В. Витрук, В.А. Горбунов, Д.М. Евстифеев, Е.А. Коробова.

Проблемы правовых интересов также затронуты в работах следующих ученых-процессуалистов: Н.В. Азаренка, Б.Я. Гаврилова, А.А. Давлетова, Т.В. Исаковой, Л.Д. Кокорева, И.Н. Кондрата, Р.В. Мазюка, Е.В. Марковичевой, В.Ю. Мельникова, И.Г. Смирновой, И.В. Смольковой, А.В. Спирина, С.Н. Стойко, А.А. Тарасова, С.Ю. Францифоровой, А.Р. Шариповой, Д.В. Шарова.

Вопросы процессуальной деятельности суда в досудебном производстве в своих диссертационных исследованиях затронули такие ученые, как Н.А. Колоколов (1998 г.), М.А. Устимов (1999 г.), В.М. Лебедев (2000 г.), Н.И. Капинус (2001 г.), В.А. Яблоков (2001 г.), Н.Н. Ковтун (2002 г.), О.Б. Семухина (2002 г.), З.Т. Чеджемов (2003 г.), Н.Г. Муратова (2004 г.), М.В. Парфенова (2004 г.), А.С. Сбоев (2004 г.), Е.В. Рябцева (2005 г.), Е.Ю. Лихачева (2005 г.), И.В. Чепурная (2005 г.), О.В. Никитина (2006 г.),

Г.С. Русман (2006 г.), В.М. Петровец (2007 г.), В.В. Горбань (2008 г.), Н.С. Курышева (2008 г.), О.А. Мядзелец (2008 г.), А.Н. Рыжих (2008 г.), И.Р. Дочия (2009 г.), И.В. Махоркин (2009 г.), А.К. Утурбаев (2009 г.), И.С. Бобракова (2010 г.), В.В. Демирчян (2010 г.), А.И. Лалиев (2011 г.), Е.В. Манджиева (2011 г.), Е.В. Носкова (2011 г.), Е.А. Суколенко (2011 г.), В.В. Волынский (2013 г.), П.А. Луценко (2014 г.), В.А. Терекян (2014 г.), К.А. Рыгалова (2019 г.), Ш.М. Магомедов (2020 г.), Е.А. Овчинникова (2020 г.), В.В. Рудич (2020 г.).

К различным аспектам деятельности суда в досудебном производстве в своих исследованиях обращались следующие ученые: О.О. Акаков, Е.А. Бравилова, Л.В. Головкин, Н.В. Григорьев, С.В. Дадонов, О.В. Евстигнеева, К.Б. Калиновский, В.И. Качалов, О.В. Качалова, Ф.М. Кобзарев, С.С. Крипиневиц, В.А. Лазарева, В.Б. Малинин, А.А. Михайлов, В.В. Николук, Т.К. Рябина, А.В. Смирнов, Л.Г. Татьяна, Ю.А. Цветков, О.Ю. Цурлуй, С.А. Шейфер и др.

Признавая весомый вклад своих предшественников в разработку проблематики правовых интересов в уголовном процессе, а также вопросов участия суда в досудебном производстве по уголовным делам, необходимо отметить, что ими были исследованы отдельные проблемные вопросы уголовно-процессуальной деятельности суда в досудебных стадиях уголовного процесса, а также обеспечения правовых интересов в уголовном процессе в целом либо с позиций процессуальной деятельности государственно-властных участников со стороны обвинения (прокурора, следователя). Однако системного исследования вопросов обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса не было. В настоящее время возникла потребность глубокого теоретического изучения проблем обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса, а также системного анализа всей совокупности компонентов, позволяющих совершенствовать законодательство и судебную практику в данной области.

Объектом диссертационного исследования выступают уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие между судом и участниками

уголовного процесса, а также иными лицами, вовлеченными в уголовно-процессуальную деятельность, при обеспечении судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства, а также доктринальные положения о частных и публичных правовых интересах в уголовно-процессуальном праве.

Предметом исследования являются общепризнанные принципы и нормы международного права, российского уголовно-процессуального права, регулирующие вопросы обеспечения судом правовых интересов при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве, а также закономерности и проблемы правоприменительной практики по данной теме.

Цель исследования состоит в разработке теоретических положений, служащих доктринальной основой для обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса, а также выработка предложений по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Указанная цель научного исследования предопределила постановку и последующее решение следующих **задач**:

- определены теоретические основы обеспечения судом частных и публичных правовых интересов в уголовном процессе;
- раскрыты особенности правообеспечительной деятельности суда в досудебном производстве по уголовным делам;
- проанализирована эволюция российского законодательства об обеспечении судом частных и публичных правовых интересов;
- исследовано обеспечение частных и публичных правовых интересов при применении судом мер уголовно-процессуального принуждения;
- установлено, каким образом осуществляется охрана судом частных и публичных правовых интересов при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ;
- определены возможности обеспечения уголовно-процессуальных интересов при даче судом разрешения на проведение следственных

(процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;

- систематизированы результаты проведенного научного исследования с целью их последующего практического воплощения в ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в сфере обеспечения судом правовых интересов в досудебном производстве.

Методологическую основу исследования составляет комплексное применение общефилософских, общенаучных и частнонаучных методов научного познания. Среди общефилософских методов научного исследования автором использован диалектический метод познания, из общенаучных исторический, логический (в рамках которого были применены такие приемы, как аналогия, анализ, синтез, абстрагирование, индукция, дедукция), системный. Частнонаучные методы в исследовании применены в виде концептуальных и функциональных методов сравнительно-правового анализа, формально-юридического, толкования норм и принципов права, статистического и конкретно-социологического.

Теоретическую основу исследования составили научно обоснованные положения теории государства и права, общепризнанные положения философии, конституционного права, уголовного и уголовно-процессуального права. В работе широко представлены монографические и диссертационные исследования, научные статьи, научно-практические пособия и комментарии законодательства по вопросам, относящимся к предмету исследования.

Эмпирическая база исследования. Автор диссертационного исследования изучил материалы 483 уголовных дел, предварительное расследование и последующее судебное рассмотрение которых осуществлялось в 12 субъектах Российской Федерации (Белгородская область, Калужская область, Республика Крым, г. Москва, Московская область, Оренбургская область, Псковская область, Рязанская область, Саратовская область, Ставропольский край, Томская область, Ярославская область).

При подготовке диссертации был использован личный опыт автора исследования, приобретенный в ходе прокурорской деятельности на оперативной

должности помощника Черемушкинского межрайонного прокурора г. Москвы по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью органов внутренних дел и юстиции, по обеспечению участия прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении судом материалов в досудебном производстве, а также при поддержании государственного обвинения по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения в суде первой инстанции.

По специальной разработанной программе в 2021 году проведено анкетирование 257 практических работников из 13 субъектов Российской Федерации, в том числе 89 судей (судей федеральных судов - районных, областных и приравненных к ним судов), 123 прокуроров, 45 адвокатов. Проведен анализ официальных статистических сведений по вопросам, относящимся к предмету исследования, за период 2019-2021 г., размещенных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Генеральной прокуратуры РФ.

При подготовке диссертации его автором изучены обзоры законодательства и судебной практики, а также опубликованная практика Верховного Суда РФ (за период с 2019 по 2021 год), позиции Конституционного Суда РФ в форме постановлений и определений, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по теме диссертационного исследования.

Правовая база исследования представлена положениями Конституции Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, уголовно-процессуальным законодательством дореволюционного, советского и постсоветского периодов отечественного уголовного процесса, а также уголовно-процессуальным законодательством ряда зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Киргизия, Республики Украина, Эстонской Республики и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет одну из первых работ, в которой на монографическом уровне всестороннее и системно исследованы теоретические и практические вопросы обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного

судопроизводства, а также сформулированы научно-обоснованные предложения и рекомендации, направленные на повышение эффективности и совершенствование законодательства и практики его применения в анализируемой сфере деятельности:

- разработано определение правовых интересов в уголовном судопроизводстве, последовательно раскрыто содержание частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам;

- определены уровни взаимодействия суда с иными представителями контрольно-надзорной деятельности в досудебном производстве;

- выявлены направления, в ходе которых суд, осуществляя индивидуальное правовое регулирование, обеспечивает правовые интересы в досудебном производстве по уголовным делам;

- разработана специфическая промежуточная (смешанная) форма рассмотрения судов материалов в досудебном производстве с использованием темпорального (временного) критерия обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях процесса, определены ее специфические особенности;

- обоснована необходимость выделения в науке уголовно-процессуального права специфической теоретической российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, определены ее существенные признаки;

- выявлена значимость применения судами теста на пропорциональность в досудебном производстве, определены формы использования судами теста на пропорциональность в российском уголовном процессе.

Положения и выводы, выносимые на защиту:

1. Юридическая сущность и содержание правовых интересов в уголовном судопроизводстве определяются посредством выявления их институциональных свойств на основе разработанных автором критериев: 1) содержательного (в его основе дифференциация интересов на частные и публичные), посредством использования которого выявляется сфера закрепления правовых интересов: в целях и задачах уголовного судопроизводства; в принципах уголовного процесса; в субъективных правах и обязанностях участников процесса; в полномочиях государственно-властных участников процесса; 2) субъектного (интересы, которые

могут быть обеспечены участниками уголовного судопроизводства самостоятельно; при помощи действий их представителей; посредством реализации полномочий должностных лиц); 3) темпорального (временного) критерия (интересы, направленные либо на превентивную правовую охрану прав и свобод участников процесса; интересы, направленные на беспрепятственную реализацию прав и свобод его участников в настоящее время; интересы, направленные на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод); 4) правового (интересы, получившие правовое закрепление, и интересы, не нашедшие прямого отражения в законе, но также подлежащие правовой охране).

2. В рамках уголовно-процессуальных правоотношений между судом и государственно-властными участниками процесса взаимодействие суда с иными представителями контрольно-надзорной деятельности осуществляется в рамках правового, институционального и инструментального элементов системы обеспечения частных и публичных правовых интересов. В рамках инструментального элемента указанной системы данное взаимодействие осуществляется на нескольких уровнях: 1) представители каждого из последующих контрольно-надзорных институтов: (ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебной проверки) оценивают законность действий и решений, принятых тем или иным участником процесса ранее (первый уровень взаимодействия «по горизонтали»); 2) внутри ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебной проверки есть вышестоящие инстанции, по этой причине, если нижестоящий орган вовремя не выявит ошибку, исправить ее должен будет вышестоящий орган (второй уровень взаимодействия «по вертикали»); 3) одновременное сочетание первых двух уровней взаимодействия суда с другими участниками процесса, обладающими государственно-властными полномочиями (третий уровень комбинированного взаимодействия, как «по горизонтали», так и «по вертикали»).

3. Обязательной частью системы обеспечения частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве является правоприменительный элемент, в ходе которого суд по результатам оценки

фактических обстоятельств дела осуществляет индивидуальное судебное регулирование, применяя абстрактные нормы уголовно-процессуального права к реально возникающим в ходе правоприменительной деятельности суда уголовно-процессуальным отношениям в досудебном производстве и тем самым обеспечивая в каждом конкретном случае правовые интересы участников уголовного процесса.

4. Ключевыми индикаторами обеспечения досудебного производства, практическое применение которых существенным образом затрагивает конституционные права, свободы и правовые интересы граждан и поэтому предопределяет прерогативу суда в их разрешении, являются: 1) избрание пропорциональной с учетом фактических обстоятельств меры уголовно-процессуального принуждения с целью обеспечения беспрепятственного производства по уголовному делу, стимулирования правомерного поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и достижения иных задач, связанных с реализацией публичных правовых интересов в досудебном производстве; 2) безотлагательная проверка законности действий и решений органов, осуществляющих досудебное производство, в тех случаях, когда исключается дальнейшее производство по материалу проверки или уголовному делу либо иным образом затрагивающих права и свободы заинтересованных лиц, создающих препятствия для их практической реализации; 3) участие в уголовно-процессуальном доказывании, когда средством получения доказательства будет являться следственное действие, проводимое тайно либо принудительно против воли частных лиц. Исходя из указанных индикаторов диссертантом выделены основные направления, в ходе которых суд, осуществляя индивидуальное регулирование, обеспечивает частные и публичные правовые интересы в досудебном производстве: 1) применение судом мер уголовно-процессуального принуждения; 2) рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ с целью охраны, защиты и восстановления нарушенных прав участников процесса; 3) дача судами разрешений на производство следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, без которых в ряде

случаев интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства, не смогут быть достигнуты, что повлечет также в будущем невозможность справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

5. Помимо традиционно существующего в науке уголовно-процессуального права подразделения текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве исходя из темпорального (временного) критерия ее осуществления на две самостоятельные формы - предварительную (перспективную) и последующую, в настоящее время есть все основания для выделения специфической промежуточной (смешанной) формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, комбинирующей в себе черты как предварительной (перспективной), так и последующей форм рассмотрения судом материалов в досудебном производстве (например, при продлении срока мер уголовно-процессуального принуждения, избираемых по решению суда; при установлении судом срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при злоупотреблении правом на защиту, выражающемся в явном затягивании разумного срока уголовного судопроизводства), поскольку в ходе ее осуществления судья, с одной стороны, выясняет у лица, ведущего производство по уголовному делу, какие действия были совершены в прошлом, а, с другой стороны, запланированный на будущее время объем следственных и процессуальных действий.

6. Содержание специфической российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам, сущность которой раскрывается при последовательном использовании следующих критериев: 1) сравнительно-правового: поскольку российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве присущи элементы, характерные для германской, французской и англо-американской уголовно-процессуальной систем; 2) темпорального (временного): для указанной формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве характерна специфическая форма - смешанная (промежуточная), которой присуще комбинируемое сочетание элементов последующей и предварительной (перспективной) форм рассмотрения

судом материалов досудебного производства; 3) с точки зрения объекта судебной проверки: рассмотрение судом материалов в досудебных стадиях российского уголовного процесса осуществляется не только с целью проверки законности действий и решений органов, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, но и в силу наличия инстанционной судебной системы решения нижестоящих судебных инстанций, принятые по результатам рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования или жалоб на их действия и решения, подвергаются судебной проверке со стороны вышестоящих судов.

7. В силу приверженности отечественного уголовного процесса к континентальной уголовно-процессуальной системе российскими судами при рассмотрении материалов в досудебном производстве по уголовным делам используется тест на пропорциональность, практическое применение которого связано с необходимостью принятия судьями правосудных решений при, как правило, противоречивой направленности правовых интересов его участников, что обуславливает поиск постоянного компромисса, с одной стороны, между интересами общества и государства (публичными интересами), и, с другой стороны, между конституционными правами и свободами конкретных граждан (частными интересами).

Использование теста на пропорциональность в российском уголовном процессе возможно в следующих формах: 1) по результатам обобщения Верховным и Конституционным судами РФ судебной практики с целью разъяснения сложных и противоречивых вопросов, возникающих в ходе правоприменительной практики; 2) в ходе рассмотрения судами общей юрисдикции различных материалов досудебного производства: при рассмотрении судами ходатайств органов предварительного расследования об избрании или о продлении мер уголовно-процессуального принуждения; во время рассмотрения судами жалоб участников процесса на действия (бездействие) органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу; при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных и процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан; при

рассмотрении судами ходатайств следователей об установлении срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при явном злоупотреблении обвиняемым или его защитником правом на разумное и своевременное ознакомление с материалами уголовного дела.

8. Разработанный на основе вышеуказанных теоретических положений комплекс научно-обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленный на обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса, в том числе:

- о предоставлении суду возможности по результатам рассмотрения ходатайства следователя избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае его объявления в местный или федеральный розыск;

- о праве суда на рассмотрение в отдельных судебных заседаниях самостоятельных ходатайств следователя об избрании либо продлении мер пресечения в отношении фигурантов уголовного дела, обвиняемых в совершении преступления в соучастии, для объективной и мотивированной оценки судом личной ситуации каждого из обвиняемых;

- о предоставлении суду права при рассмотрении жалоб в рамках ст. 125 УПК РФ в случае признания обжалуемого решения незаконным - отменить его, что, в свою очередь, будет являться безусловным основанием для возобновления производства по материалу проверки либо уголовному делу;

- о вступлении судебного решения, постановленного в рамках ст. 125 УПК РФ, в законную силу в день вынесения, его немедленного исполнения и обязанности должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, в течение одного месяца с момента вынесения решения в письменном виде сообщать в адрес суда о принятых мерах по устранению допущенных нарушений закона, в том числе о результатах проведенной повторной проверки сообщения о преступлении либо дополнительном расследовании уголовного дела;

- о рассмотрении судом вопроса о даче разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, в закрытом судебном заседании с целью соблюдения тайны предварительного расследования;

- об обязательном участии прокурора, следователя и дознавателя в ходе судебного заседания при рассмотрении судом материалов в порядке ст. 165 УПК РФ с целью всестороннего исследования судом каждого из юридически значимых обстоятельств, необходимых для принятия законного и обоснованного судебного постановления.

Теоретическая значимость исследования обусловлена разработкой и привнесением автором в отечественную науку уголовно-процессуального права новых теоретических знаний, позволяющих решить научную задачу формирования теоретических основ обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса. Выводы, сделанные по результатам диссертационного исследования, позволяют дополнить и развить доктринальные положения об обеспечении частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, о деятельности суда по рассмотрению материалов досудебного производства, связанной с индивидуальным судебным регулированием в каждом конкретном случае обеспечения правовых интересов.

Сформулированные теоретические положения могут быть использованы в науке уголовного процесса при проведении дальнейших исследований, подготовке статей, монографий, диссертационных исследований по данной проблематике.

Практическая значимость исследования состоит в том, что конкретные предложения, сформулированные автором в виде проектов федерального закона и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании норм уголовно-процессуального права, которые регламентируют вопросы обеспечения судом правовых интересов в досудебном производстве. Обоснованные и сформулированные в диссертационном исследовании выводы и практические

рекомендации могут быть использованы судьями в их практической деятельности по обеспечению правовых интересов при рассмотрении материалов в досудебном производстве, а также прокурорами, следователями, дознавателями и адвокатами при участии в судебных заседаниях в ходе рассмотрения судами различных материалов досудебного производства. Результаты исследования могут применяться в научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности: в ходе преподавания уголовно-процессуального права, при обучении и повышении квалификации судей, следователей, прокуроров и адвокатов.

Достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается избранной автором методологией исследования, глубоким анализом научной литературы в области защиты правовых интересов при осуществлении правообеспечительной деятельности суда в досудебном производстве, использованием в работе широкой нормативно-правовой базы по исследуемым вопросам, а также репрезентативностью эмпирического материала.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения, выводы и предложения диссертационного исследования стали предметом обсуждения на заседаниях кафедры уголовного-процессуального права им. Н.В. Радутной и заседаниях Ученого совета Российского государственного университета правосудия в 2021 г. Итоговые теоретические положения, рекомендации и предложения докладывались и обсуждались в ходе международных и всероссийских научно-практических конференций: «Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии»: VIII Международная научно-практическая конференция (Казань, 2020); «Правовые проблемы укрепления российской государственности»: Всероссийская научно-практическая конференция (Томск, 2021); «Аубакировские чтения»: Международная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения А.Ф. Аубакирова (Алматы, Республика Казахстан, 2021); «Инновационная парадигма развития системы права»: I Международная научно-практическая конференция (Гомель, Республика Беларусь, 2021); «Альтернативы

уголовному преследованию и проблемы дифференциации уголовного судопроизводства»: Международная научно-практическая конференция (Москва, 2021); во время научных мероприятий, организованных кафедрой уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия: «Актуальные проблемы судебного разбирательства: круглый стол (Москва, 2021); «Уголовный процесс, проблемы его совершенствования»: круглый стол (Москва, 2021).

Основные теоретические положения диссертационного исследования опубликованы в 9 научных статьях, 5 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования осуществлялись в следующих формах:

- при проведении автором исследования практических занятий по дисциплине «Уголовно-процессуальное право» в Российском государственном университете правосудия;

- посредством внедрения результатов диссертационного исследования в правоприменительную практику судей, прокуроров, следователей и дознавателей, учебный процесс образовательного учреждения и научно-исследовательскую деятельность.

Основные положения и выводы диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Верховного Суда Республики Татарстан, Черемушкинской межрайонной прокуратуры г. Москвы, в учебный процесс Южно-Уральского государственного университета, научно-исследовательскую деятельность Российского государственного университета правосудия.

Структура исследования predeterminedена темой проводимого исследования, его целью и содержанием. Настоящее исследование состоит из введения, двух глав, содержащих 8 параграфов, заключения, списка литературы и 3 приложений.

Глава 1. Теоретические основы обеспечения частных и публичных правовых интересов в уголовном процессе

§ 1. Частный и публичный правовой интерес в уголовном судопроизводстве

В различных областях общественной жизни, науки и практики человечество, так или иначе, неизбежно сталкивается с таким понятием, как «интерес»¹. На протяжении нескольких столетий умы ученых волнуют вопросы, что же такое интерес, каковы его социальная роль и предназначение? Например, знаменитый немецкий ученый Рудольф фон-Иеринг отмечал, что «права суть защищенные интересы»². Не является исключением и наука уголовно-процессуального права, представители которой предпринимают попытки выявить сущность этой категории, ее пределы, предлагая различные варианты классификаций интересов и свое содержательное видение этого понятия³.

Как верно заметила Е.В. Марковичева, «достижение назначения современного российского уголовного судопроизводства невозможно без решения важнейшей задачи, связанной с обеспечением прав и законных интересов его участников»⁴.

¹ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

² Иеринг Рудольф фон. Интерес и право. Издательство: Тип. губ. зем. управы. Ярославль, 1880. - 268 с.

³ Шаров Д.В. К вопросу о правовой природе «интереса» в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 57-59; Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 146-193; Спиринов А.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 53.

⁴ Марковичева Е.В. Злоупотребление процессуальными правами в уголовном судопроизводстве: проблема баланса интересов // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.). - М.: РГУП, 2018. С. 122-126.

В различных аспектах слово «интерес» содержится в Конституции РФ¹ (ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 55) и уголовно-процессуальном законодательстве².

Понятие «интерес» также активно используется Европейским Судом по правам человека³, Верховным⁴ и Конституционным⁵ судами Российской Федерации применительно к различным стадиям уголовного процесса в контексте идеи адекватного и справедливого соотношения частных и публичных элементов при осуществлении правосудия.

В науке уголовного процесса были сформулированы различные определения интереса⁶. Так, например, И.Г. Смирнова предложила следующую дефиницию: «это форма осознания субъектов потребности в реализации предоставленных законом процессуальных прав, восстановлении правовыми способами нарушенных прав, не противоречащих закону, а также расширении сферы действия таких прав либо увеличения их объема законодательно закрепленными средствами и

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144 (8198). Далее по тексту - Конституция РФ.

² При этом в ст. 5 УПК РФ, раскрывающей легальные определения тех или иных понятий, используемых в законе, дефиниция «интереса» отсутствует.

³ Постановление ЕСПЧ от 17 мая 2016 г. по делу «Бакрина против Российской Федерации» (жалоба № 46926/09) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. п. 2, п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; преамбула Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // СПС «КонсультантПлюс»; п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См. п. 1.2., п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других" // СПС «КонсультантПлюс»; п. 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О "По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»; П. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 5-О "По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

методами»¹. Несомненными достоинствами понятия интереса, сформулированного И.Г. Смирновой, является акцентирование внимания на интеллектуально-волевой составляющей интереса, его осознании тем или иным субъектом права, указание на то, что помимо законотворческой деятельности важной гарантией обнаружения и определения уголовно-процессуальных интересов служит судебная практика. Однако в приведенном определении интереса нет никаких указаний на то, что носитель интереса для охраны, защиты и реализации своего интереса должен предпринимать какие-либо действия по самостоятельной защите интереса, либо обращаться с соответствующей просьбой в правоохранительные органы либо вовсе вправе бездействовать, поскольку только осознанием потребности без каких-либо действий, выраженных вовне, реализовать интерес просто невозможно. Также в определении, предложенном И.Г. Смирновой, не содержится и сведений о взаимосвязи интересов с принципами уголовного процесса, которая в науке уголовного процесса является общепризнанной. Так, например, как отмечает Т.А. Дуйшенбиев, «гарантиями обеспечения защиты интересов общества, государства и личности, достижению цели уголовного процесса служат принципы уголовного процесса, права и обязанности участников уголовного судопроизводства»². В дефиниции интересов, разработанной И.Г. Смирновой, не содержится также сведений о взаимосвязи интересов и морально-нравственных норм. Как справедливо заметила Н.С. Манова, «уголовное судопроизводство не может не опираться и на нормы нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе представлений о справедливости, совести, о правовом и неправовом»³.

И.И. Ахматов выдвинул следующее понятие процессуального интереса: это «разновидность правового интереса, представляющего собой совокупность идеологических установок субъекта уголовно-процессуальных правоотношений,

¹ Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 15.

² Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве: По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. - 265 с.

³ Манова Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблема соотношения // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 35-36.

обеспечивающих выполнение им процессуальной функции»¹. В приведенной дефиниции интереса отсутствует указание на деятельностный аспект, поскольку, как было отмечено выше, даже при осознании желаемого результата тем или иным участником процесса для реализации той или иной уголовно-процессуальной функции необходимы активные конкретные действия, а в некоторых случаях - и бездействие участника процесса (так, например, при временном отсутствии защитника по соглашению подозреваемый до консультаций с адвокатом и до выработки правовой позиции по уголовному делу заинтересован в отказе от дачи показаний во избежание негативных для себя последствий, даже несмотря на то, что ему предоставлен защитник по назначению). Более того, в уголовно-процессуальной литературе справедливо обращается внимание на то, что содержание уголовно-процессуальной функции в некоторых случаях противоречит отнесению того или иного участника процесса в зависимости от отношения к обвинению на сторону обвинения или защиты от предъявленного обвинения² (что справедливо в одинаковой степени как для следователя, так и для прокурора, поскольку последний, помимо функций уголовного преследования и прокурорского надзора, осуществляет функцию охраны и защиты прав и свобод участников уголовного процесса).

Р.В. Мазюк считает, что процессуальный интерес в уголовно-процессуальном праве можно определить как «нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу»³. Недостатком указанного определения интереса является обусловленное авторской трактовкой о непризнании материально-правовой составляющей

¹ Ахматов И.И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения // Государство и право: теория и практика. Материалы III Междунар. науч. конф. г. Чита, июль 2014 г. С. 53-57.

² Мазюк Р.В. О дуалистической природе уголовно-процессуальных функций // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 82-88.

³ Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 76-84.

интересов, реализующихся в ходе уголовно-процессуальной деятельности, и, соответственно, отсутствие указания на связь процессуального интереса с интересом, охраняемым в первую очередь нормами материального права. Кроме того, в процитированном определении интереса присутствует жесткая привязка к официально признанному статусу участников уголовного судопроизводства. Однако, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, в ходе уголовного преследования могут быть затронуты интересы и иных лиц, которые официально в каком-либо признанном процессуальном качестве не выступают (речь идет, например, о лицах, являющихся собственниками имущества, на которое наложен арест)¹. Также в ходе предварительного расследования могут быть затронуты интересы собственника жилого помещения, в котором производится следственное действие (например, обыск или осмотр) либо исполняется мера пресечения в виде домашнего ареста в отношении обвиняемого. Нельзя отрицать и того обстоятельства, что даже в отсутствие статуса потерпевшего до возбуждения уголовного дела интересы фактически пострадавшего лица могут оказаться нарушенными как вследствие совершения в отношении последнего общественно опасного уголовно наказуемого деяния, так и в случае непринятия своевременного процессуального решения о возбуждении уголовного дела, в том числе при неоднократных отказах в возбуждении уголовного дела, допущенной волоките при неоднократной передаче материала проверки сообщения о преступлении по подследственности, в котором содержатся объективные данные, указывающие на признаки преступления. В более раннем решении высшего органа конституционного контроля было отмечено, что лицу, не получившему в рамках расследования преступления по конкретному уголовному делу статус подозреваемого или обвиняемого, однако фактически допрашиваемого в качестве

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П "По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Недвижимость-М", общества с ограниченной ответственностью "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И. Костаревой" // СПС «КонсультантПлюс».

свидетеля по подозрению в совершении преступления, должны быть предоставлены надлежащие правовые средства, обеспечивающие защиту его прав и законных интересов¹.

С.Д. Шестакова полагает что процессуальный интерес есть «выраженная в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства его потребность к тому, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат»². Представляется, что и данное определение не лишено недостатка, поскольку у ученых и правоприменителей при обращении к нему может сложиться ложное впечатление, что уголовно-процессуальный интерес участников процесса может быть реализован только в случае принятия итогового процессуального решения по уголовному делу, что отчасти не совсем верно, поскольку в ряде случаев у субъектов уголовно-процессуальной деятельности как со стороны обвинения, так и со стороны защиты возникает обусловленная конкретной следственной ситуацией потребность в принятии того или иного промежуточного процессуального решения (о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу, о возвращении уголовного дела прокурору и др.).

Д.О. Мамонтова понимает под процессуальным интересом «законодательно допустимую потребность субъекта уголовно-процессуального правоотношения в достижении социально значимого для него результата, выраженную в совершении конкретных процессуальных действий, принятии процессуальных решений»³.

Во-первых, интерес может быть реализован не только в случае действия, но и бездействия тех или иных участников уголовного процесса. Например, лицо в установленных Конституцией РФ случаях может отказаться от дачи показаний против себя и своих близких родственников (Статья 51 Конституции РФ).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова" // СПС «КонсультантПлюс».

² Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 219 с.

³ Мамонтова Д.О. К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал. 2018. № 3. С. 18.

Во-вторых, например, добровольное возмещение обвиняемым имущественного вреда, причиненного в результате совершения преступления, фактически происходит за рамками уголовно-процессуальных отношений, то есть реализация материального интереса потерпевшего в возмещении причиненного вреда, осуществляется не в результате принятия процессуального решения должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, а в результате свободного волеизъявления обвиняемого. Расписка потерпевшего о получении денежных средств от обвиняемого, приобщение чеков и иных документов, подтверждающих возмещение обвиняемым причиненного преступлением ущерба, происходит посредством заявления ходатайств обвиняемым и потерпевшим в адрес лица, осуществляющего расследование, документы попадают в уголовно-процессуальное поле следователя уже после фактического возмещенного причиненного вреда с тем, чтобы в последующем указанное обстоятельство имело юридико-техническое значение, подкреплялось конкретными материалами уголовного дела при оценке доказательств¹.

Н.В. Витрук указывал на то, что «законный интерес, как и юридическое право, есть возможность личности пользоваться социальными благами. Это выражается в правомочиях носителя законного интереса действовать определенным образом, требовать соответствующего поведения от обязанных лиц, органов и учреждений, обращаться за защитой к компетентным государственным структурам и общественным организациям»². В юридической литературе определение законного интереса, предложенное Н.В. Витруком, подверглось критике вследствие отождествления таких категорий, как интерес и субъективное право³.

¹ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

² Права личности в социалистическом обществе / М.С. Строгович и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М., 1981. С. 108-109; Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 111.

³ Толкачев К.Б. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С.88.

Как известно, вопрос о взаимоотношении указанных категорий является дискуссионным и противоречивым в силу сходства внутреннего содержания указанных дефиниций, существующих в науке. Так, например, К.Б. Толкачев, субъективное право определяет в качестве меры возможного поведения гражданина, на достижение цели, которая, в свою очередь, связана с удовлетворением его интересов¹.

Иными словами, интерес - это некий конечный результат, достичь который стремится участник уголовного судопроизводства, а субъективное право - это обеспеченное правовыми нормами средство реализации уголовно-процессуального интереса.

А.Ю. Котин следующим образом разграничивает указанные правовые категории: «законные интересы - это дозволение, в меньшей степени гарантированное государством по сравнению с дозволенным поведением в рамках субъективного права»².

Более того, Л.Н. Масленникова, характеризуя структуру диспозитивного начала, указывает на то, что субъективные права выступают правовым средством защиты частного интереса³.

Между интересом и субъективным правом, по мнению автора настоящего исследования, существуют следующие различия:

1) субъективное право, как правило, в большинстве случаев прямо отражено в законе, уголовно-процессуальные же интересы, напротив, если и существуют в законе, то чаще всего в завуалированной форме: интересы взаимосвязаны с принципами уголовного правосудия либо выводятся судебной практикой;

¹ Толкачев К.Б. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С.89-90.

² Цит. по работе // Толкачев К.Б. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 91.

³ Масленникова Л.Н. Понятие и сущность публичного и диспозитивного начала уголовного судопроизводства, или К вопросу о публично-правовой природе уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 18.

2) интерес участника процесса связан с проецированием какого-либо идеального результата в будущем, напротив, субъективное право предоставлено участнику процесса в настоящее время;

3) субъективному праву всегда корреспондирует какая-либо обязанность, что затруднительно сказать применительно к интересам¹.

А.В. Спири́н определяет интересы как «основанные на потребностях его участников и иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, или (и) потребностях общества (государства) побудительные мотивы их процессуальной деятельности, а равно и сами названные потребности, нашедшие отражение в Конституции РФ и законодательстве»². Данное определение интересов не содержит указания на превентивный характер защиты интересов в настоящее время, с тем чтобы не допустить их нарушения в будущем, а также то, что вследствие нарушения интересов тех или иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности последними и должностными лицами государства принимаются меры, направленные на их защиту и восстановление.

Т.А. Дуйшенбиев дал следующее определение интереса: «это осознанное побуждение, направленное на выгодное удовлетворение потребности в пользу носителя (общества, государства, коллектива, личности) посредством деяния, предусмотренного уголовно-процессуальным законом»³. Определение интереса, сформулированное Т.А. Дуйшенбиевым, не учитывает, что нередко частные и публичные интересы могут быть реализовываться на основе деяния, не предусмотренного уголовно-процессуальным законом, но и прямо не запрещенного им. В некоторых случаях публичные интересы в досудебных стадиях процесса реализуются на основе аналогии закона. Так, например, при производстве предварительного следствия в порядке, предусмотренном главой 51 УПК РФ,

¹ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

² Спири́н А.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 53.

³ Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве: По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1999. - 265 с.

уголовно-процессуальный закон до вынесения следователем постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера не предусматривает обязанности следователя предъявить обвинение и допросить лицо в качестве обвиняемого по аналогии с ординарным предъявлением обвинения в порядке ст. 171 УПК РФ, однако в следственных подразделениях МВД России по г. Москве следователями выносятся постановления о привлечении в качестве обвиняемого по обвинению в совершении общественно опасного деяния, подпадающего под признаки конкретного состава преступления¹. Примечательно, что Т.А. Дуйшенбиев также дает определение законного интереса: «это объективно обусловленное социально - правовой действительностью, дозволенное в правовой форме либо не нашедшее отражение в законе, но не противоречащее целям и задачам уголовного судопроизводства и общеправовым принципам стремление субъекта уголовного процесса достичь социально значимый и полезный для него результат»².

Автор настоящего исследования придерживается следующей позиции: правовой защите подлежит только интерес, не противоречащий закону, а потому понятия «интерес» и «законный интерес» необходимо считать синонимами. Широкое оперирование понятием «законный интерес» в науке уголовно-процессуального права объясняется в целом большим вниманием учёных-юристов к этому правовому явлению, а его активное использование законодателем и судебной практикой преследует лишь одну цель - подчеркнуть особое важное значение интереса: интерес охраняется и защищается нормативным правовым актом государства либо вытекает из последнего.

Для определения юридической сущности правового интереса необходимо, прежде всего, определить, в чем он проявляется, какова форма его выражения, исходя из этого есть основания для выделения содержательного критерия, в основу которого заложено подразделение интересов на частные и публичные, посредством

¹ Уголовное дело № 01-0668/2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

² Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве: По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1999. - 265 с.

использования которого представляется возможным определить, где воплощаются правовые интересы исходя из их внутреннего содержания. В результате мы обнаруживаем, что правовые интересы могут быть выражены в целях и задачах уголовного судопроизводства; в принципах уголовного процесса; в субъективных правах и обязанностях участников процесса; в полномочиях государственно-властных участников процесса.

Правовые интересы носят персонифицированный, сознательно-волевой характер, в связи с чем для их правовой реализации необходимо совершить определенные, конкретные действия. С учетом преимущественно публичного характера уголовно-процессуальной деятельности зачастую физические лица не могут реализовать свои правовые интересы самостоятельно. В связи с этим возникает объективная необходимость в классификации интересов на те, которые могут быть реализованы участниками процесса самостоятельно и (или) при помощи иных лиц. Автором настоящего исследования предлагается для этой цели использовать субъектный критерий, при применении которого правовые интересы могут быть подразделены на те, которые могут быть обеспечены его участниками самостоятельно; при помощи действий их представителей; посредством реализации полномочий должностных лиц правоохранительных органов.

Для реального обеспечения правового интереса необходимо принимать во внимание временной период, на который направлена его фактическая реализация, что предопределяет необходимость в выделении темпорального (временного) критерия, при помощи которого правовые интересы могут быть классифицированы на те, которые направлены либо на превентивную правовую охрану прав и свобод участников процесса в будущем; на беспрепятственную реализацию прав и свобод его участников в настоящее время; на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Как известно, в уголовно-процессуальном законе предусмотреть исчерпывающим образом все возможные варианты поведения его участников невозможно, однако это не означает, что интерес, преследующий позитивные социальные результаты, не подлежит правовой защите. В связи с чем возникает

потребность в конструировании правового критерия, при помощи которого правовые интересы могут быть подразделены на получившие правовое закрепление и не нашедшие прямого отражения в законе, но также подлежащие правовой охране.

В связи с изложенным, по нашему мнению, под интересами в уголовном процессе необходимо понимать социально детерминированные, обусловленные конкретно историческими условиями жизни общества, возникающие на основе потребностей как отдельных людей, социальных групп, неопределенного круга лиц, так и общества в целом внутренне осознаваемые участниками уголовного процесса морально-нравственные ориентиры их уголовно-процессуальной деятельности, реализуемые ее участниками самостоятельно и (или) при помощи действий их представителей, а также посредством реализации полномочий должностных лиц правоохранительных органов на различных стадиях процесса, направленные на достижение социально значимых результатов, воплощающиеся в целях и задачах уголовного судопроизводства, принципах уголовного процесса, субъективных правах, обязанностях его участников и полномочиях государственно-властных участников процесса с целью превентивной правовой охраны от нарушений прав человека и государства, беспрепятственной реализации прав и свобод его участников в настоящее время и восстановления указанных прав в случаях их нарушения, достижения социальной справедливости, получившие нормативное закрепление, а также хотя и не нашедшие прямого отражения в законе, но подлежащие правовой охране с целью осуществления уголовного правосудия, защиты общества, государства и личности от преступных посягательств¹.

Из указанного определения можно сформулировать наиболее существенные признаки правовых интересов при последовательном использовании четырех критериев:

¹ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

1. Содержательного критерия, в зависимости от внутреннего содержания интересов (частные или публичные), правовые интересы участников уголовно-процессуальной деятельности могут быть закреплены:

- в целях и задачах уголовного судопроизводства;
- в принципах уголовного процесса;
- в субъективных правах и обязанностях участников процесса;
- в полномочиях государственно-властных участников процесса.

2. Субъектного критерия, с учетом классификации правовых интересов на те, которые могут быть реализованы самостоятельно и (или) при помощи иных лиц, в зависимости от того, кто обеспечивает правовые интересы участников уголовного процесса:

- реализуемые участниками процесса самостоятельно;
- при помощи действий их представителей;
- посредством реализации полномочий должностных лиц правоохранительных органов.

3. Темпорального (временного) критерия, в основу выделения которого заложен временной период, на который направлена фактическая реализация правового интереса, в связи с чем уголовно-процессуальная деятельность по обеспечению правовых интересов участников процесса осуществляется в конкретный период времени:

- с целью превентивной правовой охраны прав и свобод участников процесса в будущем;
- для беспрепятственной реализации прав и свобод его участников в настоящее время;
- с целью защиты и восстановления нарушенных прав и свобод участников процесса.

4. Правового критерия, в зависимости от того, закреплены ли правовые интересы в правовом акте государства или нет, последние могут классифицированы на:

- правовые интересы, получившие закрепление в законодательстве;

- правовые интересы, не нашедшие прямого отражения в законе, но подлежащие правовой охране.

Как известно, интересы любого современного нормально функционирующего и развивающегося общества направлены на борьбу с преступностью, обеспечение законности и правопорядка, то есть на охрану и защиту публичных интересов. Искоренения преступных действий и недопущения их впредь можно гипотетически достичь различными способами:

- легальными (посредством деятельности специально созданных органов охраны и правопорядка, таких как полиция, прокуратура, суд и т.д.);

- нелегальными (самосуд, хаос, массовые беспорядки и т.д.).

Но если утверждать, что публичные интересы, в том числе и в сфере уголовного правосудия, - это интересы общества и государства, то это, значит, что ученый не определяет понятие, не раскрывает сущность явления посредством определения его дефиниции, к чему всегда стремится подлинная наука, а перечисляет синонимы указанного понятия¹.

Поэтому полагаем, что публичные интересы в уголовном судопроизводстве - это интересы правосудия в целом, которые совпадают с интересами общества и государства². В ходе стадий, предшествующих направлению уголовного дела в суд, публичные правовые интересы представляют собой интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства в силу следующего:

1. В Российской Федерации обеспечение законности и правопорядка в сфере уголовно-процессуального права возложено на специально созданные

¹ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

² Хроменков И.Р. Актуальные проблемы реализации частных и публичных интересов на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 7. С. 181-185.

государственно-властные органы¹, то есть уголовный процесс - это преимущественно государственно-властная деятельность;

2. В полной мере публичные интересы (интересы общества и государства) в сфере уголовного процесса могут быть достигнуты при достижении целей правосудия: в случае привлечения к уголовной ответственности и осуждения лица, действительно совершившего инкриминируемое ему деяние; в случае реальной защиты прав и свобод лиц, потерпевших от преступлений; при освобождении от уголовной ответственности в связи с применением альтернативных традиционному уголовному преследованию процедур².

3. Качественно проведенное предварительное расследование преступления направлено на создание всех необходимых условий для справедливого, объективного и беспристрастного судебного разбирательства с тем, чтобы по возможности по каждому уголовному делу было достигнуто правосудие, поэтому в стадиях процесса, предшествующих направлению уголовного дела в суд, публичные правовые интересы представлены в виде интересов правосудия, реализуемых в ходе досудебного производства³.

При этом под публичными интересами мы понимаем интересы правосудия в широком смысле этого слова, которые совпадают с интересами общества и государства⁴. Правосудие может быть обеспечено в первую очередь при условии качественно проведенного предварительного расследования преступления⁵, в ходе осуществления которого с помощью уголовно-процессуального доказывания формируются предмет и пределы предстоящего судебного разбирательства,

¹ Зяблина М.В. Уголовное судопроизводство: разделение полномочий прокурора и органов предварительного расследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 47.

² Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021. С. 5.

³ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

⁴ Там же.

⁵ Сарычев Д.С. Устранение судом первой инстанции недостатков предварительного следствия: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. С. 3.

поэтому применительно к несудебным стадиям процесса публичные правовые интересы представляют собой интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства¹, которое осуществляется посредством уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных должностных лиц с целью достижения справедливого и адекватного разрешения уголовно-правового конфликта по уголовному делу.

Правовую категорию «интересы правосудия» исследует Н.В. Романенко сквозь призму объекта уголовно-правовой охраны общественных отношений от преступных посягательств². При этом автор рассматривает интересы правосудия в двух значениях. Под интересами правосудия в узком смысле при анализе непосредственного объекта преступлений против правосудия автор понимает соблюдение установленного процессуальными актами порядка вынесения приговоров, решений и иных судебных актов с выполнением требований всех процессуальных форм, утверждающее авторитет суда и судебной власти³. Далее, анализируя дополнительный объект преступных посягательств против правосудия, Н.В. Романенко, ссылаясь на уголовно-правовую характеристику указанных деяний, сформулированных в авторитетных комментариях к российскому уголовному закону⁴, обоснованно отмечает, что «к интересам правосудия можно отнести все то, что обеспечивает «достоинство участников судебного разбирательства, интересы личности»⁵, «права и законные интересы физических и юридических лиц, честь и достоинство человека, собственность», «защищаемые соответствующими судебными актами права, свободы и законные интересы

¹ Отечественный уголовно-процессуальный закон оперирует словосочетанием «интересы предварительного расследования». См., например, ч. 4 ст. 96 и ч. 1 ст. 161 УПК РФ.

² Романенко Н.В. К вопросу о содержании конституционных интересов правосудия в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2020. № 8. С. 25-29.

³ Романенко Н.В. Указ. соч. С. 25-29.

⁴ Романенко Н.В. К вопросу о содержании конституционных интересов правосудия в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2020. № 8. С. 25-29.

⁵ Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В. и др. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. - Саратов, 2013. - 848 с.

граждан, интересы юридических лиц, иных организаций, общества и государства»¹.

Автор настоящего исследования полагает, что характеристика интересов правосудия в широком смысле этого понятия, предложенная Н.В. Романенко, олицетворяет собой публичный интерес. На то, что публичный интерес является собой интересы правосудия, указывает и Европейский Суд по правам человека².

Вместе с тем в стадиях процесса, предшествующих направлению уголовного дела в суд (возбуждения уголовного дела, предварительного расследования), публичный правовой интерес представлен интересами правосудия, реализуемыми в ходе досудебного производства государственно-властными участниками уголовного судопроизводства (судом, прокурором, дознавателем, следователем, и т.д.)³.

Частными (личными) же интересами являются интересы участников уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения (потерпевшего, гражданского истца, их представителей), так и участников со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика, а также их представителей), не наделенных государственно-властными полномочиями в уголовном судопроизводстве, так и иных лиц, чьи права и законные интересы также могут быть затронуты проводимыми следственными и иными процессуальными действиями и решениями по уголовному делу (свидетеля, лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, лица, не являющегося подозреваемым, но на имущество которого судом по ходатайству органов предварительного расследования наложен арест и т.д.)⁴.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд. переб. и доп. М.: Юрайт, 2012. – 1359 с.

² Чеботарева И.Н. Отказ от реализации субъективного права в уголовном процессе // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 173-182.

³ Мамонтова Д.О. К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 11. С. 31-34.

⁴ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

В чем же состоят частные и публичные правовые интересы в досудебном производстве? А.А. Тарасов обоснованно обратил внимание на то, что досудебное производство по уголовным делам нередко сопровождается ситуацией «конфликта между публичным интересом, связанным с необходимостью обеспечить беспрепятственное движение уголовного дела и установление его юридически значимых обстоятельств, и частными интересами конкретных носителей конституционных прав и свобод»¹.

Как пишет Э.С. Каминский, «на стадии возбуждения уголовного дела публичный правовой интерес заключается в установлении необходимости (либо ее отсутствия) возбуждения уголовного дела и уголовного преследования конкретного лица, что достигается посредством проведения объективной проверки сообщения о преступлении, охране прав участников этой проверки. В стадии предварительного расследования содержание публичного интереса составляют: своевременное и объективное, осуществляемое по предусмотренным законом правилам установление обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, данных о личности виновного, а также иных обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и входящих в предмет доказывания; обеспечение прав участников предварительного расследования, обоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения при возникновении такой необходимости; обеспечение возмещения вреда, причиненного потерпевшему; своевременное прекращение уголовного преследования (уголовного дела) при выявлении к тому оснований»².

На наш взгляд, с процитированной точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, поскольку обоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения - это средство достижения публичных правовых интересов, реализуемых в ходе досудебного производства, связанных с обеспечением

¹ Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2016. С. 332.

² Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021. С. 31.

надлежащего порядка предварительного расследования, исполнения участниками процесса своих уголовно-процессуальных обязанностей. Представляется, что основная сложность попытки определения в чистом виде содержания частных интересов, реализуемых в ходе досудебного производства, заключается в том, что в силу преимущественно публичного характера уголовно-процессуальной деятельности частные интересы некоторых ее участников нередко совпадают с публичными интересами, то есть правовая природа правовых интересов в уголовном процессе имеет смешанный характер.

Так, например, Верховный Суд РФ в одном из своих решений со ссылкой на ранее сформулированную позицию Конституционного Суда РФ¹ напомнил о том, что прерогатива по возбуждению дел публичного и частно-публичного обвинения, дальнейшее уголовное преследование конкретного лица, признание указанного лица виновным в совершении преступления, назначение ему уголовного наказания детерминированы преимущественно публично-правовыми интересами, а не частными интересами потерпевшего².

Высший орган конституционного контроля неоднократно указывал на «необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов на основе принципа справедливости, что предполагает защиту как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности»³.

Вместе с тем, правовые интересы потерпевших при возбуждении дел частного обвинения, связанные с уголовным преследованием конкретных лиц без

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2053-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Писарчука Константина Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьями 6 и 60 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. по делу № 58-АПУ16-11 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко" // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 1980-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шестерова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 51, 125, 214 и 286 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

участия органов предварительного расследования, правомочие мирового судьи передать материалы проверки в правоохранительные органы в случае, если данные о лице, предположительно совершившим уголовно наказуемое деяние, не известны, возможность начать ординарный порядок уголовного преследования и по делам частного обвинения (ч. 4 ст. 20 УПК РФ), свидетельствуют о том, что частные правовые интересы совпадают с публичными, поскольку в первую очередь государство заинтересовано в своевременном и справедливом разрешении уголовно-правовых конфликтов, реальной защите нарушенных прав и свобод участников процесса, чем и можно объяснить недавнюю законодательную инициативу Верховного Суда РФ, связанную с ликвидацией дел частного обвинения¹.

Еще одним примером сформулированной нами позиции может послужить такой участник процесса со стороны защиты, как адвокат. С одной стороны, защитник во многом ограничен частными интересами своего подзащитного, он в первую очередь представляет частный интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности, связанный с защитой от предъявленного органами предварительного расследования обвинения, доказыванием своей невиновности и др. С другой стороны, реализация гарантированного конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ), случаи обязательного участия защитника (ст. 51 УПК РФ), свидетельствуют о том, что достижение целей и задач уголовного правосудия невозможно без надлежащего обеспечения права на защиту. Указанное суждение получило распространение и в юридической литературе². Более того, Конституционный Суд

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Тарасов А.А. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 175-176.

РФ последовательно придерживается данной позиции¹. Поэтому есть все основания утверждать, что деятельность защитника в уголовном процессе связана с защитой публичных правовых интересов.

Более того, реализация частного интереса обвиняемого по уголовному делу, связанного с полным либо частичным возмещением причиненному потерпевшему вреда, совпадает с публичным правовым интересом, заключающемся в устранении или минимизации негативных последствий совершенного преступления. Совпадение частного интереса обвиняемого с публичными правовыми интересами прослеживается и в ситуации, при которой с обвиняемым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, в результате чего раскрываются другие тяжкие преступления, лица их совершившие привлекаются к уголовной ответственности.

В юридической литературе указывается на то, что «субъекты, не представляющие государство и соответственно не наделенные государственно-властными полномочиями априори, руководствуются частным интересом»². Аналогичную позицию занимает и Ю.Г. Овчинников, отмечая, что «обеспечение прав личности» распространяется лишь на определенную категорию участников уголовного судопроизводства. Поэтому термин «интересы личности» в уголовном процессе не применим к должностным лицам и государственным органам уголовного судопроизводства»³. Однако на примере потерпевшего, защитника и обвиняемого становится ясно, что реализация частных правовых интересов указанных участников процесса затрагивает и публичные правовые интересы, хотя остальным перечисленным критериям они соответствуют.

Представляется, что частные правовые интересы в досудебном производстве обладают следующими признаками:

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В. Макеева" // СПС «КонсультантПлюс».

² Тарасов А.А. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 147.

³ Овчинников Ю.Г. Категория «личность» и ее правовое положение в уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 27. С. 63-67.

- они не затрагивают публичные правовые интересы;
- не исключены ситуации, при которых частные и публичные интересы совпадают, когда направленность частного интереса имеет потенциальные позитивные результаты для государства и общества в целом, в связи с чем частные интересы не индифферентны государству;
- их носителями являются лица, не обладающие государственно-властными полномочиями, в том числе по применению мер принуждения, производству следственных действий;
- в большей степени частные интересы характерны для участников процесса со стороны защиты (обвиняемого, подозреваемого), поскольку во многом принудительный характер уголовно-процессуальной деятельности в первую очередь затрагивает именно их интересы;
- носителями частных интересов могут быть не только участники процесса и их представители (например, по доверенности, законные представители, защитники), но и иные лица, в том числе и те, которые не будут являться участниками судебного разбирательства (например, собственники имущества, на которое судом наложен арест, залогодатели).

Являются ли понятия частного и личного интереса синонимами либо между ними существуют принципиальные различия?

Так, например, Л.И. Ильницкая определяет личный интерес в качестве «интереса, обусловленного тем, что совершенное преступление непосредственно, лично затрагивает субъекта, и выражающегося в стремлении потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика к достижению определенного исхода уголовного дела»¹. И.С. Дикарев пишет о том, что «интересы общественных организаций не могут именоваться частными, поскольку «частный» означает «личный», не общественный, не государственный»². По мнению указанного автора, «интересы, отстаиваемые как

¹ Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 6-7.

² Дикарев И.С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73-78.

физическими, так и юридическими лицами (в том числе общественными организациями), следует называть личными, т.е. принадлежащими какому-нибудь лицу (физическому или юридическому)¹.

Итак, мы можем выделить две основные имеющиеся в науке уголовного процесса точки зрения по вопросу соотношения частного и личного интересов:

1. Частный и личный интерес - понятия, являющиеся синонимами, поскольку основной акцент при употреблении данных терминов делается на их противопоставлении публичным правовым интересам в уголовном процессе. Однако более предпочтительным все же является употребление прилагательного «частный». Словосочетание «частный интерес» является устоявшимся и широко употребляемым не только в науке уголовно-процессуального права, но и в судебной практике, в том числе Верховного и Конституционного Судов РФ².

Диссертант придерживается указанной точки зрения, поскольку в сущностном плане носителем (субъектом) указанного интереса остаются частные лица. Поэтому в названии настоящего диссертационного исследования и в его тексте активно используется понятие «частного интереса».

2. При конкуренции терминов «частный» и «личный» с целью выражения сущности интереса понятие «личный интерес» имеет определенное преимущество, так как подчеркивает связь с конкретным физическим или юридическим лицом, в отличие от «частного интереса» (Л.И. Ильницкая, И.С. Дикарев).

Прежде чем перейти к вопросу о соотношении частных и публичных начал в уголовном процессе, необходимо отметить, что в научной литературе указанная проблема рассматривается учеными с различных позиций. Для целей настоящего исследования и в силу ограниченности его объема будет последовательно раскрыто обеспечение судом правовых интересов в ходе индивидуального правового

¹ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 73-78.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П "По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова" // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П "По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко" // СПС «КонсультантПлюс».

регулирования при рассмотрении судом различных материалов досудебного производства, при этом для раскрытия сложности данной проблематики представляется необходимым все же в самом общем виде осветить и иные ракурсы, под которыми также возможно рассмотрение данного сложного вопроса¹.

1. В широком и узком смысле. В юридической литературе справедливо отмечается, что вопрос о соотношении частных и публичных интересов в уголовном процессе может быть рассмотрен в двух аспектах: в широком смысле - при таком подходе уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов рассматривается как гарантия защиты общества от преступности и одновременно как гарантия от незаконного привлечения гражданина к уголовной ответственности, осуждения и незаслуженного наказания; в узком - соотношение частных и общественных элементов в уголовно-процессуальном праве полностью поглощается принципами диспозитивности и публичности², и весь анализ по существу сводится к сравнительно-правовому анализу указанных принципов уголовного судопроизводства.

К сожалению, ученые-процессуалисты зачастую рассматривают данную проблематику в основном с позиции принципов диспозитивности и публичности, то есть в узком смысле³. Лишь отдельные авторы пытаются раскрыть вопрос о соотношении частных и публичных правовых интересов в широком смысле. Так, например, Д.В. Шаров в одной из публикаций рассуждает о том, что правовые интересы потерпевшего в российской правоприменительной практике неоправданно оказываются сдвинутыми на второй план, по сравнению с

¹ Хроменков И.Р. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в российском досудебном производстве по уголовным делам: многообразие ракурсов постановки проблемы // Инновационная парадигма развития системы права. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Гомель, Республика Беларусь, 2021. С. 172-175.

² Каминский Э.С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270–280.

³ Рогова О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1994. С. 3; Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: дис. ...канд. юрид. наук. Оренбург, 2001. - 200 с.

правовыми интересами лиц, привлекаемых к уголовной ответственности¹. В связи с чем автором настоящего исследования будет предпринята попытка рассмотреть вопрос о соотношении частного и публичных элементов в широком смысле применительно к правообеспечительной деятельности суда в ходе досудебных стадий российского уголовного процесса.

2. С точки зрения внутреннего содержания частных и публичных интересов. Как указывает Л.А. Меженина, «интерес к проблеме соотношения частного и публичного в праве появился лишь в XIX веке в виду все возрастающего внимания к идеям правового государства и конституционного строя. Деление на частное и публичное право в России исторически не было выражено по причине сложившейся специфики общинного права и сильного влияния обычаев»².

В литературе дискуссионным является вопрос о том, входит ли в содержание публичного интереса взятый под охрану личный интерес или уже указанные понятия по своей правовой природе являются различными?

Например, Л.Н. Масленникова выделяет публичное, частное и диспозитивные начала уголовного судопроизводства³. И если с публичным элементом вопросов не возникает, то предложенное автором разграничение диспозитивного и частного начала нуждается в их конкретизации, особенно в свете дискуссионного характера о содержании публичного интереса и его соотношении с частным. Так, указанный автор пишет о том, что частное начало является исключением, которое не определяет основы уголовного процесса, системообразующими элементами которого являются частный интерес, публичные средства защиты, заинтересованные участники уголовного судопроизводства, реализующие субъективные частные права либо отказывающиеся от реализации субъективных публичных прав⁴. Далее, автор отмечает, что «диспозитивное начало

¹ Шаров Д.В. Защита законных интересов потерпевшего в уголовного судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 63-65.

² Меженина Л.А. Публичность российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. - 178 с.

³ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. - 554 с.

⁴ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. - 554 с.

- начало особенное, определяющее содержание публичного или частного начал в зависимости от характера индивидуального интереса личности (общественного или частного), реализации (отказа от реализации) субъективных прав. Диспозитивное начало определяет содержание публичного начала при условии, что личность путем реализации предоставленных ей субъективных публичных прав защищает свой индивидуальный интерес, имеющий общественный характер. Диспозитивное начало определяет содержание частного начала при условии, что личность путем отказа от реализации субъективных публичных прав или путем реализации субъективных частных прав защищает свой индивидуальный интерес, носящий частный характер»¹.

Таким образом, по мнению Л.Н. Масленниковой, в содержание публичного интереса входит индивидуальный интерес при условии, что частное лицо реализует свои субъективные права, что в полной мере соответствует интересам общества и государства. На наш взгляд, при раскрытии указанным автором содержания частного начала представляется неудачным использование словосочетания «субъективные публичные права», поскольку в науке уголовного процесса является доминирующей точка зрения применительно к должностными лицами правоохранительных органов, что речь необходимо вести не о субъективных публичных правах данных лиц, а о полномочиях².

Ф.Н. Багаутдинов отмечает, что «...публичный интерес направлен также на защиту законных интересов личности, а обеспечение прав личности является необходимой предпосылкой обеспечения законности и достижения назначения уголовного судопроизводства»³.

Т.В. Исакова указывает, что при решении вопроса о содержательном наполнении частного и публичного, необходимо исходить из того, что, если преступлением затрагиваются не только личные интересы, но и государственные

¹ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2000. - 554 с.

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 108.

³ Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

(общественные), то первые полностью поглощаются последними, и во внимание не принимаются, за исключением уголовных дел частного обвинения.¹ В то же самое время автор в цитируемой публикации отмечает, что определенных условиях частный интерес может противоречить публичному при условии, что лицо (например, потерпевший) не желает использовать субъективные права и обязанности. В сущностном плане противопоставление Т.В. Исаковой двух ситуаций, при которых в содержание публичного интереса входит частный, а также, когда личный интерес имеет автономное значение, по сути, представляет собой использование ранее разработанной Л.Н. Масленниковой конструкции «диспозитивного начала».

На наш взгляд, частный и публичный правовые интересы в содержательном смысле различны, тем не менее, необходимо отметить, что особенностью публичного интереса является то, что он, в конечном счете, осуществляется не только с целью защиты государства и общества в целом, но и частных интересов участников уголовного процесса, однако, лишь при условии, что этот личный интерес направлен на достижение общественно значимого, позитивного результата, не противоречащего нормам законодательства, а потому подлежащего правовой защите.

3. Исходя из деления уголовно-правовой защиты от предъявленного обвинения с учетом специфики субъектного состава и содержания средств ее реализации.

Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов может быть рассмотрена еще под одним углом зрения, который требует исследователя обратиться к противопоставлению защиты формальной и материальной. Среди научного сообщества является общепризнанной точка зрения, согласно которой суть формальной защиты заключается в правомочии лица обращаться за помощью к защитнику, не рассчитывая на обязанности правоохранительных органов по

¹ Исакова Т.В. О понятии интереса в уголовном процессе // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. Орел, 2017. С. 92.

обеспечению прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности¹. Понятие материальной защиты включает в себя все средства и способы по защите от обвинения, осуществляемые как самими обвиняемым посредством реализации всех предоставленных ему законом прав для защиты от обвинения, так и по собственной инициативе правоохранительными органами, обязанными в соответствии с должностными обязанностями предпринимать все меры для защиты любого лица от необоснованного обвинения². В дальнейшем для целей настоящего исследования при раскрытии роли суда в системе обеспечения частных и публичных интересов в уголовном процессе автором исследования будет использоваться в основном понятие материальной защиты в контексте обязанностей суда по защите и реальному обеспечению правовых интересов участников процесса.

4. С учетом построения и функционирования ключевых уголовно-процессуальных моделей в их географическом и содержательном наполнении (континентальная, англосаксонская, советская, мусульманская и др.). Так, например, в юридической литературе справедливо отмечается, что «если в уголовном процессе главенствует общественный интерес, то деятельность направлена на установление материальной (объективной) истины, так как только она соответствует социальной справедливости. Если же на передний план выступает частный интерес, то о материальной истине речи быть не может, нужно говорить об истине формальной, сугубо юридической, т.е. о правоте сильной стороны в судебном споре»³. В последнем случае речь идет о том, что целью англосаксонской (англо-американской) модели уголовного процесса является процессуальная состязательность сторон на всех стадиях. Указанное уточнение особенно важно, учитывая, что в юридической литературе далеко не всегда авторы публикаций разграничивают целеполагающие начала континентальной и англосаксонской процессуальных систем. Так, например, в одной из недавних

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 99.

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 99.

³ Давлетов А.А., Барабаш А.С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 131.

публикаций указано следующее: «пример превалирования личного интереса над истиной можно найти и в англосаксонском праве»¹, хотя очевидно, что цель достижения истины в англо-американском процессе отсутствует.

5. Исходя из двух ключевых моделей построения уголовного процесса, исходя из приоритетности тех или иных ценностей (с одной стороны, гарантированность неукоснительного соблюдения прав и свобод человека, с другой, необходимость ограничения указанных прав с целью защиты государства и всех его членов от противоправных посягательств): контроля над преступностью либо надлежащей правовой процедуры², и, в более глобальном аспекте, вектора развития уголовно-процессуальной политики, соответственно.

Как справедливо отмечается в Курсе уголовного процесса Юридического Факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: для современной отечественной уголовно-процессуальной политики характерны колебания, заключающиеся в поиске «золотой середины» между моделями «надлежащей правовой процедуры» и «контроля над преступностью»³. Анализ недавних предложений по оптимизации уголовно-процессуального законодательства, прозвучавших на официальной уровне со стороны руководства судебским сообществом на Совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, прошедшем 12.02.2020 в Москве (введение уголовного проступка⁴, института следственных судей⁵), и другие предлагаемые новации, связанные с декриминализацией некоторых составов преступлений⁶, поступающие

¹ Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Потапов В.Д., Железняк Н.С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 143.

² Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // Stanford University Press. 1968. P. 1-12.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 55-59.

⁴ В законодательстве появятся «уголовный проступок» и «следственные судьи» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3204-v-zakonodatelstve-rouavyatsya-ugolovnyu-prostupok-i-sledstvennye-sudi> (дата обращения 23.02.2020).

⁵ Советник ФПА рассказал, чем будут заниматься следственные судьи // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3212-sovetnik-fpa-rasskazal-chem-budut-zanimatsya-sledstvennye-sud> (дата обращения 23.02.2020).

⁶ Хищение менее 2,5 тыс. руб. перестанут считать кражей // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3206-hishchenie-menee-25-tys-rub-perestanut-schitat-krajeu> (дата обращения 23.02.2020); Госсовет предложил ввести наказание для следователей и судей за необоснованные дела // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL:

предложения о расширении подсудности суда с участием присяжных заседателей¹, бесспорно, свидетельствуют о том, что современной направленностью российской уголовно-процессуальной политики необходимо считать тяготение к модели «надлежащей правовой процедуры», максимальная ориентация уголовного процесса на гуманизацию уголовного законодательства. Вместе с тем, закон, ограничивший применение особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в порядке гл. 40 УПК РФ по уголовным делам о тяжких преступлениях, содержит в себе проявление концепции «борьбы с преступностью»².

На взаимосвязь поиска баланса уголовно-процессуальных интересов при конструировании моделей уголовно-процессуальной политики также обратила внимание Д.О. Мамонтова³.

Автор настоящего исследования является сторонником «надлежащей правовой процедуры», ярким олицетворением которой является фраза, содержащаяся в одном из судебных решений Верховного Суда США - «Фишер против одного из штатов» 1926 г.: «...обязанность обеспечения конституционных прав лица, в отношении которого проводится судебное разбирательство, на протяжении всей жизни указанного лица превалирует над простыми правилами судопроизводства, и там, где суд определенно убежден в наличии таких нарушений, он отказывается признавать их законными, и применяет восстановительные меры»⁴.

<https://www.ugpr.ru/news/3213-gossovet-predlozil-vvesti-nakazanie-dlya-sledovateley-i-sudey-za-neobosnovannye-dela> (дата обращения 23.02.2020).

¹ Присяжные будут рассматривать дела предпринимателей // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3205-prisyajnye-budut-rassmatrivat-dela-predprimateley> (дата обращения 23.02.2020).

² Федеральный закон от 20 июля 2020 года № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 24 июля. № 162.

³ Мамонтова Д.О. Роль понятия интереса в установлении институциональной сущности уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2020. № 5. С. 22-27.

⁴ Trachtenberg, Ben and Alexander, Anne Gardner, Show Me Criminal Procedure (July 24, 2019). Show Me Criminal Procedure Second Edition - Spring 2019; University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper No. 2019-13. P. 25. Available at SSRN: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3426184> (дата обращения 06.12.2019).

6. Проблема соотношения частного и публичного при осуществлении уголовного правосудия может быть рассмотрена еще исходя из одной классификации, также связанной с направлением развития уголовно-процессуальной политики: карательным или восстановительным правосудием.

Безусловно, качественное расследование преступления в ходе досудебного производства и последующее судебное рассмотрение каждого уголовного дела служат значимой гарантией осуществления правосудия, однако является неоспоримым и тот факт, что такие процедуры в случае совершения нетяжких преступлений, в том числе совершенных в условиях очевидности, примирении потерпевшего с обвиняемым, не всегда оправданы как с точки зрения прав самих участников процесса (например, в ходе осуществления расследования и судебного разбирательства потерпевший переживает так называемую «двойную виктимизацию», у обвиняемого в силу различных обстоятельств организационного и технического порядка момент совершения преступления и назначения судом уголовного наказания иногда отдален на продолжительный срок, в некоторых случаях от полугода до года, что создает ему определенный эмоциональный дисбаланс и неопределенность в дальнейшей судьбе).

Так, даже на стадии возбуждения уголовного дела в отечественном процессе сам заявитель (пострадавший) и предполагаемое лицо, причастное к совершению преступления, впоследствии после поступления в правоохранительный орган информации о возможном нарушении уголовного закона, еще до принятия уполномоченным должностным лицом процессуального решения о возбуждении уголовного дела, обращаются с письменными заявлениями к лицу, проводящему процессуальную проверку, с заявлениями, в которых просят дальнейшую проверку по первоначальному заявлению не проводить, поскольку потерпевший в фактическом смысле и его обидчик урегулировали возникший ранее между ними конфликт, претензий друг к другу не имеют.

Более того, несмотря на приверженность российского уголовного процесса принципу законности (легальности), а не целесообразности, известному некоторым

странам, принадлежащим к континентальной правовой семье и англосаксонской¹, правоприменитель еще на этапе досудебной проверки при решении вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела публичного или частно-публичного обвинения, не руководствуется исключительно законом, требующего незамедлительного принятия решения о начале досудебного расследования в каждом случае при обнаружении признаков преступления. Принимаются во внимание и иные факторы (вероятность изменения в последующем первоначальных показаний лица, который будет признан потерпевшим, в ходе досудебного производства или в ходе судебного разбирательства или отказа от этих показаний в будущем; какова будет в ходе расследования и рассмотрения дела по существу позиция обвиняемого, что в ряде случаев в практической деятельности должностных лиц предопределяет возбуждение уголовного дела по факту, даже при наличии в материалах проверки объективных сведений, указывающих на причастность к совершению преступления конкретного лица; в целом судебная перспектива уголовного дела).

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Правовые интересы в уголовном процессе - социально детерминированные, обусловленные конкретно историческими условиями жизни общества, возникающие на основе потребностей как отдельных людей, социальных групп, неопределенного круга лиц, так и общества в целом внутренне осознаваемые участниками уголовного процесса морально-нравственные ориентиры их уголовно-процессуальной деятельности, реализуемые ее участниками самостоятельно и (или) при помощи действий их представителей, а также посредством реализации полномочий должностных лиц правоохранительных органов на различных стадиях процесса, направленные на достижение социально значимых результатов, воплощающиеся в целях и задачах уголовного судопроизводства, принципах уголовного процесса, субъективных правах,

¹ Головки Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Книга 11 / отв. ред. Л. В. Головки. М. Правоведение, 2009. С. 302-310.

обязанностях его участников и полномочиях государственно-властных участников процесса.

2. Публичными правовыми интересами в уголовном судопроизводстве являются интересы правосудия в целом, которые совпадают с интересами общества и государства. В ходе стадий, предшествующих направлению уголовного дела в суд, публичные правовые интересы представляют собой интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства. Эффективная реализация публичных правовых интересов состоит в своевременном и справедливом разрешении уголовно-правовых конфликтов. Однако это не означает, что в досудебных стадиях российского уголовного процесса суд полностью отстранен от деятельности органов, осуществляющих досудебное производство, поскольку как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования в силу преимущественно принудительного характера уголовно-процессуальной деятельности конституционные права и свободы граждан нуждаются не только в соразмерном и адекватном ограничении, но и в постоянной защите от возможных нарушений, что предполагает высокую степень ответственности суда за обеспечение правовых интересов его участников при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве: в ходе разрешения ходатайств органов предварительного расследования о применении мер уголовно-процессуального принуждения и производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, а также при рассмотрении жалоб участников процесса на действия (бездействие) должностных лиц правоохранительных органов.

3. Частными (личными) интересами являются интересы участников уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения (потерпевшего, гражданского истца, их представителей), так и участников со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика, а также их представителей), не наделенных государственно-властными полномочиями в уголовном судопроизводстве, так и иных лиц, чьи права и законные интересы также могут быть затронуты проводимыми следственными и иными

процессуальными действиями и решениями по уголовному делу (свидетеля, лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, лица, не являющегося подозреваемым, но на имущество которого судом по ходатайству органов предварительного расследования наложен арест и т.д.).

4. Вопрос о соотношении частных и публичных начал в уголовном процессе может быть раскрыт с различных позиций. Деление интересов на государственные (общественные) и личные предопределено во многом подразделением отраслей российского права на частные и публичные, а также особым местом и ролью уголовно-процессуального права в системе законодательства.

§ 2. Соотношение правовых интересов с назначением уголовного процесса

В предложенной диссертантом дефиниции интересов было указано, что уголовно-процессуальные интересы воплощаются в его целях и задачах. Сказанное подтверждается мнениями авторитетных ученых-процессуалистов.

Я.И. Баршев, процессуалист дореволюционной эпохи и автор первого учебника по уголовно-процессуальному праву¹, отмечал, что «задачей уголовного процесса является такое построение последнего, при котором в совершении преступления изобличается действительно виновное лицо, его совершившее, после чего следует назначение уголовного наказания, в то же время, невиновный остается в возможной неприкосновенности, и вообще лицо, обвиняемое в совершении преступления, не должно испытывать какие-либо страдания при производстве предварительного расследования, так как иное противоречило бы целям уголовно-процессуальной деятельности»².

Так, например, А.П. Чебышев-Дмитриев отмечал, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. проникнут состязательными элементами процесса, воспроизводя публичное начало, которое и выступает всякий раз, когда им

¹ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб, 1841. С. 41.

² Там же. С. 41.

ограничивается частный или публичный интерес, требующий как того, чтобы ни одно преступление не оставалось безнаказанным, так и того, чтобы невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, то есть задачей уголовного процесса является достижение по результатам судебного разбирательства материальной (объективной) истины и отражение ее в приговоре суда¹.

И.Я. Фойницкий писал следующее: «Общественное или публичное начало уголовного процесса противопоставляется частному началу, которое заключается в том, что судебное разбирательство по уголовным делам происходит в общегосударственных интересах, требующих не осуждения обвиняемого во что бы то ни стало, а правильного применения уголовного закона посредством установления истины по уголовному делу, наказание невинных вредит государству еще более, чем оправдание виновных»².

В советский период развития науки уголовного процесса Л.Д. Кокорев отмечал, что «единство общественных и личных интересов характерно и для социалистического правосудия, где оно прежде всего выражено в целях, и задачах судопроизводства, в том, чтобы каждый совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 2 УПК РСФСР). Единство это проявляется и в том, что с точки зрения общественных интересов для достижения задач судопроизводства допускаются лишь те средства, которые полностью согласуются с правами и законными интересами личности»³.

Советский ученый М.С. Строгович так сформулировал цель уголовного процесса: «...обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от

¹ Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб, 1875. С. 105.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 8-9.

³ Кокорев Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 77.

неосновательного обвинения невиновного человека и оказание воспитательного воздействия на граждан»¹.

Как справедливо указывает современный исследователь Т.А. Дуйшенбиев, «цель уголовного судопроизводства должна объективно согласовывать интересы общества в целом (восстановление общественных отношений, нарушенных преступлением) и интересы отдельной личности (охрана и защита прав и законных интересов от злоупотреблений в связи с производством по уголовному делу)². Оптимальное согласование интересов личности, общества, государства, по мнению Т.А. Дуйшенбиева, выражается через цель уголовного судопроизводства³.

К сожалению, в современном назначении уголовно-процессуальной деятельности не нашел адекватного отражения публичный интерес. У человека, не знакомого с уголовно-процессуальным правом, исходя из формулировки ст. 6 УПК РФ может сложиться неверное представление, что уголовный процесс предназначен исключительно для защиты и восстановления нарушенных прав частных лиц, что совсем неверно. К сожалению, интересы общества и государства оказываются сдвинутыми на второй план не только в законе, но и в доктринальном смысле⁴. Так, например, в периодической печати время от времени прослеживается мысль, констатирующая объективно сложившуюся тенденцию: «принципиальное изменение отношения государства к личности, что нашло отражение непосредственно в Конституции РФ и конкретизировано в других нормативных правовых актах, в том числе в УПК РФ, повлекло существенное изменение доктрины и содержания уголовного судопроизводства, придав ему направленность

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том I: основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 41.

² Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве: По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. - 265 с.

³ Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве: По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. - 265 с.

⁴ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

прежде всего на охрану прав и законных интересов личности»¹. Об усилении частного начала и диспозитивности в уголовном процессе, об усилении внимания законодателя к интересам отдельной личности указывают также Н.В. Морозова и А.Д. Чаплыгина².

В уголовно-процессуальной науке учёными нередко высказывается мысль, безусловно, требующая поддержки, о том, что рассматривать эффективность уголовно-процессуальной системы исключительно сквозь призму прав его участников недопустимо. Так, например, А.А. Коомбаев по результатам сравнительно-правового анализа обеспечения частных и публичных интересов в уголовном процессуальном праве Российской Федерации и Киргизии отмечает, что попытка сконцентрировать задачу уголовного процесса исключительно на защите прав и законных интересов личности представляется малопродуктивной³.

Аналогичную позицию занимает и А.О. Насырин: «...рассмотрение различных публично-правовых интересов как гарантий либо форм реализации и частного интереса, то есть в первую очередь в свете обеспечения прав участников уголовного процесса, составляет явное проявление анализируемого феномена - «благоприятствования правам человека»⁴.

Как справедливо указывает О.В. Качалова, «простое сравнение с тем назначением уголовного судопроизводства, которое нам предлагается в ст. 6 УПК РФ, приводит нас к выводу об узаконенном игнорировании интересов общества и государства в ходе производства по уголовным делам. Удовлетворенность сторон процессом и его результатами еще не означает

¹ Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Потапов В.Д., Железняк Н.С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 145.

² Морозова Н.В., Чаплыгина А.Д. К вопросу о процессуальных гарантиях, права и законных интересах участников уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского Юридического Института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 10-15.

³ Коомбаев А.А. Проблемы баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 5 октября 2018 года. С. 166-174.

⁴ Насырин А.О. Частные и публичные в уголовном процессе: современные концепции // Развитие юридической науки и проблемы преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы второго международного круглого стола. Шахты, 30 марта 2019 года. С. 125-127.

соответствие этого интересам общества и государства»¹. Следует также согласиться с Ю.К. Орловым, обосновавшим внимание на то, что в ст. 6 УПК РФ не нашли отражения все социальные цели уголовной юстиции - «защита интересов государства, воспитательное значение уголовного процесса, предупреждение преступлений»².

Во-первых, законодательный (представительный) орган определяет круг уголовно наказуемых деяний, руководствуясь, прежде всего, публичным интересом. Во-вторых, в уголовном законе есть наказуемые деяния, не предполагающие наличие конкретного потерпевшего³. В-третьих, в российском уголовном законе как материальные, так и формальные составы преступлений, прежде всего, посягают на публичный интерес (за некоторым исключением, по делам частного обвинения)⁴.

Более того, уголовный процесс в иерархии системы права в первую очередь предназначен для реализации норм уголовного права, что позволило в доктринальном значении выделить юридико-технические задачи уголовно-процессуальной деятельности⁵. Тем не менее, в литературе было обосновано указано на то, что «роль уголовно-процессуального права вовсе не сводится лишь к его функциям по реализации уголовно-правовых норм»⁶.

Так, например, при применении тех или иных уголовно-процессуальных институтов необходимо не только знание иных отраслей российского права, но и их правильное применение к сложившимся правоотношениям, что, в свою очередь,

¹ Качалова О.В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 111.

² Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 6.

³ Как правило, речь идет о преступлениях с формальным составом, хотя анализ, например, положений, ст. 228.1 УК РФ и практика ее применения позволили прийти к выводу, что сбыт наркотических средств посягает на здоровье населения Российской Федерации и нравственность членов общества, в нем проживающих, в том числе и конкретных частных лиц.

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 55.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Качалова О.В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 111.

позволит правильно применить положения уголовно-процессуального закона¹. А.А. Тарасов и А.Р. Шарипова также отмечают, что «собственно производством по уголовным делам регулирующее воздействие норм уголовно-процессуального права не ограничивается»².

Так, например, приговором Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 29.06.2018 К. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде исправительных работ сроком 9 месяцев с удержанием 5 % заработной платы в доход государства. Указанный приговор вступил в законную силу 10.07.2018, после чего К. был направлен для исполнения уголовного наказания в филиал по г. Сергиеву Посаду и Сергиево-Посадскому району ФКУ УИИ УФСИН России по Московской области.

В последующем в связи с невозможностью установить местонахождение осужденного 11.03.2020 он был объявлен в розыск, как скрывшийся от контроля органов уголовно-исполнительной инспекции. Сотрудниками одного из районных отделов МВД России 22.04.2020 К. был задержан как находящийся в розыске, после чего начальник отдела полиции, производившего задержание К., обратился в суд с представлением о заключении К. под стражу на 30 суток для обеспечения дальнейшего рассмотрения вопроса о замене назначенного осужденному наказания более строгим.

Прокурор представление о заключении под стражу в отношении осужденного полагал законным, обоснованным, подлежащим удовлетворению. Осужденный и его защитник возражали против удовлетворения представления. К. пояснил, что не знал о нахождении в розыске, ранее отбывал наказание в виде исправительных работ по основному месту работы, в дальнейшем он был уволен в связи с ликвидацией предприятия. Суд, выслушав мнения участников процесса, со ссылкой на ч. 4 и ст. 46 УИК РФ и п. 18 ст. 396 УПК РФ отметил следующее.

¹ Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 131-144.

² Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Уголовно-процессуальное право в системе социальных регуляторов: место и значение // Lex Russica. 2015. № 8. С. 49.

Представленные в суд материалы не содержат документов, подтверждающих проведение в отношении осужденного первоначальных розыскных мероприятий, равно информации о фактическом отбытом периоде наказания в виде исправительных работ, поскольку в 2019 году судом отказано в замене исправительных работ более строгим наказанием ввиду наличия официального места работы у К. Отсутствие такой актуализированной информации не позволяет суду сделать вывод о соразмерности применения заключения под стражу в отношении осужденного, который в полной мере не исполнил оставшуюся часть наказания в виде исправительных работ. Одновременно документы не содержат сведений о приведении приговора суда в отношении К. к исполнению органами уголовно-исполнительной инспекции, разъяснении предусмотренных законом прав, обязанностей и ответственности за их нарушение. Таким образом, суд пришел к выводу, что представленными материалами злостность уклонения К. от отбывания уголовного наказания не подтверждена, в связи с чем рассматриваемое в судебном заседании представление удовлетворению не подлежит¹.

Еще одним примером того, что в ходе уголовно-процессуальной деятельности реализуются нормы не только уголовного права, может послужить уголовное дело в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 327 УК РФ, возвращенное Черемушкинскому межрайонному прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

В ходе судебного разбирательства судом постановлен на обсуждение сторон вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с нарушением уголовно-процессуального закона, которое исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного обвинительного постановления, так как по независящим от суда причинам, ввиду необеспечения органами дознания возможности нахождения подсудимого на территории России, суду не представляется возможным известить

¹ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 24 апреля 2020 г. по делу № 3/1-280/18 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

подсудимого о дате, времени и месте судебного заседания надлежащим образом и рассмотреть уголовное дело с его непосредственным участием.

Защитник сослался на то, что в случае рассмотрения уголовного дела в заочном порядке в отсутствие его подзащитного будут нарушены процессуальные права С., которому он лишен возможности оказать юридическую помощь, а последний имеет неотъемлемое право на принятие личного участия в заседании суда по рассмотрению уголовного дела. Государственный обвинитель, возражая против принятия судом указанного решения, указал, что место регистрации С. и местонахождение последнего на момент составления обвинительного постановления были достоверно установлены и они указаны в обвинительном постановлении.

В связи с совершением С. административного правонарушения, предусмотренного ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ, 28.02.2020 Черемушкинским районным судом г. Москвы вынесено постановление, в соответствии с которым последнему назначен административный штраф в размере 5000 рублей, а также постановлено выдворить С. за пределы Российской Федерации в форме принудительного выезда из России с помещением в ЦВСИГ ГУ МВД России по г. Москве. Данное постановление вступило в законную силу 11.03.2020. При этом начальником ЦВСИГ ГУ МВД России по г. Москве было сообщено в адрес ОМВД России по району Теплый Стан г. Москвы, что определение даты фактического исполнения постановления о выдворении возложено на УФССП России по г. Москве. Вместе с тем, дознаватель, обладая данными о личности подсудимого в части его предполагаемого выдворения, составил 11.03.2020 обвинительное постановление, которое впоследствии оказалось утверждено прокурором. В анкетных данных фигуранта уголовного дела местом нахождения С. значится ЦВСИГ ГУ МВД России по г. Москве, однако лицом, ведущим производство по уголовному делу, не было предпринято всех мер к обеспечению дальнейшего нахождения С. на территории России. Так, дознаватель с запросом в адрес УФССП России по г. Москве о предполагаемой дате исполнения выдворения С. из Российской Федерации в Республику Узбекистан не обращался, равно как со стороны органа

дознания не было и обращений в суд, вынесший постановление о выдворении последнего, с целью предоставления отсрочки исполнения соответствующего решения.

Как следовало из сообщения начальника ЦВСИГ ГУ МВД России по г. Москве от 30.04.2020, которое поступило в адрес суда 07.05.2020 в ответ на соответствующий запрос, 12.04.2020 вышеуказанное постановление суда исполнено - С. выдворен за пределы России. 15.04.2020 уголовное дело в отношении С. поступило в суд и постановлением судьи от 27.04.2020 оно назначено к рассмотрению на 07.05.2020, однако в назначенные судьей дату, время и место судебного заседания подсудимый не явился, при этом известить С. о судебном заседании не представилось возможным в связи с имевшими место фактическими обстоятельствами, учитывая, что адрес регистрации подсудимого отражен без указания конкретного дома и квартиры, факт чего препятствовал извещению подсудимого посредством направления в Республику Узбекистан почтового отправления, притом, что подсудимый может фактически проживать на территории указанной Республики и по другому адресу¹.

Одним из наиболее остро дискутируемых вопросов в науке уголовно-процессуального права является вопрос о целях и задачах указанной деятельности², полемика ученых относительно необходимости противопоставления целей и задач, их возможного отождествления, попытка отыскать и сформулировать исходя из содержания ст. 6 УПК РФ цели уголовного процесса³. Автор настоящего исследования разделяет такие понятия, как цель, задачи и назначение уголовного

¹ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 10 июня 2020 г. по делу № 1-291/2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

² На указанное обстоятельство обращают внимание ученые-процессуалисты различных научных школ, воспроизводя формулировку ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». См. например: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 54-55; Загорский Г.И., Хатуяева В.В., Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. - М.: Проспект, 2018. С. 6.

³ Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 26-27.

судопроизводства, которые, имеют различное внутреннее содержание, которое далее будет раскрыто.

Прежде всего, хотелось бы принципиально не согласиться с высказанной в науке уголовного процесса точкой зрения, согласно которой уголовное судопроизводство нельзя рассматривать как деятельность, имеющую своей непосредственной задачей борьбу с преступностью.¹ На наш взгляд, назначением уголовного процесса является обеспечение защиты общества, государства и личности от преступных деяний, что свидетельствует о тех социальных позитивных результатах, к которым стремится российское общество², а в ст. 6 УПК РФ выражены не цели уголовного процесса, а конкретизированное отражение его общего социального предназначения - обеспечение безопасности общества в целом, отдельно взятой личности от деяний, запрещенных уголовным законодательством. Как обоснованно заметила Л.М. Володина: «уголовное судопроизводство - один из инструментов власти, обеспечивающий социальную потребность в защите нарушенных прав и законных интересов человека и гражданина, общества и государства»³.

По мнению автора исследования, целью уголовного процесса является своевременное, пропорциональное и справедливое разрешение уголовно-правового конфликта по каждому уголовному делу посредством уголовно-процессуального доказывания для ответа на такие вопросы, совершило ли конкретное лицо, выступающее в качестве подозреваемого, обвиняемого, подсудимого инкриминируемое ему деяние или нет, имеются ли основания для прекращения уголовного преследования и (или) уголовного дела, действительно ли виновно лицо, привлекаемое к уголовной ответственности в совершении

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3-е изд. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2013. С. 29.

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 54.

³ Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2 (86). С. 15.

инкриминируемого ему деяния или нет, что выясняется в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу¹.

В определении цели уголовного судопроизводства, предложенной автором исследования, отсутствует указание на достижение истины, несмотря на то, что вопрос об истине в уголовном судопроизводстве последние несколько десятилетий является одним из самых противоречивых и спорных в науке уголовно-процессуального права. Так, например, Ю.К. Орлов указывал на то, что «целью доказывания является именно установление истины. Без такого установления никакие цели уголовного судопроизводства достигнуты быть не могут»². Ю.К. Орлов, в уточнение своей позиции, указывал на то, что достижение истины по уголовному делу - это не самоцель, она «является промежуточной целью, определяет достижение всех остальных и в конечном счете решает исход производства по уголовному делу»³. Важное значение для понимания взглядов автора является предложенная им трактовка принципа состязательности сторон в качестве «средства достижения других целей, и, прежде всего, достижения истины, метода отыскания истины»⁴.

В продолжение непрекращающейся научной полемики В.Н. Исаенко, предлагая нормативно закрепить в ст. 5 УПК РФ легальные определения таких свойств доказательств, как допустимость и достоверность, указывает на то, что закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве рассматриваемых понятий «может помочь установлению истины как цели доказывания по уголовному делу, заключающейся в установлении подлинных обстоятельств

¹ Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. – 2-е изд. - М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 23.

² Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 6.

³ Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 12.

⁴ Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 15.

преступления, в связи с которым оно производится, а также действительно совершившего его лица»¹.

Что касается задач уголовного процесса, то автор разделяет высказанную в юридической литературе позицию, из которой следует, что говорить о единстве задач уголовного судопроизводства не приходится, правильной вести речь о том, что задачи определяются применительно к различным стадиям и участникам уголовного судопроизводства, то есть задачи его участников на различных стадиях специфичны, но все они predetermined единой целью уголовного правосудия, достижение которой, в свою очередь, способствует в полной мере реализации уголовным судопроизводством своего назначения².

Антипод имеющейся в настоящее время крайности - построение уголовного процесса исключительно на публичных началах, также не способно привести к позитивному результату. Как верно заметила Е.В. Рябцева: «дополнение публичного начала диспозитивным, построение уголовного процесса на основе их разумного сочетания в целях надлежащей защиты как государственных, общественных, так и личных интересов граждан, вовлеченных в производство по уголовному делу, в конечном итоге служит достижению целей уголовного судопроизводства»³.

С концептуальной точки зрения необходимо отметить, что высказанное в научной литературе мнение о неразрывной связи диспозитивности и состязательности в уголовном судопроизводстве не имеет под собой каких-либо серьезных, убедительных научных обоснований. Как справедливо отметил И.С. Дикарев: «состязательным может быть как уголовный процесс, построенный на основе принципа публичности (производство по уголовным делам публичного

¹ Исаенко В.Н. Содействие суду в установлении истины - задача поддержания государственного обвинения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 1 (75). С. 71.

² Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 27-29; Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2 (86). С. 15.

³ Рябцева Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 222.

обвинения), так и уголовный процесс, в основе которого лежит принцип диспозитивности (производство по уголовным делам частного обвинения)»¹.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Уголовно-процессуальные интересы находят свое выражение в целях и задачах процессуальной деятельности. При этом целью уголовной юстиции является своевременное, пропорциональное и справедливое разрешение уголовно-правового конфликта по каждому уголовному делу. Задачи уголовного судопроизводства определяется кругом его участников на различных стадиях процесса. Назначение системы уголовного правосудия - это своевременная, эффективная и адекватная защита общества, государства и личности от противоправных посягательств, от преступности в целом.

2. В законодательно определенном назначении российского уголовного судопроизводства формально приоритетное значение отдается частным интересам, однако в отечественной уголовно-процессуальной науке, российской уголовно-процессуальной политике и правоприменительной практике превалирует подход, согласно которому интересы общества и государства в уголовно-процессуальной сфере обоснованно имеют определяющее значение.

§ 3. Классификация правовых интересов в уголовном процессе

Правовые интересы в уголовно-процессуальной деятельности могут быть классифицированы по различным основаниям:

I. В зависимости от субъектного состава носителей интересов и содержательной характеристики ценностей, защищаемых тем или иным видом интереса:

- Частные (личные) и публичные, последние из которых, в свою очередь, подразделяются на групповые и общественные.

¹ Дикарев И.С. Соотношение принципов публичности и состязательности в уголовном судопроизводстве (исторический аспект) // Государство и право. 2012. № 5. С. 88-95.

В большинстве случаев групповые и общественные интересы в той или иной степени затрагивают интересы государства, поэтому указанные виды интересов относят к разряду публичных.

II. С учетом внутреннего содержания и отраслевой принадлежности интереса, родоначальником которой является Л.Д. Кокорев¹:

- Выражающие, прежде всего, материальные (например, правильное применение уголовного закона в соответствии с установленными фактическими обстоятельствами уголовного дела) и процессуальные интересы (например, необходимость разъяснения и реального обеспечения следователем прав участников того или иного следственного действия).

III. Ранее было представлено традиционное для науки уголовного процесса подразделение правовых интересов на материальные и процессуальные, однако отдельного внимания заслуживает разделение внутри уголовно-правовых интересов. Так, Л.Н. Масленникова разделяет их на основной и второстепенный².

К главному материально-правовому интересу указанный автор относит «интерес соответствия мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»³. С отнесением указанного интереса к материальному, а не процессуальному, не согласны И.В. Смолькова и Р.В. Мазюк, что обусловлено отмеченным ранее непризнанием данными учеными наличия материальных интересов⁴. Как указывают И.В. Смолькова и Р.В. Мазюк, «интерес обвиняемого избежать уголовной ответственности, законность которого вызвала столько споров, с

¹ Кокорев Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 77.

² Масленникова Л.Н. Правовой компромисс между интересами личности, государства, общества как выражение сущности публично-правовой природы уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 24.

³ Масленникова Л.Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография // Указ. соч. С. 24.

⁴ Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 10 (1). С. 162.

уголовно-процессуальной точки зрения является не чем иным, как процессуальным решением, альтернативным обвинительному приговору»¹.

Действительно, меры уголовно-процессуального принуждения, к числу которых относятся и меры уголовно-процессуального пресечения, применяются исключительно в уголовно-процессуальном порядке, что ставит под сомнение отнесение указанного интереса исключительно к материально-правовому. Кроме того, использование словосочетания «меры уголовно-правового характера» крайне неудачно, поскольку в буквальном значении этого понятия представляются меры уголовно-правового характера (применяемые судом в отношении несовершеннолетних, невменяемых, а также в случае назначения лицу судебного штрафа).

К второстепенным уголовно-правовым интересам Л.Н. Масленникова относит «интерес освобождения от уголовной ответственности и наказания»².

Представляется, что уголовно-правовые институты освобождения от уголовной ответственности применяются по результатам проведенного расследования в уголовно-процессуальной форме, в результате доказательственной деятельности с участием сторон как в ординарном производстве (постановление приговора, прекращение уголовного дела и уголовного преследования с назначением судебного штрафа), так и в специальных производствах (в отношении несовершеннолетних, невменяемых лиц). Например, начать производство расследования в отношении лица в связи с уголовно-правовой претензии государства о совершении этим лицом общественного опасного деяния, подпадающего под признаки преступления, о применении принудительных мер медицинского характера в порядке гл. 51 УПК РФ, невозможно, так как для этого необходимо назначить и провести амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу, а в случаях, установленных законом, и стационарную, затем провести

¹ Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Указ. соч. С 162.

² Масленникова Л.Н. Правовой компромисс между интересами личности, государства, общества как выражение сущности публично-правовой природы уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 24.

полноценное расследование, по аналогии с ordinary расследованием, направить дело в суд, провести судебное разбирательство, что вызывает сомнение в отнесении второстепенного интереса, предложенного Л.Н. Масленниковой, в чистом виде к уголовно-правовому виду значительной процессуальной составляющей.

IV. Исходя из возможности или невозможности участника процесса реализовать интересы самостоятельно и при помощи представителей либо посредством полномочий государственных органов:

- Интересы, принадлежащие участникам уголовного процесса, которые они сами удовлетворить не вправе (например, право потерпевшего предъявить гражданский иск по уголовному делу вследствие вреда, причиненного преступлением, поскольку разрешение вопроса о гражданском иске находит отражение в приговоре суда или ином итоговом судебном решении, например, о прекращении уголовного дела судом);

- Интересы, которые участвующие в деле лица вправе достигнуть самостоятельно или при помощи их представителей (например, право обвиняемого или его защитника заявить ходатайство о производстве судебной экспертизы в случаях, установленных ст. 196 УПК РФ, при которых следователь обязан назначить и провести экспертизу, либо право указанных лиц обратиться с жалобами к прокурору или в суд на действия (бездействия) органов предварительного следствия, что, в свою очередь, влечет обязанность государственных органов дать своевременный и обоснованный ответ на поступившее обращение соответствующих лиц).

V. Интересы, реализуемые исходя из уголовно-процессуальных функций, выполняемых теми или иными участниками:

- Интересы обвинения (дознатель, следователь, прокурор, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, потерпевший, гражданский истец, их представители);

- Интересы защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика);

- Интерес правильного, объективного, независимого, беспристрастного и справедливого разрешения уголовно-правового конфликта (как правило, суд, а также следователь, дознаватель в случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования на досудебных стадиях процесса);

- Интересы содействия уголовному правосудию (свидетель, эксперт, специалист, понятой).

Близкой к данной классификации является необходимость выявления в различных процессуальных конструкциях, чьим интересам - защиты или обвинения, отдается в некоторых случаях приоритетное значение. Весьма любопытной выглядит трактовка И.Я. Фойницким «государственной помощи сторонам, предназначением которой является компенсация недостаточности сил сторон для надлежащего служения государственным интересам правосудия»¹.

Применительно к государству речь идет о благоприятствовании стороне обвинения, то есть о создании государственного аппарата чиновников, задачей которого является выдвижение и поддержание перед судом государственного обвинения².

Что касается противоположной стороны в уголовном судопроизводстве, то речь идет о таком феномене как «благоприятствование защите», при котором фактическое неравенство сторон в уголовном процессе компенсируется с помощью специальных процессуальных правил и институтов, наделяющих сторону защиты как более слабую сторону дополнительными права и гарантиями сверх механического уравнивания полномочий³.

VI. Интересы, реализуемые на различных стадиях уголовного судопроизводства:

- на стадии возбуждения уголовного дела:

- интересы предварительного расследования в ходе его производства;

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 9-10; Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9-12; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 55. С. 369.

- на этапе окончания предварительного расследования перед направлением прокурором уголовного дела в суд;
- на стадии подготовки к судебному разбирательству;
- при рассмотрении уголовного дела по существу судом первой инстанции;
- при пересмотре промежуточных или итоговых судебных решений, не вступивших в законную силу;
- на стадии исполнения приговора, вступившего в законную силу;
- при проверке и пересмотре промежуточных или итоговых судебных решений в кассационном и надзорном порядке.

VII. Законные или незаконные интересы.

Представляется, что противопоставление интересов на законные и незаконные является неудачным в виду возможного двойного толкования значения указанных терминов.

Во-первых, если исходить из такого критерия, как отражение интереса в законе, то тогда может сложиться неверное понимание или ошибочное толкование, что не нашедший отражения в законе интерес является противоправным, то есть противоречащим закону¹.

Во-вторых, при делении интересов исходя из их соответствия закону или непротиворечивости интересов правовым нормам, в том случае, если интерес участника процесса не находит прямого закрепления в законе, правоприменителю иногда затруднительно определить, подлежит ли правовой защите интерес, отстаиваемый тем или иным участником процесса, что свидетельствует о взаимосвязи указанных классификаций, но, тем не менее, о разном их содержании.

В.В. Ершов применительно к разграничению интересов на законные и не подлежащие правовой защите пишет следующее: «Просто» интерес (не гарантированный федеральным законом) суд не может и не должен защищать...»².

¹ Спирин А.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 19.

² Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. — М.: РГУП, 2020. С. 48.

На наш взгляд, с целью внесения большей ясности при подразделении интереса на законный и незаконный, автором настоящего исследования предлагаются следующие классификации интересов:

VIII. Охраняемые законом (правовые интересы) или не подлежащие правовой защите интересы (исходя из преследуемой участником процесса цели и внутреннего содержания интереса).

Именно о не подлежащих правовой защите интересах пишет в одной из своих работ Р.В. Мазюк: «интересе скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; интересе продолжать заниматься преступной деятельностью; интересе воспрепятствовать законному производству по уголовному делу»¹.

IX. Нашедшие прямое отражение в законе интересы или вытекающие из общих начал и значения уголовно-процессуального законодательства интересы (аналогия закона, допустимость которой подтверждается судебной практикой Конституционного Суда РФ², или аналогия права). Что касается аналогии права, то судебная практика о возможности применении аналогии права в уголовном процессе прошла определенную эволюцию. Так, например, в Постановлении апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 26.06.2003 указано, что аналогия права в уголовно-процессуальном праве применению не подлежит³,

¹ Мазюк Р.В. Интересы участников уголовного судопроизводства как объект принуждения в уголовном процессе // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 2. С. 146.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // СПС «КонсультантПлюс»; П. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // СПС «КонсультантПлюс»; П. 2.3 Определение Конституционного Суда РФ от 06 марта 2013 г. № 354-О «По жалобе гражданки Тришкиной Татьяны Петровны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 4 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; П. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 26 июня 2003 г. по делу № А40-44258/00-52-436 // СПС «КонсультантПлюс».

что объяснялось несовершенством редакции ст. 90 УПК РФ, которая не позволяла судам в других судопроизводствах признавать без дополнительной проверки обстоятельства, установленные при рассмотрении уголовного дела, то есть преюдиция не носила межотраслевой характер. За последние годы в судебной практике при ссылке сторон на аналогию права в уголовном процессе доводы участников процесса, как правило, отклоняются судами¹, однако это нисколько не умаляет значения аналогии права и в уголовном судопроизводстве.

Н.В. Витрук также определял законные интересы в качестве «интересов, которые не нашли прямого выражения в юридических правах и обязанностях, но подлежат правовой защите со стороны государства»².

С учетом сформулированного выше определения интересов в уголовном судопроизводстве, предложенного диссертантом, одним из признаков которых является их непротивоправность, то есть соответствие закону, представляется, что словосочетание «законные интересы», активно используемое законодателем, судебной практикой, призвано подчеркнуть особую значимость охраны интереса законом, в связи с чем необходимо исходить из того, что понятия «интересов» и «законных интересов» являются синонимами.

Х. Внутри как интересов обвинения, так и интересов справедливого разрешения уголовно-правового конфликта, в науке уголовно-процессуального права выделяется так называемый ведомственный интерес³. При этом о роли и значении ведомственного интереса среди ученых отсутствует единство, что позволило автору настоящего исследования весьма условно выделить две

¹ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 25 апреля 2017 г. по делу № 33-4782/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 31 января 2018 г. по делу № 33-407/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 26.

³ Хроменков И.Р. Ведомственный интерес государственно-властных участников уголовного процесса как средство достижения публичного интереса в российском досудебном производстве по уголовным делам // «Аубакировские чтения»: Международная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения А. Ф. Аубакирова - Алматы, Республика Казахстан, 2021. С. 225-227.

ключевых точки зрения относительно содержания и значимости ведомственного интереса:

- первая точка зрения сводится к тому, что в содержание ведомственного интереса входят элементы, никак не связанные с целями и задачи уголовного правосудия, что позволило А.В. Спирину заключить, что ведомственный интерес, как правило, противоречит интересу публичному¹;

- вторая точка зрения базируется на том, что в содержании ведомственного интереса не просто разграничить личную заинтересованность и то, что соответствует публичному интересу. Так, например, А.А. Тарасов и А.Р. Шарипова отмечают следующее: «стремление соблюдать закон и обеспечивать законность в работе своих подчиненных совсем не обязательно противоречит стремлению к продвижению по службе или улучшению статистических показателей»².

На наш взгляд, несмотря на присущие ведомственному интересу дефекты, при определенных условиях (соответствие законодательству, его целям и задачам, назначению уголовного судопроизводства) он не только не противоречит публичному интересу, но и, более того, является необходимым условием, средством его реализации. Разве можно усомниться в том, что ведомственный интерес следователя или прокурора направить в суд качественно расследованное уголовное дело, по которому собраны достаточные, убедительные доказательства, подтверждающие причастность и виновность конкретного лица в совершении преступления, при этом версии стороны защиты надлежащим образом проверены, им дана оценка, приведены обстоятельства, опровергающие версию защиты, приведены аргументы в пользу версии обвинения, надлежащим образом разъяснены, обеспечены и соблюдены права всех его участников? Как справедливо заметила М.В. Зяблина: «разделение полномочий прокурора и органов предварительного расследования должно рассматриваться через призму обеспечения прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения.

¹ Спирин А.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 119.

² Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 148-149.

Любая деятельность любого государственного органа будет бессмысленной, если на чаше весов будут перевешивать ведомственные интересы»¹.

Следующим значимым и дискуссионным является вопрос о едином публичном интересе или возможности его деления на подвиды в досудебном производстве, исходя из функционирования государственно-властных его участников (следователя, дознавателя, прокурора, суда и т.д.).

Первая точка зрения или «концепция множественности публичного интереса». Говорить в уголовном процессе о едином публичном интересе неправильно, так как, учитывая многообразие его участников со стороны обвинения, нередко интересы одних могут противоречить интересам других (например, в ходе судебного заседания при рассмотрении судами ходатайств органов предварительного расследования об избрании или о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу²). Однако «концепция множественности публичного интереса» не лишена недостатков, поскольку при ее внимательном изучении становится ясным, что происходит неоправданное смешение интересов и уголовно-процессуальных функций участников уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечается в юридической науке, «уголовно-процессуальный интерес может не совпадать с уголовно-процессуальной функцией участника уголовного процесса»³. Кроме того, к сожалению, элементы этой концепции поддержал и отечественный законодатель в контексте предоставления государственно-властным участникам со стороны обвинения правомочия в ряде случаев обжаловать действия и решения прокурора, за активное распространение которого выступают сторонники уголовно-процессуальной школы Академии Следственного

¹ Зяблина М.В. Уголовное судопроизводство: разделение полномочий прокурора и органов предварительного расследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 50.

² Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2019. С. 14.

³ Зорин Р.Г. Актуальные проблемы реализации законных интересов субъектов в уголовном судопроизводстве // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2010. № 1 (27). С. 30.

комитета Российской Федерации¹, что прямо противоречит идее уголовно-процессуальной деятельности как системы.

Вторая точка зрения зиждется на концепции «единства публичного интереса», суть которой состоит в том, что есть только один публичный интерес, реализуемый в ходе досудебных стадий уголовного процесса, суд - главный носитель и защитник публичного интереса, который обеспечивает баланс частных и публичных правовых интересов при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве. Диссертант придерживается этой точки зрения, поскольку различные полномочия участников процесса, в том числе и со стороны обвинения - это лишь средства, гарантии реализации публичного интереса, ведь если уголовный процесс будет основываться на противостоянии государственно-властных участников, то любая процессуальная система окажется на краю прости или вовсе рухнет. Как справедливо отметил Л.В. Головкин, «уголовный процесс основывается не на интересах профессиональных участников, а на интересах правосудия - должен на них основываться»². В более поздней публикации Л.В. Головкин указывает следующее: «публичный интерес, основанный на идее общественной опасности преступления, ни для кого «своим» быть не может: ни для государства в целом, ни для его отдельного органа или должностного лица, ни для государственного обвинителя, ни для потерпевшего»³.

Указанной позиции придерживается законодатель. Так, при рассмотрении ходатайства органа предварительного расследования об избрании или о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор либо по его указанию следователь или дознаватель аргументирует его (ч. 6 ст. 108 УПК РФ), тем самым законодатель ориентировал правоприменителя на то, что при инициировании данного вопроса перед судом у прокурора и представителя органа предварительного расследования позиция одна, в противном случае при

¹ Османова Н.В. Право следователя на отстаивание интересов следствия в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 5. С. 32-36.

² Головкин Л.В. Справедливость выше любых теоретических установок // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 32-41.

³ Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 114.

несогласии прокурора с потенциальным арестом, следователь просто не должен выходить с соответствующим ходатайством в суд. Тем не менее, в практической деятельности получили распространение случаи, когда следователь выходит с таким ходатайством вопреки позиции прокурора¹, на что в одном из научно-практических пособий было верно обращено внимание: «если с ходатайством о заключении подозреваемого под стражу в суд идет дознаватель, то она автоматически совпадает с позицией выступающего в суде прокурора, несущего ответственность за судебную перспективу дела в целом. Если такое же ходатайство подается следователем, то его позиция с точкой зрения прокурора может и не совпадать»².

XI. Еще одним вариантом классификации интересов, внешне схожим с рассмотренным выше, но относящимся к процессуальным интересам, является их деление на базовые интересы и т.н. «субинтересы» применительно к таким участникам уголовного судопроизводства, как следователь и обвиняемый, разработчиками которой стали В.И. Шиканов, И.В. Смолькова, Р.В. Мазюк.

Как указывает Р.В. Мазюк, «по взглядам В.И. Шиканова базовый процессуальный интерес следователя обусловлен его процессуальной функцией по расследованию (исследованию) обстоятельств совершенного преступления и заключается в обосновании, формулировании и выдвижении обвинения, соответствующего действительности и подтвержденного совокупностью собранных по уголовному делу доказательств»³.

¹ Например, постановлением судьи Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18 июня 2020 г. по делу № 3/1-0233/2020 отказано в удовлетворении ходатайства следователя СУ по ЮЗАО по г. Москве СК РФ об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу лица по подозрению в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, против удовлетворения которого прокурор обоснованно возражал, поскольку в документах, обосновывающих ходатайство не было представлено сведений, подтверждающих причастность Б. к совершению преступления, возбужденного в отношении неустановленного лица // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

² Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 ч. Часть 1: практич. пособие / под ред. В. М. Лебедева. - 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 231 с.

³ Мазюк Р.В. Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В. И. Шиканова // Сибирские и уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. №. 2 (8). С. 46-56.

Что касается субинтересов следователя, то в систему процессуальных субинтересов следователя можно включить следующие:

- осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в условиях абсолютной процессуальной самостоятельности гарантированной УПК РФ, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора иных должностных лиц органов государственной власти;

- стремиться к минимизации на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования возможностей по реализации принципа состязательности сторон, который позволяет стороне защиты влиять на направление хода расследования, что в представлении следователя усложняет его работу по уголовному делу и др.¹.

По мнению И.В. Смольковой и Р.В. Мазюка, «процессуальные интересы обвиняемого образуют систему, в которой базовым процессуальным интересом выступает целеполагающее отношение обвиняемого к итоговому процессуальному решению по уголовному делу»². Как указывают авторы, «систему процессуальных интересов обвиняемого наряду с базовым интересом образуют процессуальные субинтересы, которые обеспечивают реализацию базового интереса, но не всегда с ним напрямую связаны» (например, при производстве следственных и иных процессуальных действий)³.

Несомненным достоинством указанной классификации является попытка выявить и отразить многообразие интересов, наличие в них главных и субсидиарных элементов, что способствует не только обогащению науки уголовно-процессуального права и расширению ориентиров для правоприменителя, осознанию того, что интересы могут проявляться применительно к различным процессуальным действиям и решениям, не обязательно итоговым для той или

¹ Мазюк Р.В. Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В. И. Шиканова // Указ. соч. С. 46-56.

² Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 10 (1). С. 164.

³ Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Указ. соч. С. 164.

иной стадии уголовного процесса. Однако данная классификация таит в себе отмеченную ранее опасность смешения интересов с уголовно-процессуальными функциями, в связи с чем от исследователя требуется строгое и четкое методологическое и доктринальное разграничение указанных понятий во избежание нежелательного отождествления указанных правовых категорий.

Так, Р.В. Мазюк в одной из научных публикаций указывает на то, что «понятие «процессуальный интерес» более корректная категория для обозначения особенностей в процессуальной деятельности отдельного участника уголовного судопроизводства в рамках функции обвинения или функции защиты, чем понятие «процессуальная функция» такого участника»¹. Под уголовно-процессуальной функцией данный автор понимает «направление процессуальной деятельности сторон уголовного судопроизводства для удовлетворения процессуального интереса»².

XII. В зависимости от официально признанного статуса участника процесса можно выделить правовые интересы участников процесса и иных лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства (например, лица, являющегося собственником жилища, в котором в отношении обвиняемого по решению суда будет применяться мера пресечения в виде домашнего ареста).

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие **выводы**:

1. Существующее разнообразие классификаций правовых интересов не только способствует обогащению уголовно-процессуальной науки, но также имеет и важное практическое значение, позволяющее правоприменителю (суду, следователю, прокурору) учитывать их в ходе правоприменительной деятельности.

2. Традиционно существующее в правовой науке, в том числе уголовно-процессуального права, подразделение интересов на законные и незаконные не исключает возможное двойное толкование и соответственно различное

¹ Мазюк Р.В. О дуалистической природе уголовно-процессуальных функций // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 86.

² Мазюк Р.В. О дуалистической природе уголовно-процессуальных функций // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 86.

содержательное наполнение указанных терминов, в связи с чем автором исследования предложены следующие классификации:

- охраняемые законом (правовые интересы) или не подлежащие правовой защите интересы;

- нашедшие прямое отражение в законе интересы или вытекающие из общих начал и значения уголовно-процессуального законодательства интересы.

3. В досудебных стадиях российского уголовного процесса главным носителем и защитником публичного интереса является суд, который, осуществляя индивидуальное правовое регулирование при рассмотрении различных материалов досудебного производства (ходатайств и жалоб участников процесса, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность), обеспечивает баланс частных и публичных правовых интересов в каждом конкретном случае.

§ 4. Суд в системе обеспечения частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам

Прежде всего, необходимо определить, в чем состоит функциональное предназначение суда в российском досудебном производстве по уголовным делам?

Ученые-процессуалисты обоснованно констатируют то обстоятельство, что развитие современного уголовно-процессуального права направлено на повышение роли и авторитета суда, расширение его полномочий в досудебном производстве по уголовному делу, снятие с суда несвойственных ему обвинительных функций¹.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, «одной из тенденций последнего времени стало все возрастающее влияние суда на досудебное производство по уголовным делам»². С.В. Маркелов и О.Н. Маркелова указывают следующее: «если ранее неофициально основным участником

¹ Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. - 3-е изд. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 188.

² Качалов В.И., Качалова О.В. О некоторых вопросах влияния суда на досудебное производство по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 39-41.

предварительного следствия являлся прокурор, то сегодня в ходе досудебного производства главная роль принадлежит суду»¹. В.А. Лазарева обоснованно обратила внимание на то, что «судебный контроль создает систему дополнительных средств обеспечения законности применения мер процессуального принуждения, усиления защиты граждан от необоснованных ограничений прав и утеснений свобод от злоупотреблений правом власти со стороны следователей, органов дознания, прокуроров»².

А.Н. Кравцова и М.Б. Комушева пишут, что «на современном этапе судебный контроль является одним из важнейших способов обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, так как сопровождает уголовное дело от стадии возбуждения и в последующем в ходе его предварительного расследования»³. Указанная тенденция подтверждается и результатами проведенного автором исследования анкетирования судей, прокуроров и адвокатов, больше половины из каждой группы опрошенных подтвердили тот факт, что суд при рассмотрении различных материалов оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом⁴.

Постараемся определить, какова роль суда в системе обеспечения частных и публичных правовых интересов в досудебных стадиях уголовного процесса?

Конституционный Суд РФ в Определении от 12.03.2019 № 578-О указал следующее: «государство как субъект, призванный обеспечивать права потерпевших, реализует соответствующую конституционную обязанность, устанавливая конкретные процедуры, в том числе вводя систему мер, позволяющих в своей совокупности организовать судебную защиту, основанную на конституционных принципах правосудия, предполагающих неукоснительное

¹ Маркелов С.В., Маркелова О.Н. Историко-правовой анализ становления института судебного контроля // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4. С. 85-89.

² Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 96.

³ Кравцова А.Н., Комушева М.Б. Обеспечение прав потерпевшего при осуществлении судебного контроля // Тамбовские правовые чтения им. Ф. Н. Плевако. Материалы III Международной научно-практической конференции. Тамбов, 24–25 мая 2019 года. С. 197-201.

⁴ См. приложение 3.

следование правилам уголовного судопроизводства и своевременность защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц»¹.

О.В. Качалова обоснованно заметила: «определяя назначение уголовного судопроизводства как правозащитное, законодатель не определяет, кто из участников процесса должен обеспечивать защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальной деятельности»². Между тем, при обращении к содержанию ч. 1 ст. 11 УПК РФ становится ясным, что наряду с прокурором, следователем и дознавателем суд обеспечивает правовые интересы участников уголовно-процессуальной деятельности.

Как отмечают Н.А. Данилова и Т.Г. Николаева, «обеспечение надлежащего уровня защиты прав и свобод человека и гражданина входит в число обязанностей всех государственных, и в первую очередь правоохранительных, органов, для которых правозащитная функция является одной из приоритетных»³.

Как верно пишет В.Ю. Мельников, «уголовно-процессуальные гарантии правосудия и прав личности в уголовном процессе составляют единую, взаимосвязанную жесткую систему»⁴. В более поздней публикации автор уточнил ранее высказанную позицию, отметив, что «механизм действий правовых гарантий прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, является системой процессуальных норм и государственных органов, реализующих эти нормы в определенном порядке»⁵. Также В.Ю. Мельников выделил структурные элементы «механизма обеспечения прав личности» как

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О "По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

² Качалова О.В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 1. С. 8-10.

³ Данилова Н.А., Николаева Т.Г. Некоторые аспекты обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 58.

⁴ Мельников В.Ю. Теоретические вопросы обеспечения прав граждан в уголовном процессе // Общественные науки. 2011. № 1. С. 112.

⁵ Мельников В.Ю. Механизм реализации и обеспечения прав личности в ходе уголовного судопроизводства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1 (20). С. 104-107.

системы: «правовые нормы, закрепляющие права и свободы; юридические факты возникновения и прекращения данных прав и свобод; деятельность специальных уполномоченных органов, участвующих в обеспечении гарантий прав личности; специальные юридические процедуры, призванные соблюдать, охранять и защищать права и свободы; уровень правовой культуры общества; институт юридической ответственности»¹.

О том, что уголовно-процессуальная деятельность, в том числе в досудебных стадиях российского уголовного процесса, обладает свойством системности, указывает и А.В. Пиюк².

А.А. Тарасов и А.Р. Шарипова пишут, что «вся система уголовного судопроизводства - система взаимодействия разных и разнонаправленных публичных и частных интересов, представленных отдельными участниками процесса, а также это еще и система взаимодействия не менее различных интересов крупных профессиональных юридических корпораций»³.

Э.С. Каминский справедливо заметил, что обеспечение публичных правовых интересов представляет собой единую взаимосвязанную систему, состоящую из следующих элементов: субъекта, объекта, прав и обязанностей субъектов, а также способов защиты публичных интересов⁴.

Г.А. Гуджабидзе включил в общую систему обеспечения прав и законных интересов личности в досудебном производстве по уголовным делам следующие элементы: «закрепленность прав и свобод личности в Конституции РФ...»,

¹ Мельников В.Ю. Механизм реализации и обеспечения прав личности в ходе уголовного судопроизводства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1 (20). С. 104-107.

² Пиюк А.В. Системность и сбалансированность как важнейшие свойства российского уголовного процесса // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 45-49.

³ Тарасов А.А. Шарипова А.Р. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С.161.

⁴ Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021. С. 34.

«детальная регламентация деятельности по обеспечению прав и законных интересов личности в досудебном производстве в УПК РФ...»¹.

В юридической литературе учеными-процессуалистами также выделяются следующие элементы системы охраны прав и свобод личности: нормативно-правовой, институциональный, инструментальный².

Что касается вопроса о роли суда в системе обеспечения частных и публичных правовых интересов, то, на наш взгляд, следует согласиться с В.В. Ершовым, который полагает, что «...теоретические и практические вопросы права необходимо исследовать с позиции теории систем, а суд - как элемент системы органов государственной власти»³.

На наш взгляд, уголовно-процессуальную деятельность суда при рассмотрении материалов в досудебном производстве необходимо рассматривать не автономно, а в тесном взаимодействии с иными представителями контрольно-надзорной деятельности, которое осуществляется в рамках правового, институционального и инструментального элементов системы обеспечения частных и публичных правовых интересов.

Постараемся кратко раскрыть содержание указанных элементов применительно к досудебному производству по уголовным делам.

- Правовой элемент связан с действующим нормативно-правовым регулированием, включающим Конституцию РФ, международно-правовые акты, уголовно-процессуальное законодательство, иные нормы и принципы права, определяющие полномочия государственно-властных участников процесса, в том числе и суда по обеспечению правовых интересов, поскольку «с научно

¹ Гуджабидзе Г.А. Обеспечение прав и законных интересов личности в досудебном производстве по уголовным делам (сравнительно-правовое исследование по законодательству Российской Федерации и иных государств-членов СНГ): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

² Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Потапов В.Д., Железняк Н.С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 140.

³ Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. — М.: РГУП, 2020. С. 46; Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Российское правосудие. 2006. № 1. С. 39-52.

обоснованной концепцией интегративного правопонимания исследуются только правовые явления, прежде всего принципы и нормы права, содержащиеся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемые в государстве»¹.

- Институциональный элемент обеспечения прав и свобод личности в досудебном производстве представлен преимущественно государственно-властными его участниками: судом, прокурором, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, дознавателем, следователем.

- Инструментарный элемент системы обеспечения частных и публичных правовых интересов приобретает особую значимость, поскольку эффективная реализация судом своих процессуальных полномочий в ходе рассмотрения материалов досудебного производства при оперативном взаимодействии с другими правоохранительными органами (прокурором, органами предварительного расследования)², способна предотвратить или минимизировать негативные последствия нарушения прав и свобод участников процесса в будущем.

Также в рамках уголовно-процессуальных правоотношений между судом и государственно-властными участниками процесса мы можем выделить следующие уровни взаимодействия суда с другими правоохранительными органами при рассмотрении судом материалов в досудебном производстве в рамках инструментарного элемента системы обеспечения частных и публичных правовых интересов:

1) представители каждого из последующих контрольно-надзорных институтов: (ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебной

¹ Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. — М.: РГУП, 2020. С. 306-307.

² Кобзарев Ф.М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2006. С. 14; Колоколов Н.А. Взаимодействие судов с органами полиции // Российская полиция: три века служения Отечеству / Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. СПб. 2018. С. 46-56; Цветков Ю.А. Взаимодействие следователя, прокурора и судьи при направлении уголовного дела в суд // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 82-87.

проверки) оценивают законность действий и решений, принятых тем или иным участником процесса ранее (первый уровень взаимодействия «по горизонтали»);

2) внутри ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебной проверки есть вышестоящие инстанции, по этой причине, если нижестоящий орган вовремя не выявит ошибку, исправить ее должен будет вышестоящий орган (второй уровень взаимодействия «по вертикали»);

3) одновременное сочетание первых двух уровней взаимодействия суда с другими участниками процесса, обладающих государственно-властными полномочиями (третий уровень комбинированного взаимодействия, как «по горизонтали», так и «по вертикали»).

В юридической литературе справедливо обращено внимание на то, что только правовые механизмы защиты вне реальной практики не могут обеспечить полноту гарантий реализации законных интересов¹. В.И. Кононенко справедливо заметил, что «всякий жизненный случай в судебной практике многогранен, не все ситуации охватываются законом ввиду его неполноты, поскольку закон статичен, а правоотношения динамичны, поэтому обращаясь к закону и не толкуя его, не всегда возможно принять решение в точном соответствии с волей законодателя»². По мнению В.В. Ершова, «в действительности индивидуальное судебное регулирование правоотношений - явление «желательное» и типичное, объективно необходимое и неизбежное, поскольку даже теоретически невозможно абсолютно урегулировать нормами права все многообразие постоянно развивающихся и изменяющихся правоотношений»³.

В связи с изложенным, на наш взгляд, обязательной частью системы обеспечения частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве является правоприменительный элемент⁴, в ходе которого суд по

¹ Толкачев К.Б. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С.105.

² Кононенко В.И. Особенности толкования и применения законодательства в уголовном судопроизводстве России по судебным уставам 1864 г. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 148-151.

³ Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. — М.: РГУП, 2020. С. 44.

⁴ Хроменков И.Р. Роль полномочий государственных органов в обеспечении баланса уголовно-процессуальных интересов в отечественном досудебном производстве по уголовным

результатам оценки фактических обстоятельств дела осуществляет индивидуальное судебное регулирование, применяя абстрактные нормы уголовно-процессуального права к реально возникающим в ходе правоприменительной деятельности суда уголовно-процессуальным отношениям в досудебном производстве и тем самым обеспечивая в каждом конкретном случае правовые интересы участников уголовного процесса.

На наш взгляд, ключевыми индикаторами обеспечения досудебного производства, практическое применение которых существенным образом затрагивает конституционные права, свободы и правовые интересы граждан и поэтому предопределяет прерогативу суда в их разрешении, являются: 1) избрание пропорциональной с учетом фактических обстоятельств меры уголовно-процессуального принуждения с целью обеспечения беспрепятственного производства по уголовному делу, стимулирования правомерного поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и достижения иных задач, связанных с реализацией публичных правовых интересов в досудебном производстве; 2) безотлагательная проверка законности действий и решений органов, осуществляющих досудебное производство, в тех случаях, когда исключается дальнейшее производство по материалу проверки или уголовному делу либо иным образом затрагивающих права и свободы заинтересованных лиц, создающих препятствия для их практической реализации; 3) участие в уголовно-процессуальном доказывании, когда средством получения доказательства будет являться следственное действие, проводимое тайно либо принудительно против воли частных лиц.

С учетом сформулированных нами индикаторов обеспечения досудебного производства также можно выделить основные направления, в ходе которых суд, осуществляя индивидуальное правовое регулирование, обеспечивает частные и публичные правовые интересы в досудебном производстве:

- 1) применение судом мер уголовно-процессуального принуждения;

2) рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК с целью охраны, защиты и восстановления нарушенных прав участников процесса;

3) дача судами разрешений на производство следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, без которых в ряде случаев интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства, не смогут быть достигнуты, что повлечет также в будущем невозможность справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных моделей рассмотрения судом материалов в ходе предварительного расследования, нельзя не затронуть проблему сравнительно-правового разнообразия текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве как в уголовном процессе зарубежных государств, так и в отечественной уголовно-процессуальной науке.

Так, Л.В. Головки обособленно обратил внимание на то, что сравнительно-правовая коннотация текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве имеет существенные различия в зависимости от исторических и правовых особенностей конкретной процессуальной модели:

- французский вариант толкования указанного понятия сводится к выборам конкретных мер пресечения, избираемых по решению суда, альтернативным заключению под стражу;

- англо-американское толкование уголовно-процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве традиционно связывается с осуществлением американскими судами конкретного нормоконтроля при рассмотрении ординарных уголовных дел на предмет соответствия тех или иных правовых норм Конституции США;

- постсоветская разновидность содержательного наполнения рассмотрения судом материалов связана с функционированием двух самостоятельных форм текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве: как с осуществлением судами предварительной

(перспективной) формы рассмотрения судом материалов при ограничении конституционных прав и свобод граждан, избрании мер уголовно-процессуального принуждения, так и последующей формы текущей процессуальной деятельности суда: при рассмотрении судами жалоб на незаконные действия и бездействие органов предварительного расследования¹.

Вместе с тем, в российской науке уголовно-процессуального права институт судебной проверки законности различных ходатайств, действий и решений участников досудебного производства не является однородным в содержательном восприятии теми или иными учеными, в связи с чем весьма условно можно выделить две точки зрения о внутреннем содержании текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению судом материалов в российском досудебном производстве и ее разграничению с правосудием:

- Первая точка зрения связывает процессуальную деятельность суда в досудебном производстве с рассмотрением ходатайств органов предварительного расследования при избрании судом мер уголовно-процессуального принуждения, либо при принятии судами решений об ограничении конституционных прав граждан, а также при рассмотрении судами жалоб участников процесса в порядке ст. 125 УПК РФ. При таком подходе правосудие - это исключительно деятельность судов по рассмотрению вопросов существа уголовного дела, а рассмотрение судом различных материалов в досудебном производстве имеет в уголовно-процессуальной системе самостоятельное значение (модель рассмотрения судом материалов досудебного производства в «чистом» виде). Кажется бы, конструирование отдельных глав российского уголовно-процессуального законодательства, посвященных как общим положениям, так и судебному разбирательству, не оставляет сомнений в правильности изложенной точки зрения, однако обращение к легальным дефинициям судебного заседания и суда первой инстанции позволяет подвергнуть сомнению указанную точку зрения, ибо при

¹ Головкин Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 18.

знакомстве с ними мы узнаем, что правосудие осуществляется судами не только в ходе судебного, но и досудебного производства¹.

- Вторая точка зрения базируется на том, что судебная проверка законности различных ходатайств, действий и решений участников досудебного производства присуща исключительно деятельности вышестоящих проверочных инстанций при проверке законности и обоснованности решений нижестоящих судов, а деятельность суда по рассмотрению вопросов, возникающих в ходе досудебного производства - это производство особо рода (*sui generis*), в ходе которого суды осуществляют функцию правосудия². Как обоснованно указывают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, правосудие включает в себя также деятельность суда при осуществлении судебного контроля в ходе досудебного производства³. Данный подход расширяет пределы правосудия: оно не сводится исключительно к производству в суде первой инстанции, правосудие также осуществляется при рассмотрении судами тех или иных вопросов досудебного производства. Уголовно-процессуальная деятельность суда в ходе досудебного производства входит в содержание правосудия в широком смысле, однако в функциональном плане представляет собой рассмотрение судом различных материалов в досудебном производстве, что для нас особенно важно в настоящем диссертационном исследовании (смешанная модель рассмотрения судом материалов: как досудебного, так и судебного производства).

Именно указанной точки зрения придерживается автор исследования, поскольку отрицание самостоятельного значения процессуальной деятельности суда при рассмотрении материалов в российском досудебном производстве фактически полностью игнорирует активную роль суда в ходе досудебного производства. Более того, сводить текущее рассмотрение судом материалов в ходе досудебного производства исключительно к деятельности суда первой инстанции

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ по состоянию на 01.07.2021 // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.

² Мухаметгалиев И.Г., Татьяна Л.Г. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4. С. 127-130.

³ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. - 7-е изд. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 121-122.

тоже было бы не совсем корректно, поскольку для решений судов первой инстанции, принятых в рамках досудебного производства, с некоторыми процессуальными особенностями характерен ординарный судебный порядок их обжалования.

Со сравнительно-правовой точки зрения проблема судебной проверки действий лица, осуществляющего производство по уголовному делу, по справедливому замечанию Л.В. Головки, кроется в более фундаментальной, исторически обусловленной проблеме развития уголовной юстиции, связанной либо с явным преобладанием судебного начала, для которого характерно классическое судебное предварительное расследование, осуществляемое следственным судьей (континентальная традиция), и вытекающая из этого инстанционность в судебной системе, и противоположное ограниченное судебное влияние, связанное с расширением полицеизации, идеей автономии органов предварительного расследования от суда, роль которого в досудебных стадиях сводится в основном к судебной легитимации мер уголовно-процессуального принуждения (англосаксонская традиция)¹.

В рамках континентальной правовой системы весьма условно можно выделить несколько уголовно-процессуальных вариаций взаимоотношений суда с организацией системы досудебного производства в целом и влияния роли суда на предварительное расследование, в частности:

- французская система уголовного правосудия после принятия УПК Франции 1958 г. характеризуется усилением полномочий органов полиции, связанных с возможностью ограничения конституционных прав граждан, и процессуальным перераспределением полномочий между следственным судьей, задачей которого является непосредственное осуществление предварительного следствия, и самостоятельной процессуальной фигурой, также относящейся к судебному корпусу - судьей по свободам и заключению, в компетенцию которого входит дача

¹ Головка Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 17-32.

согласия органам дознания на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан¹;

- германская уголовно-процессуальная система после 1974 г. стала общемировым проводником унифицированной формы предварительного расследования - единого «прокурорско-полицейского дознания», полностью отказавшись от классического судебного следствия, приняв оригинальное для уголовно-процессуальной науки и практики решение: превратив бывших следственных судей классического французского типа в следственных судей немецкого типа, в сущности ординарных судей, специфической задачей которых стало осуществление судебного контроля за деятельностью полиции².

Англо-американская модель рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, как отмечалось ранее, сводится к судебной легитимации судьями нижестоящего уровня мер процессуального принуждения при обращении с соответствующим ходатайством полицейских органов³.

Казалось бы, не имеет какого-либо существенного значения внутренне дифференцировать англосаксонскую модель организации уголовного судопроизводства, однако для такой классификации есть все необходимые основания.

1. Так, если во главу угла мы ставим критерий национальной организации построения процесса, каким образом юридико-технически организован уголовный процесс, то мы можем выделить:

- английскую модель организации уголовного судопроизводства;
- американскую модель построения уголовной юстиции.

2. Нельзя не учитывать, что при рассмотрении вопроса о влиянии роли суда на досудебное производство во внутренне непротиворечивой англо-американской системе организации уголовного судопроизводства можно выделить две

¹ Головки Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 29.

² Головки Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. С. 29.

³ Головки Л.В. Указ. соч. С. 32.

самостоятельные системы исходя из роли источников права, в которых преимущественно рассматривался вопрос о полномочиях суда в ходе рассмотрения различных материалов в стадиях, предшествующих рассмотрению уголовного дела судом первой инстанции:

- английская модель, в которой полномочия суда по ограничению конституционных прав граждан преимущественно регламентируются законами, ведомственными правовыми актами, инструкциями и т.д.;

- американская модель, для которой одну из ключевых ролей сыграла судебная практика, в частности Верховного Суда США, что связано с особой исторической миссией указанного органа в деле конституционного нормоконтроля¹.

После выделения возможных сравнительно-правовых вариантов рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам, неизбежно возникает вопрос о том, есть ли основания для выделения в науке уголовно-процессуального права специфической теоретической российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам?

Представляется, что для ответа на столь непростой вопрос, важно отметить, что отечественные ученые-процессуалисты за последнее десятилетие, отмечая негативные тенденции, связанные с ограниченными возможностями российских судов защитить нарушенные права участников досудебного производства, исследуя положительный опыт правоприменительной практики государств постсоветского пространства, с большим воодушевлением встречают идею создания в российском уголовном процессе следственных судей немецкого типа².

¹ Головкин Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 18.

² Качалова О.В., Мергенова Г.Ж. Следственные судьи: казахстанский опыт и российские перспективы // Уголовный процесс. 2020. № 4. С. 60-63; Калиновский К.Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 18-26; Смирнов А.В. Альтернативная экспертиза в УПК. Вариант назначения следственным судьей // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 42-49.

В науке уголовного процесса можно выделить две точки зрения на идею внедрения института следственных судей в российский уголовный процесс:

Первая группа ученых ратует за введение в российское досудебное производство этой процессуальной фигуры. Данной точки зрения придерживаются, например, К.Б. Калиновский, О.В. Качалова, А.В. Смирнов.

Усиление состязательных начал в досудебном производстве, идея создания специальных следственных судей, которые, помимо осуществления текущей процессуальной деятельности суда в досудебном производстве, будут заниматься рассмотрением ходатайств и жалоб участников процесса, являются ключевыми детерминантами, вдохновляющими активных сторонников указанной уголовно-процессуальной мысли.

Вторая группа исследователей представляет собой консервативный подход, указывая на несовместимость роли следственного судьи, предложенной его сторонниками, современным тенденциям развития отечественного досудебного производства¹. Указанную точку зрения разделяют такие ученые, как Н.В. Азаренок, А.А. Давлетов, Л.В. Головкин, Ю.А. Цветков.

Автор настоящего исследования солидарен со второй точкой зрения, поскольку предлагаемые изменения по сути не оставляют никаких шансов на успех созданной в 1990-е гг. новой модели рассмотрения судом материалов в российском досудебном производстве по уголовным делам, огромный внутренний правозащитный потенциал которой в настоящее время трудно переоценить.

Кроме того, оставив в стороне ряд организационных (судоустройственных) и сугубо технических проблем, с которыми, вне всякого сомнения, столкнется российский законодатель в случае внедрения в досудебное производство фигуры следственного судьи, неизбежно встанет острый вопрос о перераспределении полномочий между ординарным следователем и следственным судьей, что

¹ Головкин Л.В. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 24-33; Цветков Ю.А. Предварительное следствие перед новыми вызовами // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 36-38; Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Российский судья. 2020. № 6. С. 19-26.

особенно опасно в свете возможного посягательства на процессуальную самостоятельность следователя.

И если бы указанная потенциальная проблема имела бы только доктринальный характер в духе непрекращающихся теоретических дискуссий о процессуальной самостоятельности следователя, соотношении полномочий руководителя следственного органа по руководству расследованием и надзорными полномочиями прокурора, то практическое воплощение легального допустимой уголовно-процессуальной конкуренции следователя и следственного судьи в проведении следственных и иных процессуальных действий, оценке доказательств в ходе досудебного производства имеет далеко идущие негативные последствия, связанные с формализацией и последующей деформацией других контрольно-надзорных механизмов (ведомственного контроля и прокурорского надзора).

Представляется, что российская модель рассмотрения судом материалов в досудебном производстве содержит черты, характерные для германской, англо-американской и отчасти французской систем влияния суда на предварительное расследование:

1. В связи с тем, что предварительное расследование не носит в Российской Федерации судебного характера, возникает идея автономии полицейской деятельности, что требует соразмерного вмешательства суда в духе точечной англо-американской легитимации.

2. Вместе с тем, говорить о полной автономии органов расследования преступлений от контрольно-надзорных звеньев уголовно-процессуальной системы не приходится, поскольку одну из ключевых ролей в защите публичного интереса в досудебном производстве занимают ведомственный контроль и прокурорский надзор, а текущая деятельность суда по рассмотрению материалов досудебного производства в большинстве случаев является концептуально необходимой и востребованной сквозь призму популярной в уголовно-процессуальной науке идеи «отказоустойчивости»¹, суть которой состоит в

¹ Цветков Ю.А. Отказоустойчивость уголовного судопроизводства на досудебной стадии // Уголовное судопроизводство // 2017. № 2. С. 27-31; Каминский Э.С. Обеспечение публичных

следующем: если ведомственный контроль и прокурорский надзор оказались неэффективными, суд призван выявить нарушения закона, допущенные несудебными органами, указав на обязанность последних устранить нарушения закона, не предрешая при этом вопросы, входящие в предмет рассмотрения суда первой инстанции после завершения досудебного производства и поступления уголовного дела в суд.

3. Рассмотрение судом материалов в российском уголовном процессе сопряжено не только с возможностью точечного вмешательства суда в случае избрания мер принуждения, принятие которых в силу закона допустимо только по решению судебных органов. В российском досудебном производстве суды вправе также принимать решения, ограничивающие конституционные права граждан. Более того, участники уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, вправе обжаловать в судебном порядке решения органов предварительного расследования (например, о возбуждении уголовного дела, о приостановлении и о прекращении уголовного дела), что уже приближает российскую модель рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам к французской.

4. Инстанционный характер судебной системы предполагает возможность судебной проверки законности и обоснованности решений судов первой инстанции (об избрании, продлении мер уголовно-процессуального принуждения, при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, при вынесении судебных постановлений, ограничивающих конституционные права граждан) посредством принесения апелляционных, кассационных и надзорных жалоб участников процесса, что приближает российскую модель рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам к германской.

5. Рассмотрение судами материалов досудебного производства в Российской Федерации осуществляется ординарными, а не специализированными следственными судьями немецкого или французского типа, что в некоторой

степени свидетельствует о приверженности российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве к англо-американской.

6. В российском досудебном производстве по уголовным делам процессуальная деятельность суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве является важнейшим средством обеспечения публичного интереса, ибо в ряде случаев, установленных законом, интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства, не могут быть достигнуты без оперативного принятия судебного постановления:

- исключение возможности обвиняемого скрыться от органов расследования, что обуславливает принятие судами адекватной конкретным фактическим обстоятельствам меры уголовно-процессуального пресечения;

- цели доказывания в досудебном производстве в ряде случаев требует от лица, в чьем производстве находится уголовное дело, производства следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;

- уголовно-процессуальная деятельность суда при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ является важнейшим средством защиты не только частных правовых интересов (как лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так и лица, пострадавшего в результате совершенного в отношении него преступления), но и публичных, так как своевременное и справедливое разрешение судом поступающих жалоб способствует усилению законности в ходе досудебного производства, а также исправлению следственных ошибок.

Нельзя не согласиться с Е.В. Марковичевой и П.М. Стольниковым, которые указывают, что «судебный контроль значим не только для обеспечения конституционных прав тех или иных субъектов, но и для корректировки деятельности следователя, не отвечающей назначению уголовного судопроизводства»¹. Тем самым авторы подчеркивают, что рассмотрение судом

¹ Марковичева Е.В., Стольников П.М. Защита прав участников процесса при осуществлении судебного контроля за процессуальным усмотрением следователя // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35. С. 105.

материалов досудебного производства осуществляется не только с целью обеспечения частных, но и публичных правовых интересов, связанных в том числе и с исправлением следственных ошибок, осуществлением досудебного производства в полном соответствии с уголовно-процессуальным законом. В ходе проведенного автором исследования опроса практических работников с идеей о выполнении судами при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ значимой для всего уголовного судопроизводства задачи - своевременного выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок согласилось 52,77 % опрошенных судей, 41,47 % прокуроров, 27,33 % адвокатов¹.

После выделения указанных отличительных особенностей российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве следует следующий логический вывод:

В науке уголовного процесса есть все основания для выделения специфической теоретической российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам, которая вбирает в себя различные особенности, характерные для германской, французской и англо-американской уголовно-процессуальных систем, то есть носит смешанный характер, что нисколько не умаляет ее самостоятельное значение на уголовно-процессуальной карте мира.

1. Разнонаправленность интересов участников уголовного судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения с объективной необходимостью предполагает потребность осуществления безотлагательной проверки законности и обоснованности различных ходатайств, а также действий и решений государственно-властных его участников со стороны независимого и беспристрастного судебного органа, осуществляемой не по собственной инициативе, а при обращении участников процесса со стороны обвинения и защиты с письменным обращением (т.н. «начало жалобы»).

2. Идея отложения судебной проверки законности различных ходатайств, действий и решений участников досудебного производства до рассмотрения

¹ См. приложение 3.

уголовного дела по существу не всегда может служить эффективным средством правовой защиты¹, так как:

- далеко не каждое уголовное дело в последующем поступит в суд (оно может быть приостановлено, прекращено и т.д.);

- деятельность суда по рассмотрению материалов в досудебных стадиях процесса способна защитить права и законные интересы участников процесса, которые после направления уголовного дела в суд не будут принимать участие в рассмотрении уголовного дела (лица, являющиеся собственниками имущества, на которое наложен арест и др.);

- оперативность судебной проверки законности различных ходатайств, действий и решений участников досудебного производства при рассмотрении судом материалов, расширение субъектов, правомочных обращаться с жалобой на действия органов предварительного расследования, перечня обжалуемых решений отвечает идеи своевременной защиты конституционно значимых ценностей и в полной мере соответствует основополагающим международным стандартам прав человека в сфере уголовной юстиции;

3. В ходе досудебных стадий российского уголовного процесса создаются все необходимые условия для эффективного осуществления уголовного правосудия, в связи с чем суд в стадиях процесса, предшествующих рассмотрению уголовного дела по существу, не может быть отстранен от этой деятельности.

4. Спектр разнообразных вопросов, которые правомочен решать именно суд в ходе досудебных стадий уголовного процесса, ограничивает в той или иной степени полномочия следователя по применению мер принуждения и производству следственных действий, допускаемых по решению или с разрешения суда, стимулируя следователя к неукоснительному соблюдению уголовно-

¹ На указанный аспект рассматриваемой проблемы также обращено внимание в п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком" // СПС «КонсультантПлюс».

процессуальной формы, тем самым обеспечивая баланс частных и публичных правовых интересов в досудебных стадиях.

5. Рассмотрение судом жалоб в ходе досудебного производства способно служить действенным средством проверки законности и обоснованности действий и решений следователя, исключающих дальнейшее движение производство по делу, в чем отчетливо проявляется роль суда как «барьера» при движении уголовного дела в ходе досудебных стадий.

Далее попытаемся последовательно раскрыть роль суда в обеспечении частных и публичных правовых интересов при помощи различных критериев:

I. Субъектный критерий:

1. В случае, когда только суд вправе применять меры уголовно-процессуального принуждения по ходатайству следователя (ст. 29 УПК РФ) - (исключительная компетенция суда);

2. Принятие решения отнесено к компетенции следователя, что не исключает возможности судебной проверки законности принятого решения по жалобам участников процесса, за исключением тех, что прямо указаны в законе (ст. 125 УПК РФ) - (самостоятельные действия следователя).

3. Когда принятие решения отнесено к компетенции следователя, но при условии обязательной дачи судом согласия на производство следственных и иных процессуальных действий (ст. 165 УПК РФ) - (действия, совершаемые с согласия суда).

К этой же группе примыкают процессуальные ситуации необходимости отмены принятого решения о прекращении производства по делу по реабилитирующему основанию по истечении года со дня его принятия, именно суд правомочен дать разрешение на отмену принятого следователем решения по ходатайству уполномоченных субъектов.

Итак, с использованием субъектного критерия можно выделить 3 группы вопросов:

1) применение судом мер уголовно-процессуального принуждения;

2) возможность последующей судебной проверки действий и решений, принятых в ходе досудебного производства (ст. 125 УПК РФ);

3) судебное санкционирование (ст. 165 УПК РФ).

II. Предметный критерий:

1) оценка законности принятых следователем решений по движению дела в ходе досудебных стадий (оценивается законность и фактическая обоснованность принятых несудебным органом процессуальных решений при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ).

2) оценка обоснованности ходатайств следователей о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан (ст. 165 УПК РФ), применении мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе мер пресечения, избираемых по решению суда;

3) оценка законности действий и обоснованности ходатайств участников процесса как со стороны обвинения (например, об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ), так и со стороны защиты (при оценке судом заявленного стороной защиты ходатайства об избрании менее строгой меры пресечения, нежели испрашиваемой органом предварительного расследования).

III. Темпоральный (временной) критерий:

1. Предварительная (перспективная) форма рассмотрения судом материалов;
2. Смешанная (промежуточная) форма рассмотрения судом материалов;
3. Последующая форма рассмотрения судом материалов;

Если мы говорим о специфических особенностях российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам, то становится ясным, что речь не сводится исключительно к синтезу различных элементов моделей рассмотрения судом материалов в досудебных стадиях процесса, характерных для зарубежных государств.

Так, в науке уголовно-процессуального права, помимо традиционного подразделения текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве исходя из темпорального (временного)

критерия ее осуществления на две самостоятельные формы - предварительную (перспективную) и последующую¹, полагаем, что в настоящее время есть все основания для выделения специфической промежуточной (смешанной) формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, комбинирующей в себе черты как предварительной (перспективной), так и последующей форм рассмотрения судом материалов в досудебном производстве². Так, например, при продлении срока действия мер уголовно-процессуального принуждения (например, меры пресечения в виде заключения под стражу), ранее избранных по решению суда, представители судебной власти каждый раз выясняют, какие следственные действия были выполнены следователем после предыдущего продления существующей меры пресечения, почему ранее запланированные следственные действия выполнить не удалось (элементы последующей формы рассмотрения судом материалов), а также, выполнение каких следственных и процессуальных действий запланировано, когда планируется завершение расследования (элементы предварительной (перспективной) формы рассмотрения судом материалов).

Аналогичная ситуация прослеживается при вынесении судом по ходатайству органов предварительного расследования постановления об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела при выполнении следователем требований ст. 217 УПК РФ³. Примечательно, что процедура рассмотрения указанного ходатайства следователя осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, что говорит о том, что суд не может быть в полной мере индифферентен к интересам правосудия, реализуемым в ходе досудебного производства. То есть каждый раз, когда возникает малейшая угроза публичному

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. - 7-е изд., М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 121-122; Маркелов С.В., Маркелова О.Н. Историко-правовой анализ становления института судебного контроля // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4. С. 85-89.

² Хроменков И.Р. Продление срока содержания под стражей. Ошибки следствия и судов // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 78-85.

³ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 30 марта 2021 г. по делу № 3/14-23/2021 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

интересу в ходе досудебного производства, возникает необходимость в судебной проверке действий участников уголовного процесса.

В ходе судебного заседания судья выясняет у следователя и иных участников процесса, в каком объеме обвиняемый и его защитник ознакомились с материалами уголовного дела для оценки обоснованности ходатайства следователя о том, что сторона защиты злоупотребляет правом на ознакомление с материалами уголовного дела, затягивая процесс передачи уголовного дела в суд (элементы последующей формы рассмотрения судом материалов). В ходе судебного заседания председательствующий также выясняет, количество материалов уголовного дела, с которыми обвиняемому и его защитнику предстоит ознакомиться, необходимое для этого разумное время, в том числе посредством изучения составленного следователем графика ознакомления обвиняемого и его адвоката с уголовным делом (элементы предварительной (перспективной) формы рассмотрения судом материалов).

IV. Сравнительно-правовой критерий процессуальной деятельности суда (с точки зрения функционирования сравнительно-правовых моделей рассмотрения судом материалов в досудебном производстве):

1. Англо-американская;
2. Французская;
3. Германская;
4. Постсоветская, в том числе российская.

Итак, когда мы говорим о специфической российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, то ее юридическую сущность можно раскрыть посредством последовательного использования трех критериев:

1) сравнительно-правового: поскольку российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве присущи элементы, характерные для германской, французской и англо-американской уголовно-процессуальной систем;

2) темпорального (временного): для указанной формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве характерна специфическая форма - смешанная (промежуточная), которой присуще комбинированное сочетание

элементов последующей и предварительной (перспективной) форм рассмотрения судом материалов досудебного производства;

3) с точки зрения объекта судебной проверки: рассмотрение судом материалов в досудебных стадиях российского уголовного процесса осуществляется не только с целью проверки законности действий и решений органов, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, но и в силу наличия инстанционной судебной системы решения нижестоящих судебных инстанций, принятые по результатам рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования или жалоб на их действия и решения, подвергаются судебной проверке со стороны вышестоящих судов.

Хотелось бы подчеркнуть, что с методологической точки зрения проблема обеспечения частных и публичных правовых интересов судом в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства может быть рассмотрена посредством применения одной из сравнительно-правовых концепций:

- теста на пропорциональность, издавна присущего странам континентального права, исторические корни которого тяготеют к прусскому и немецкому праву (континентальная традиция);

Что касается российского уголовного судопроизводства, то Конституционный¹ и Верховный суды² России последовательно придерживаются указанного теста, что не в последнюю очередь связано и с деятельностью Европейского Суда по правам человека³, для которого тест на пропорциональность во многом - ключ к решению стоящих перед ним целей и задач⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П "По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области" // СПС «КонсультантПлюс».

² См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2012 г. по делу "Фабер (Faber) против Венгрии" (жалоба № 40721/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (27).

⁴ Михайлов А.А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным Судом РФ и значение для

- метода взвешивания интересов (аргументов), появление которого стало оригинальным изобретением эпохи американского конституционализма с целью допустить оптимальное ограничение конституционных прав граждан (англо-американская традиция)¹;

И если тест на пропорциональность создавался с тем, чтобы теоретически сконструировать гарантии неоправданного вмешательства государства в частноправовую область граждан², то американский метод взвешивания интересов преследовал обратную цель - добиться возможности ограничения конституционных прав граждан с целью адекватной реализации полномочий государственных органов при, казалось бы, незыблемой нерушимости прав, гарантированных на конституционном уровне³.

В силу приверженности отечественного уголовного процесса к континентальной уголовно-процессуальной системе российскими судами при рассмотрении материалов в досудебном производстве по уголовным делам используется тест на пропорциональность, практическое применение которого связано с необходимостью принятия судьями правосудных решений при, как правило, противоречивой направленности правовых интересов его участников, что обуславливает поиск постоянного компромисса, с одной стороны, между интересами общества и государства (публичными интересами), и, с другой стороны, между конституционными правами и свободами конкретных граждан (частными интересами). В основе теста на пропорциональность зиждется идея общего блага, во имя защиты которого подлежат ограничению права частных лиц.

Как пишет О.И. Андреева, «соразмерность ограничения прав и свобод означает, что публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и

совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 56-69.

¹ Cohen-Eliya M., Porat I. American Balancing and German Proportionality: The Historical Origins // International Journal of Constitutional Law. Vol. 8. 2010. No 2. P. 263-286.

² Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence // University of Toronto Law Journal. Vol.57. 2007. No 2. P. 383-397

³ Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни / пер. с английского Д. Сичиавы // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. №. 3. С. 68.

свобод, если они адекватны социально оправданным целям, что предполагает установление соотношения между ограничением прав и целью деятельности государственных органов и должностных лиц»¹.

Применение указанного теста в российской правовой действительности возможно в следующих формах:

1) по результатам обобщения Верховным и Конституционным судами РФ судебной практики с целью разъяснения сложных и противоречивых вопросов, возникающих в ходе правоприменительной практики (например, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, а также Определения Конституционного Суда, в которых отказано в передаче жалоб на рассмотрение, как не требующих принятия постановления);

2) в ходе рассмотрения судами общей юрисдикции различных материалов досудебного производства:

- в ходе рассмотрения судами ходатайств органов предварительного расследования об избрании или о продлении мер уголовно-процессуального принуждения;

- во время рассмотрения судами жалоб участников процесса на действия (бездействие) органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу;

- при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных и процессуальных действий, мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;

- при рассмотрении судами ходатайств следователей об установлении срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при

¹ Андреева О.И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 48.

явном злоупотреблении обвиняемым или его защитником правом на разумное и своевременное ознакомление с материалами уголовного дела.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. В настоящее время общемировой тенденцией является возрастание роли суда в ходе досудебного производства, связанное с расширением проверочных полномочий судебных органов применительно к деятельности органов предварительного расследования, в связи с чем рассмотрение судом различных материалов досудебного производства - это деятельность по осуществлению правосудия, целью которой является защита как прав и законных интересов отдельных лиц (частных интересов), так и интересов государства и общества в целом (публичных интересов).

2. Различное содержательное наполнение текущей процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве характерно не только для уголовного процесса зарубежных стран (французского, англо-американского), но и для российского уголовного процесса.

3. В связи с многообразием различных существующих в науке уголовно-процессуального права точек зрения на институт судебной проверки законности различных ходатайств, действий и решений участников досудебного производства, его соотношение с правосудием, автором настоящего исследования были выделены различные модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве:

- модель рассмотрения судом материалов досудебного производства в «чистом» виде;

- смешанная модель рассмотрения судом материалов: как досудебного, так и судебного производства.

4. В настоящем параграфе была последовательно раскрыта роль суда в обеспечении частных и публичных правовых интересов в российском досудебном производстве по уголовным делам посредством использования различных критериев: 1) субъектного; 2) предметного; 3) темпорального (временного); 4) сравнительно-правового.

5. В наши дни все более отчетливо проявляется тенденция возрастания значимости процессуальной деятельности суда при рассмотрении различных материалов в российском досудебном производстве, поскольку реализация судом процессуальных полномочий в досудебных стадиях процесса не сводится исключительно к идее «отказоустойчивости», то есть деятельность суда в ходе досудебных стадий не является субсидиарной (дополнительной), поскольку в ходе досудебного производства создаются все необходимые условия для будущего судебного разбирательства, а потому суд не может быть полностью отстранен от деятельности органов предварительного расследования, он должен осуществлять проверку законности различных ходатайств, действий и решений стороны обвинения, при этом, не посягая на ее самостоятельность.

§ 5. Генезис российского законодательства об обеспечении судом частных и публичных правовых интересов в уголовном процессе

Для того чтобы определить историческое развитие законодательных положений, обеспечивающих реализацию судом частных и публичных начал в уголовном процессе, необходимо, прежде всего, ориентироваться на общие положения, связанные с развитием науки уголовно-процессуального права в те или иные исторические периоды.

Как верно заметила О.И. Андреева, «историко-правовой анализ развития российского уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что соотношение прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе зависит, во-первых, от развития общества, положения личности в государстве, отношения общества и государства к личности и ее правам; во-вторых, от господствующих представлений на предназначение уголовного процесса»¹.

¹ Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2007. С 9.

Л.Н. Масленникова историю развития уголовного и уголовно-процессуального права, как и историю российской государственности, условно разделила на три периода, выделяя на основе анализа законодательства:

- 1) основные тенденции в развитии уголовного и уголовно-процессуального права досоветского периода (до октября 1917 года);
- 2) основные тенденции в развитии советского социалистического уголовного и уголовно-процессуального права (октябрь 1917 г.- конец 1991 г.);
- 3) основные тенденции в развитии постсоциалистического уголовного и уголовно-процессуального права (с конца 1991 г. по настоящее время)¹.

Большую ценность для развития уголовно-процессуальной науки имеет предложенное Л.Н. Масленниковой деление истории российского общества в зависимости от отсутствия или наличия государственности в том или ином состоянии на два периода:

- 1) Этап зарождения государственности, при котором основу уголовного судопроизводства составляет частное начало;
- 2) Этап многовековой истории государственности в России, для которого характерен уголовный процесс с ярко выраженным публичным началом².

Однако, по ее мнению, само содержание публичного начала находится в прямой зависимости от развитости (преобладает публичное начало в более полном смысле за счет развития диспозитивного начала) или неразвитости государственности (преобладает государственное начало за счет вытеснения диспозитивного начала). Дальнейшее развитие уголовного судопроизводства связано, несомненно, с характером развития государственности в России³.

В настоящем исследовании автор будет в целом придерживаться классификации развития уголовно-процессуальной науки путем деления ее на три временных промежутка, ранее предложенных Л.Н. Масленниковой, которые для

¹ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2000. - 554 с.

² Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2000. - 554 с.

³ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2000. - 554 с.

науки уголовно-процессуального права являются классическими¹, тем не менее, с некоторой спецификой:

I. Дореволюционный, который также можно подразделить на три мини-этапа:

1. Уголовный процесс главным образом строился на началах обвинительно-состязательных, уголовное преследование инициировалось частными лицами, защита от обвинения производилось самими обвиняемыми, роль суда сводилась к пассивному, беспристрастному наблюдению за состязанием противоборствующих лиц (олицетворением которого является великий памятник российской юридической науки – Русская Правда 1016 г.²).

Как обосновано заметил С.А. Шейфер, «роль государственного органа (князя, тиуна) состояла лишь в осуществлении контроля за соблюдением сторонами процедуры спора»³.

2. В последующем в уголовном процессе Российского государства элементы частно-искового процесса отходят на второй план, начинают появляться и получать широкое распространение зачатки инквизиционного процесса (Судебники 1497 г. и 1550 г)⁴. Символом российского инквизиционного процесса стал правовой памятник эпохи Петра I – «Краткое изображение процессов и судебных тяжб», который являлся приложением к Воинскому артикулу 1716 г.⁵. В юридической литературе указывается на то, что вплоть до середины 19 в. отечественное уголовное судопроизводство мало интересовалось правовым положением граждан - участников уголовного процесса. Соответственно и защита прав и законных интересов личности не являлась первостепенным назначением уголовного

¹ Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 17.

² Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2015. С. 340.

³ Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти // монография. М.: Норма, 2019. С 29.

⁴ Томсинов В.А. История русской юриспруденции. X-XVIII века. Указ. соч. С. 112-120.

⁵ Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2016. С. 23.

судопроизводства тех времен¹. Завершающим нормативным правовым актом указанного период стал «Свод законов Российской империи» 1832 г², который, по мнению К.А. Бунина, стал первым источником российского права, закрепившим право на защиту таких участников уголовного процесса, как обвиняемые³. Как верно отметил в этой связи В.А. Томсинов, наука уголовного судопроизводства стала формироваться в России в качестве отдельной, самостоятельной отрасли правоведения лишь после издания указанного правового акта⁴.

3. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года знаменует собой появление смешанного российского уголовного процесса, основным содержанием которого стало построение досудебных стадий на основе инквизиционного уголовного процесса, основанного на не состязательных началах, а судебное разбирательство зиждилось на основе гласности, устности, непосредственности, равноправия стороны обвинения и защиты⁵. В литературе обоснованно обращается внимание на то, что принятый 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства существенно расширил процессуальные гарантии обвиняемого, наделив последнего правом представления оправдательных доказательств, отказа от дачи показаний, обжалования следственных действий, возложив функцию защиты подсудимых на «присяжных» и «поверенных»⁶. Для уголовно-процессуальной науки значимыми являются и преобразования, коснувшиеся полномочий должностных лиц правоохранительных органов. Как указывают Е.М. Варпаховская и В.М. Деревскова, «в результате судебной реформы 1864 г. произошло организационное и правовое оформление предварительного следствия, дознания и розыска; полиция хотя и осуществляла дознание, но не

¹ Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 17.

² Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 24.

³ Бунин К.А. Указ. соч. С. 17.

⁴ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2015. С. 66-89.

⁵ Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2016. С. 29.

⁶ Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 17.

являлась органом предварительного следствия, это дознание находилось в прямом подчинении прокурора; прокурор осуществлял надзор за процессуальной деятельностью полиции и мог лично осуществлять уголовное преследование»¹.

II. Советский (1917-1991 гг.), для которого характерна смешанная модель уголовного судопроизводства, однако в силу общественно-политического строя государства в уголовно-процессуальном законодательстве закреплялся безусловный приоритет публичных интересов над интересами частными, причем личные (частные) интересы в указанный период в большей степени отождествлялись с личной заинтересованностью лиц, наделенных государственно-властными полномочиями². Указанный период развития уголовного судопроизводства можно также весьма условно разделить на два мини-этапа:

1. Формирование нового уголовно-процессуального законодательства т.н. «ранней» советской эпохи (1917 – 1922 гг.). Для указанного мини-этапа характерно большое число законодательных актов новой советской власти, которые в этот период не носили систематизированного, кодифицированного характера. Начало анализируемого мини-этапа связано с принятием Декрета о суде № 1 от 24.11.1917, п. 3 которого упразднил институты судебных следователей, прокурорского надзора, а также институты присяжной и частной адвокатуры³. Как пишет К.А. Бунин, «важной вехой в развитии института защиты прав личности явилось упразднение Положением о народном суде РСФСР от 20 октября 1920 г. участия защитника на предварительном следствии. В итоге это привело к тому, что обеспечение прав человека при производстве предварительного следствия провозглашалось хотя и важным, но далеко не главным требованием»⁴.

¹ Варпаховская Е.М., Деревскова В.М. Полномочия прокурора по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов дознания в ходе судебных реформ в России 1864 и 1991 годов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 114.

² Тарасов А.А. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 148.

³ Декрет о суде от 24 ноября 1917 года, принятый Советом Народных Комиссаров // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 02.10.2021).

⁴ Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 17-18.

2. Последующее развитие уголовно-процессуальных норм о правах и свободах личности знаменует открытие второго мини-этапа развития советского периода развития уголовно-процессуальной деятельности (1922-1991 гг.). Для законодательных актов этого периода, в частности, для УПК РСФСР 1922-1923 гг. и Конституции СССР 1936 г. характерно постепенное усиление права обвиняемого на защиту, в том числе со стороны профессионального защитника¹. Значение указанного мини-этапа для развития науки уголовного процесса состоит в том, что Основы уголовного судопроизводства, принятые 25 декабря 1958 г., а затем УПК РСФСР 1960 г. закрепили в своих нормах защиту прав личности как одно из основных, общих положений, присущих всему уголовному судопроизводству².

III. Постсоветский (1991 г. - по настоящее время), который также может быть подразделен на два мини-этапа:

1. Первый промежуточный период постсоветского периода уголовного процесса (1991 - 2001 гг.) связан с функционированием уголовной юстиции еще в рамках УПК РСФСР 1960 г., разработкой Концепции судебной реформы в РСФСР 1991, принятием новой Конституции РФ 1993 г., активизацией работы Конституционного Суда РФ.

2. Вторая половина постсоветского периода (2001 г. - настоящее время), связана в первую очередь с принятием нового УПК РФ 2001 г.

Постсоветский период развития уголовно-процессуальной деятельности в целом сохранил приверженность отечественного уголовного судопроизводства процессу смешанного типа.

Охарактеризовав в самом общем виде этапы становления взаимоотношений правового положения человека и государства на различных исторических этапах функционирования уголовно-процессуальной науки, представляется необходимым перейти к более детальному раскрытию указанных исторических этапов уже с учетом роли суда в досудебном производстве.

¹ Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 18.

² Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-На-Дону, 2011. С. 18.

I. Дореволюционный период. Квинтэссенцией развития науки уголовного процесса дореволюционного периода стало творчество Я.И. Баршева - автора первого учебника по уголовно-процессуальному праву¹.

Любопытным представляется видение Я.И. Баршевым соотношения частных и публичных начал в процессе. Так, он отмечал следующее: для реализации в полной мере назначения уголовного судопроизводства необходимо устранить и самым существенным образом ограничить самоуправства со стороны частных лиц, и отправление уголовного правосудия должно быть вверено постоянным, самостоятельным, имеющим все нужды для того качества, судам², и подчеркивал высокое значение суда как органа государства, задачей которого являлась защита публичных интересов, весьма негативное отношение к самосуду, частному произволу, запрете устраивать дуэли и т.д., ибо указанные деяния посягали на государственный строй, правосудие как государственный вид деятельности и общественный правопорядок. Для обоснования своей точки зрения Я.И. Баршев указывает, что по мере развития общества в различных сферах общественно-политической жизни роль самосуда, самоуправления уменьшается, автор приводит в качестве примера Русскую Правду: очень скоро месть и самоуправство были ограничены известными степенями родства и назначением вместо него появлением виры - то есть штрафа, который платился виновным родственникам потерпевшего в качестве возмездия за совершенное деяние. Вскоре частное удовлетворение, которые каждый использовал самостоятельно вследствие нарушения его прав, заменяется общественным наказанием, которое определяется уже судом³.

Я.И. Баршев указывал на то, что уголовному судопроизводству должны быть чужды всякое влияние и действие на него частного произвола⁴. Под частным произволом он понимал следующее: волеизъявление частных лиц, которое, с одной

¹ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб, 1841. С. 41.

² Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб, 1841. С. 60.

³ Баршев Я.И. Указ. соч. С. 61.

⁴ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб, 1841. С. 60.

стороны, не должно препятствовать отправлению правосудия, даже если, например, потерпевший отказывается от дачи показаний, изобличающих обвиняемого в совершении преступления в суде и более не имеет к нему каких-либо претензий; с другой стороны, если лицо заявляет о своей виновности в совершении преступления, это не должно однозначно приводить к его осуждению, то есть вина указанного лица в совершении преступления должна подтверждаться еще какими-либо другими доказательствами по уголовному делу. Отдельно автор подчеркивает, что диспозитивность, характерная для гражданского судопроизводства, совсем не свойственна для уголовно-процессуальной деятельности¹.

Таким образом, Я.И. Баршев, рассуждая о роли и предназначении уголовного процесса в жизни российского общества, доказывал, что уголовный процесс - отрасль преимущественно публичного права, который реализуется посредством государственно-властной деятельности уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов, данный автор высказывал в целом негативное отношение к частному началу уголовного судопроизводства.

Нельзя не обратиться к более поздним работам ученых дореволюционного периода развития науки уголовного процесса, связанных с появлением Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года.

По мнению И.Я. Фойницкого, из задач уголовного процесса вытекают: ограничение государством произвола сторон, направленного на удовлетворение частного интереса обвинения или оправдания и государственная помощь сторонам². Под государственным ограничением произвола сторон автор понимал следующее: уголовно-процессуальное право с развитием исторических форм (типов) процесса перестает быть делом частных лиц (обвинителя и обвиняемого), государство заинтересовано в поддержании существующего правопорядка посредством надлежащего отправления правосудия³.

¹ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб, 1841. С. 62.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 9.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 9.

Важно также обратиться к размышлениям И.Я. Фойницкого применительно к взаимоотношению государства и личности. Так, он писал, что личное начало уголовного судопроизводства заключается в том, что уголовный процесс зеркальным отображением направлен на личность в процессе, и задачей правоохранительных органов и суда является глубокое изучение личной виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности¹.

Далее делается вывод о том, что построение уголовного процесса состоит в тесной связи с положением личности в государстве, аргументируется, что по мере развития форм (типов) процесса совершенствовалось и развивалось правовое положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, от полного бесправия и объекта уголовного преследования в инквизиционном процессе до появления прав равноправной стороны в смешанном процессе².

Для И.Я. Фойницкого личное начало уголовного процесса также заключалось в задаче исследования судом личной виновности во всех подробностях посредством непосредственного исследования судебной властью всех обстоятельств уголовного дела, что могло быть возможным лишь при обязательном личном присутствии обвиняемого в суде, а также посредством реализации в ходе судебного разбирательства таких принципов уголовно-процессуального права, как устность и непосредственность³.

Критикуя теорию формальных доказательств, ратуя за свободную оценку доказательств в уголовном процессе посредством внутреннего убеждения, И.Я. Фойницкий указывал, что доказательственная система уголовного судопроизводства нуждается в эластичности, которая открывала бы возможность исследования и оценки мельчайших деталей личной виновности⁴.

И.Я. Фойницкий, рассуждая о соотношении частных и публичных интересов в уголовно-процессуальном праве, указывал, что общественное начало сообщает уголовному процессу характер публичной деятельности, что обусловлено

¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 10.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 10.

³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 10-11.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. СПб, 1912. С. 11.

названием уголовного иска публичным, идеей защиты как общественного служения, участия представителей народа (присяжных заседателей) в осуществлении правосудия¹. Учитывая публичный характер уголовного судопроизводства, а также упомянутое ранее личное (частное) начало, оказывающее огромное влияние на построение процесса в целом, И.Я. Фойницкий пришел к убедительному, актуальному и в наши дни выводу о том, что уголовный процесс имеет высокое политическое значение².

Л.Н. Масленникова, анализируя научную литературу по уголовно-процессуальному праву дореволюционного периода, приходит к обоснованному выводу о том, что законодателем «признавалась необходимость защиты в уголовном судопроизводстве интереса не только публичного, но и частного»³.

Что касается роли суда в обеспечении частных и публичных начал в досудебных стадиях российского уголовного процесса, то нельзя не отметить, что при анализе научной литературы автор пришел к выводу, что среди ученых отсутствует единство в вопросе о начале дореволюционного периода, когда можно утверждать о первых зачатках процессуальной деятельности по рассмотрению судом материалов досудебного производства.

Так, например, Т.Ю. Цапаева, В.А. Яблоков связывают зарождение процессуальной деятельности по рассмотрению судом материалов в досудебном производстве с принятием в 1775 году «Учреждений для управления губерний»⁴. Ст. 401 указанного нормативного правового акта наделяла суд правомочием по проверке законности содержания лиц под стражей⁵.

¹ Там же. С. 11.

² Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 11.

³ Масленникова Л.Н. Понятие и сущность публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства, или К вопросу о публично-правовой природе уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 16.

⁴ Цапаева Т.Ю., Яблоков В.А. Зарождение и развитие института судебного контроля в истории российского уголовного процесса (досоветский период) // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Межвузовский сборник научных статей под редакцией В.А. Лазаревой. Самара, 2007. С. 95 - 106.

⁵ Цапаева Т.Ю., Яблоков В.А. Указ. соч. С. 96-97.

Иной точки зрения придерживаются М.А. Устимов и Н.Н. Ковтун, которые при анализе полномочий суда в досудебном производстве за точку отсчета берут 1864 год в связи принятием Устава уголовного судопроизводства (- далее УУС)¹.

Нельзя не отметить, что дореволюционному законодателю не только были известны все современные формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, на которых далее остановимся более подробно, но и суд имел больше полномочий в досудебном производстве, по сравнению с современным регулированием.

Прежде всего, необходимо указать, что ст. 277 УУС закрепляла за судом прерогативу в вопросе прекращения уголовного дела по результатам проведенного расследования², что в настоящее время возможно юридически после поступления уголовного дела в суд по окончании досудебного производства, то есть, когда уголовное дело находится в производстве суда, а не органа предварительного расследования. Вместе с тем, указанная форма рассмотрения судом материалов досудебного производства, известная Уставу уголовного судопроизводства, с концептуальной точки зрения очень напоминает форму процессуальной деятельности суда при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку в обоих случаях суд проверяет юридические и фактические основания для прекращения производства по делу, однако в объеме полномочий судов есть два различия. Во-первых, по УУС 1864 именно суд являлся субъектом принятия решения о прекращении уголовного дела, а не орган предварительного расследования, что предусмотрено современным УПК РФ 2001 г. Причем по ст. 277 УУС уголовное дело в любом случае могло быть прекращено только судом, причем как в случае с предшествующим прекращению приостановлением производства по делу, так и без при приостановления производства. То есть

¹ Устимов М.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования: дис. ...канд. юрид. наук. Саранск, 1999. С. 15-35; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ...докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 66-95.

² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 11.07.2021).

уголовное дело не могло быть прекращено без поля зрения суда¹. В то время как в современном уголовном процессе проверка судом законности принятого процессуального решения о прекращении производства по делу зависит от волеизъявления сторон, что обуславливает второе различие между ролью суда в дореволюционном и современном уголовном судопроизводстве на его досудебных стадиях.

Примечательно, что в случае несогласия судебного следователя с указаниями прокурора о задержании лица по подозрению в совершении преступления или повторном задержании обвиняемого после освобождения его из под стражи, судебный следователь обязан был передать рассмотрение указанного вопроса в адрес суда (ст. 285 УУС). Из чего мы можем сделать вывод, что суд не был отстранен от решения значимого для расследования вопроса об избрании меры процессуального принуждения. Кроме того, заключение под стражу, по общему правилу, было отнесено к компетенции судебного следователя, то есть носителя судебной власти.

Важной гарантией для участников процесса стало нормативное закрепление в ст. 491 УУС возможности обжаловать каждое следственное действие, нарушающее или ограничивающее их права, что в большей степени характерно для рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, хотя и не исключается некоторое сходство указанной процедуры с современным судебным санкционированием в порядке ст. 165 УПК РФ, поскольку при проверке судом законности проведенного без предварительного получения судебного решения следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, участники процесса могут ссылаться на допущенные при проведении следственных действий нарушения закона.

О некотором сходстве процедуры обжалования, предусмотренной УУС и УПК РФ в ходе досудебных стадий, свидетельствует примерное очерчивание

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 11.07.2021).

законодателем двух больших групп тех решений и действий (бездействия) органов предварительного расследования, подлежащих обжалованию - 1) следственное действие, нарушающее или стесняющее права участвующих в деле лиц (ст. 491 УУС); притеснения и неправильные взыскания (ст. 492 УУС); 2) действия (бездействие) и решения, которые могут причинить ущерб конституционным правам и свободам участников процесса либо затруднить доступ указанных лиц к правосудию (ст. 125 УПК РФ).

Примечательно, что уже УУС исходит из дифференциации порядка обжалования действий полиции, то есть органа дознания и следователя. Так, судебный порядок обжалования применялся исключительно к действиям и решениям судебного следователя, действия полиции могли быть обжалованы в процессуальном порядке прокурору (ст. 493 УУС)¹.

Таким образом, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривал активную роль суда в досудебном производстве, наряду с современными формами рассмотрения судом материалов в ходе предварительного расследования, дореволюционное законодательство предусматривало исключительную компетенцию суда в вопросе о прекращении уголовного дела.

II. Советский период. Переходя к характеристике советского этапа развития науки уголовно-процессуального права в аспекте соотношения частных и публичных правовых интересов в досудебных стадиях по уголовным делам, очень важно процитировать дословно определение принципа публичности, данное в свое время М.С. Строговичем, являющееся хрестоматийным, в полной мере выражающее сущность и специфику советского уголовного процесса: «принцип публичности уголовного процесса заключается в том, что органы следствия и дознания, прокуратура и суд при возбуждении, расследовании и разрешении отнесенных к их компетенции уголовных дел, действуя в интересах Советского государства и социалистического общества, обязаны принимать все законные меры

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 11.07.2021).

и совершать все законные действия для раскрытия преступлений, изобличений и наказания преступников, для выяснения всех существенных обстоятельств дела, для охраны прав и законных интересов участвующих в производстве по делу лиц, не ставя совершение этих действий в зависимость от усмотрения заинтересованных лиц и организаций»¹.

Не утратила актуальности и сегодня трактовка М.С. Строговичем принципа публичности применительно к досудебным стадиям уголовного процесса. Так, ученый указывал, что трактовка принципа публичности как ведение процесса независимо от воли и желания лиц, участвующих в процессе, является ошибочной, поскольку от их волеизъявления зависят многие действия следователя, прокурора и суда². Сущность публичного характера уголовного судопроизводства, по мнению М.С. Строговича, состоит в том, что правоохранительные органы не могут отказываться от производства следственных или процессуальных действий, необходимых для правильного разрешения уголовного дела, лишь на том основании, что тот или иной участник процесса не заявляет ходатайство об этом³.

Важное значение имеют взгляды М.С. Строговича о содержании публичных интересов уголовного процесса, которые в эпоху советского государственного строительства по идеологическим и политическим причинам принято было полностью противопоставлять частным (личным) интересам. Ученый указывал на недопустимость подобной узкой трактовки принципа публичности, отмечая, что многие следственные действия в силу прямого указания закона производятся именно в интересах частных лиц обвиняемого и потерпевшего, что не только не противоречит публичному (общественному) интересу, а полностью ему соответствует⁴.

Примечательно, что вопросы взаимоотношения интересов государства и личности в свете рассматриваемой проблематики не получили однозначной оценки

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том I: основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 136.

² Строгович М.С. Указ. соч. С. 139.

³ Там же. С. 139.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том I: основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 140.

в современной науке. Так, например, Л.Н. Масленникова критикует ученых советского периода за упрощенчество и нежелание изучать суть проблемы поиска баланса уголовно-процессуальных интересов, сводя весь научный анализ к принципам публичности и диспозитивности¹. С одной стороны, данная критика имеет серьезные основания. С другой стороны, она не в полной мере учитывает особенности общественно-политического строя Советского государства, где безусловного паритета между частным и публичным априори быть не могло.

Теперь постараемся установить, каким образом суд обеспечивал правовые интересы участников процесса при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве.

Что касается вопроса о применении мер уголовно-процессуального принуждения, то необходимо отметить, что согласно ст. 151 УПК РСФСР 1922 г. в случае несогласия следователя с предложением прокурора об отмене или изменении ранее избранной меры пресечения либо избрании меры пресечения данный вопрос разрешался судом с учетом правил территориальной подсудности². Аналогичную норму содержала ст. 148 УПК РСФСР 1923 г.³. По УПК РСФСР 1960 г. в досудебных стадиях процесса меры принуждения применялись с санкции прокурора, но уже без какого-либо участия суда⁴.

Итак, суд по УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. выступал в роли арбитра между следователем и прокурором в решении спора о юридической судьбе меры пресечения по конкретным уголовным делам, а по УПК РСФСР 1960 г. после окончательной утраты следствием судебного характера и последующей «полицизацией» предварительного следствия вовсе оказался отстранен от

¹ Масленникова Л.Н. Понятие и сущность публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства, или К вопросу о публично-правовой природе уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 17.

² Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21. Ст. 230.

³ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁴ Закон РСФСР от 27 октября 1960 года (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. Ст. 613.

решения процессуального вопроса о применении мер принуждения, которые теперь входили в компетенцию прокурора.

Теперь рассмотрим вопрос об обеспечении судом правовых интересов при рассмотрении жалоб на действия лица, осуществляющего досудебное производство. Так, действия следователя по УПК РСФСР 1922 г. могли быть обжалованы участниками процесса как в суд, так и прокурору (ст. 216)¹.

Законом устанавливался семисуточный пресекательный срок, в течение которого лицо, чьи права были нарушены, могло обратиться с жалобой, за исключением избрания меры пресечения, допущенной по делу волокиты и незаконных действий следователя, которые специальным сроком на их обжалование ограничены не были (ст. 219 УПК РСФСР 1922 г.).

Согласно ст. 222 УПК РСФСР 1922 г. суд обязан был рассмотреть поступившую жалобу в более короткий срок, нежели предусмотренный ст. 125 УПК РФ: в течение 3 суток вместо нынешних 5 суток.

УПК 1922 г. предусматривал, что истребование материалов осуществляется в том случае, если без их предоставления разрешить жалобу не представляется возможным. В настоящее время по УПК РФ без запроса материалов проверки или уголовного дела суду разрешить объективно и беспристрастно уголовно-процессуальный спор в связи с поступившей жалобой нередко просто невозможно, однако, представляется, что подобное указание советского законодателя объяснялось обязанностью лица, чьи действия обжалуются, не только передать в адрес суда поступившую через него жалобу, но и свои объяснения по существу поданной жалобы.

Существенное значение имеет то обстоятельство, что решение, принятое судом по жалобе, приводилось к немедленному исполнению (ст. 224 УПК 1922 г.), а также то, что следователь и автор жалобы в случае несогласия с решением по жалобе, принятым прокурором, могли обжаловать его в суд.

¹ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21. Ст. 230.

Значимой гарантий являлась ст. 100 УПК 1922 г., предоставлявшая заявителю право обжаловать процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое органом дознания, прокурором либо следователем, в семидневный срок в надлежащий суд¹. Преемственность в данном вопросе сохранили ст. 95 УПК 1923 г. и ст. 113 УПК 1960 г.

Трудно переоценить значимость ст. 226 УПК 1922 г., которая прямо предусмотрела возможность сторон обжаловать в суд решение прокурора о прекращении производства по уголовному делу, расследование по которому осуществлялось в форме дознания.

Что касается такой формы предварительного расследования, как следствие, то в случае несогласия с ходатайством следователя, адресованного суду о прекращении уголовного дела, прокурор вправе был выразить свое несогласие с позицией следствия в судебном заседании (ст. 230 УПК 1922 г.).

Кроме того, прокурор мог и по собственной инициативе инициировать перед судом вопрос о прекращении производства по уголовному делу, поступившему к нему от следователя с обвинительным заключением (ст. 232 УПК 1922 г.).

При этом суд мог и по собственной инициативе прекратить уголовное дело в судебном производстве, то есть без ходатайства следователя или прокурора (ст. 241-243 УПК 1922 г.).

Аналогичное правовое регулирование содержалось и в УПК РСФСР 1923 г.² Однако в ст. 212 УПК 1923 г. предусматривалась возможность принести жалобу на действия следователя исключительно прокурору, который был обязан ее рассмотреть в течение трех суток со дня поступления. Вместе с тем, ст. 220 УПК 1923 г. наделяла следователя и автора жалобы в случае несогласия с определением, вынесенным прокурором по результатам рассмотрения жалобы, правом обжаловать его в губернский суд.

¹ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21. Ст. 230.

² Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

На основании ст. 221 УПК 1923 г. прокурор и следователь теперь были правомочны прекратить или приостановить производство по делу самостоятельно, то есть без участия суда. Однако решение прокурора о прекращении производства по делу могло быть обжаловано участниками процесса в суд по месту территориальной подсудности.

К сожалению, по УПК РСФСР 1960 г. основным субъектом, правомочным рассматривать жалобы участников досудебного производства, являлся прокурор¹. В случае несогласия с действиями и решениями прокурора, последние обжаловались исключительно вышестоящему прокурору (ст. 220 УПК 1960 г.). В суд, как уже упоминалось выше, согласно ст. 113 УПК 1960 г. можно было обжаловать только процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

III. Постсоветский период. Характеризуя постсоветский этап развития науки уголовного судопроизводства в свете анализируемой проблематики, необходимо отметить, что одним из постулатов Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. стал отказ в правоохранительной деятельности от ориентации на предпочтительную защиту публичных интересов², о чем ранее было упомянуто в § 2 настоящей работы при раскрытии вопроса о соотношении уголовно-процессуальных интересов с целями и задачами уголовного процесса, при характеристике современного состояния назначения уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. значима для нас тем, что в качестве одного из ключевых направлений судебной реформы стало «расширение возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения»³.

¹ Закон РСФСР от 27 октября 1960 года (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. Ст. 613.

² Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2016. С. 36.

³ Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 "О Концепции судебной реформы в РСФСР" // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Большое значение для усиления полномочий суда при рассмотрении различных материалов досудебного производства в российском уголовном процессе оказали позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные, например, в Постановлении от 13.11.1995 № 13-П, посвященном возможности участников процесса обжаловать в суд постановления следователя о прекращении уголовного дела¹; в Постановлении от 29.04.1998 № 13-П о возможности обжалования процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела², Постановлении от 23.03.1999 № 5-П, после принятия которого в судебном порядке стало возможным обжаловать ряд действий и решений государственно-властных участников со стороны обвинения: о производстве обыска, наложении ареста на имущество, приостановлении производства по уголовному делу и продлении срока предварительного следствия³.

Для характеристики постсоветского этапа взаимоотношения государства и личности особенно значимо, что на первоначальном его этапе, как пишет Л.Н. Масленникова, ученые не пытались выявить причины изменчивости содержания и проявления принципа публичности в сфере уголовного процесса⁴.

Анализ обеспечения судом правовых интересов при рассмотрении материалов в ходе досудебных стадий процесса на разных исторических этапах российского государства позволяет сделать следующие выводы.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самигуллиной и А.А. Апанасенко" // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия" // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком" // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Масленникова Л.Н. Понятие и сущность публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства, или К вопросу о публично-правовой природе уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 17.

1. Основа современного правового регулирования обеспечения судом правовых интересов при рассмотрении различных материалов в ходе досудебных стадий процесса была заложена судебной реформой 1864 года.

2. Представляется, что нельзя говорить о том, что деятельность суда при рассмотрении материалов в досудебном производстве с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года на всех этапах исторического развития последовательно развивалась.

Точнее будет говорить об обеспечении судом правовых интересов при рассмотрении материалов в ходе досудебных стадий процесса в том или ином виде на разных этапах:

- с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года и до издания Декрета о Суде № 1 1917 года;

- с момента издания Декрета о Суде № 1 1917 года и до принятия УПК РСФСР 1922 г.;

- в период действия УПК РСФСР 1922 г.;

- в период действия УПК РСФСР 1923 г.;

- в период действия УПК РСФСР 1960 г.;

- в период действия УПК РФ 2001 г. по настоящее время.

Необходимо при этом отметить, что в советский период развития уголовного процесса отчетливо проявилась тенденция существенного ослабления полномочий суда в досудебном производстве по уголовным делам, что во многом было связано с окончательной утратой следствием судебного характера и дальнейшей «полицизацией» предварительного следствия.

3. Процессуальная деятельность суда в досудебных стадиях процесса осуществлялась судом в каждом из указанных выше временных периодов, однако в различном содержательном наполнении полномочий суда применительно к той или иной форме рассмотрения материалов досудебного производства.

4. Важное влияние на современное состояние процессуальной деятельности по рассмотрению различных материалов в досудебном производстве, связанное с существенным расширением полномочий суда в указанной сфере уголовно-

процессуальных отношений, оказали авторы Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. и позиции Конституционного Суда РФ, в том числе по вопросам обжалования в суд действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, применении мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

Глава 2. Процессуальная деятельность суда по обеспечению частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве

§ 1. Обеспечение частных и публичных правовых интересов при применении судом мер уголовно-процессуального принуждения

В науке уголовно-процессуального права вопрос о полномочиях суда при применении мер уголовно-процессуального принуждения является одним из наиболее часто обсуждаемых как среди ученых, так и практикующих юристов¹.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению указанных полномочий с точки зрения обеспечения правовых интересов, необходимо определить содержание частных и публичных правовых интересов при применении судом мер принуждения, попытаться выяснить, почему применение мер уголовно-процессуального принуждения затрагивает частные и публичные правовые интересы?

Применительно к вопросу о взаимосвязи мер уголовно-процессуального принуждения с правовыми интересами Р.В. Мазюк справедливо заметил, что «именно интересы участника уголовного судопроизводства как один из элементов его процессуального статуса являются объектом принуждения в уголовно-процессуальном праве»².

Указанный автор по результатам анализа влияния мер принуждения на правовые интересы выделил три уровня такого механизма воздействия:

¹ Качалова О.В. Учет судом оснований и условий заключения под стражу в качестве меры пресечения // Судья. 2019. № 9. С. 60-64; Гурин Д.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в свете постановлений Европейского Суда, касающихся соблюдения статьи 5 Конвенции: достижения и перспективы // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2019. № 5. С. 259-281; Загорский Г.И., Кобзарев Ф.М., Шалумов М.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 42-50; Чернявский Д.О. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы правоприменительной практики // Законность. 2020. № 10. С. 44-48.

² Мазюк Р.В. Интересы участников уголовного судопроизводства как объект принуждения в уголовном процессе // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 2. С. 142–150.

1. Наделение лица официально признанным статусом участника уголовного процесса;

2. Вовлечение в указанные процессуальные отношения, что влечет необходимость исполнения участниками процесса своих процессуальных обязанностей;

3. Применение к участнику процесса конкретных мер уголовно-процессуального принуждения¹.

С одной стороны, уголовно-процессуальный закон исходит из презумпции добросовестного выполнения участниками процесса своих процессуальных обязанностей. С другой стороны, публичные правовые интересы, реализуемые в ходе досудебных стадий процесса, связанные с обеспечением нормального хода судопроизводства, заключающегося в поступательном движении уголовного дела по стадиям и беспрепятственном расследовании преступления, нередко оказываются по угрозой нарушения. Так, например, лица, привлекаемые к уголовной ответственности, опасаясь возможного назначения им в будущем уголовного наказания, в том числе, не исключающего реальное лишение свободы, начинают уклоняться от выполнения своих уголовно-процессуальных обязанностей (например, не являются по вызовам дознавателя, следователя), принимать меры, направленные на сокрытие доказательств их преступной деятельности, оказывать противоправное, в том числе уголовно наказуемое воздействие на других участников процесса (например, потерпевшего, свидетелей)². Для защиты указанных публичных правовых интересов, лицу, в чьем производстве находится уголовное дело, в отношении таких фигурантов уголовного дела необходимо применять меры уголовно-процессуального

¹ Мазюк Р.В. Интересы участников уголовного судопроизводства как объект принуждения в уголовном процессе // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 2. С. 143.

² Качалова О.В. Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: монография/ О.А. Зайцев [и др.]; под ред. О.В. Качаловой. – М.: КНОРУС, 2019. С. 5.

принуждения, сущность которых состоит «в ограничении их прав и свобод, в том числе и относящихся к числу конституционных»¹.

Как верно заметил А.В. Гриненко: «...государством установлен ряд мер, направленных на обеспечение нормального судопроизводства по уголовным делам. Именно поэтому применение мер уголовно-процессуального принуждения обеспечивается целым комплексом требований, входящих в содержание системы принципов»².

М.И. Воронин обоснованно обратил внимание на то, что «ограничение прав и свобод личности происходит и до итогового разрешения уголовно-правового спора о виновности, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в условиях, когда презумпция невиновности еще не опровергнута»³. Р.В. Мазюк полагает, что при рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемый наделен интересом применения к нему более мягкой меры пресечения, нежели заключение под стражу⁴.

Частные правовые интересы участников процесса со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого), а также иных лиц, чьи права и свободы также могут быть затронуты применением мер принуждения, связаны с неприменением или применением более мягкой меры уголовно-процессуального принуждения, что в большинстве случаев предполагает столкновение правовых интересов в досудебных стадиях процесса и необходимость нахождения судом разумного

¹ Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. – М.: Проспект, 2018. С. 78.

² Гриненко А.В. Обеспечение прав и свобод личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы уголовной политики в Российской Федерации. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 31 марта 2010 г. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 93-99.

³ Воронин М.И. Доказывание и принятие решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и продлении срока содержания под стражей // Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. С. 149.

⁴ Мазюк Р.В. Интересы участников уголовного судопроизводства как объект принуждения в уголовном процессе // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 2. С. 146.

баланса между ними при рассмотрении вопроса о возможном выборе конкретной меры процессуального принуждения.

Противостояние частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве при применении мер процессуального принуждения может осуществляться в двух возможных формах:

1) в виде активного возражения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, против возможного применения конкретной меры процессуального принуждения посредством приведения правовых аргументов в обоснование своей позиции;

2) посредством выражения пассивного несогласия с мерой уголовно-процессуального принуждения без приведения каких-либо мотивов избранной позиции.

Тем не менее, каждая из двух указанных форм столкновения правовых интересов по вопросу применения меры процессуального принуждения в уголовном процессе может быть подразделена на два вида, в зависимости от наличия либо отсутствия самостоятельного ходатайства участника процесса о применении более мягкой меры процессуального принуждения:

1) с заявлением ходатайства об избрании более мягкой меры принуждения либо об изменении существующей меры уголовно-процессуального принуждения на более мягкую;

2) без заявления такого ходатайства.

Процессуальная ситуация по уголовному делу, при которой частные и публичные интересы участников уголовного процесса применительно к вопросу о применении мер принуждения совпадают, связана с согласием лица, чьи права и свободы подлежат ограничению, с избираемой мерой принуждения.

Теперь постараемся ответить на вопрос, каким образом суд обеспечивает правовые интересы при применении мер принуждения?

Обоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения обеспечивает беспрепятственное осуществление производства по уголовному делу, надлежащее исполнение участниками уголовного процесса своих

обязанностей. Кроме того, в научной литературе меры пресечения, избираемые по решению суда, некоторыми учеными-процессуалистами рассматриваются как меры безопасности участников уголовного судопроизводства¹. Совокупность указанных аспектов применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве позволила О.В. Качаловой обоснованно заключить, что «давая разрешение на проведение в ходе досудебного производства процессуальных действий, а также на принятие процессуальных решений, суд ограждает права и законные интересы лиц, в отношении которых применяются процессуально-принудительные меры, от необоснованного ограничения, с одной стороны, а с другой - обеспечивает защиту интересов общества и государства в объективном расследовании, предполагающем возможность определенных правоограничений в целях обеспечения проведения отдельных следственных действий, явки лиц по вызовам следователя, обеспечения исполнения приговора в дальнейшем»². Р.В. Мазюк также пишет, что «объектом процессуального принуждения в уголовном процессе является совокупность частных и публичных интересов - в различных комбинациях, в том числе интересов лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства»³.

Как указывает Э.С. Каминский, «санкционируя процессуальные действия, существенным образом затрагивающие важнейшие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, суд обеспечивает публичный интерес обоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения с целью создания надлежащих условий для расследования преступлений и возмещения вреда, причиненного преступлением»⁴.

¹ Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 127-135.

² Качалова О.В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 1. С. 8-10.

³ Мазюк Р.В. Интересы участников уголовного судопроизводства как объект принуждения в уголовном процессе // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 2. С. 147.

⁴ Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021. С. 56.

По нашему мнению, в ходе рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования и прокурора о применении либо о продлении срока действия мер уголовно-процессуального принуждения судья, осуществляя индивидуальное регулирование в каждом конкретном случае с учетом оценки фактических обстоятельств рассматриваемого ходатайства, пытается найти разумный баланс между публичными правовыми интересами, связанными с необходимостью ограничения конституционных прав и свобод лица, как правило, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, для достижения целей и задач уголовного правосудия, и частными правовыми интересами, связанными с неприменением или применением более мягких мер принуждения, в том числе, ограничивающих конституционные права и свободы граждан (например, права на свободу и личную неприкосновенность, труд, образование, право собственности). Выбор судом адекватной и пропорциональной меры уголовно-процессуального принуждения, с учетом данных о личности фигуранта уголовного дела, оценки фактических обстоятельств инкриминируемого обвиняемому уголовно наказуемого деяния, позволяет должным образом обеспечить баланс правовых интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, беспрепятственный порядок производства по уголовному делу, потенциальную исполнимость будущего приговора, в том числе в части возмещения причиненного преступлением вреда и гражданского иска.

Раскрыв содержание правовых интересов при применении судом мер принуждения, постараемся определить функциональный аспект обеспечения судом частных и публичных правовых интересов, связанный с конкретными полномочиями суда в ходе рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования об избрании либо о продлении мер уголовно-процессуального принуждения.

Поправки, внесенные 11.06.2020 в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, направлены на повышение активности суда в ходе

рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования¹. Так, суд вправе по собственной инициативе ставить на обсуждение сторон вопрос о возможном применении менее строгой меры пресечения, нежели той, которую предлагает следственный орган. Казалось бы, в обновленной редакции текста Пленума Верховного Суда РФ можно усмотреть отступление от конституционного принципа состязательности, занятие судом не свойственной ему и несовместимой с осуществлением правосудия функции защиты.

На самом деле, указанная новелла полностью согласуется с вытекающей из международно-правовых актов в области уголовной юстиции презумпции оставления обвиняемого на свободе² и тенденцией развития уголовно-процессуальной политики, связанной с гуманизацией уголовно-процессуального законодательства.

Процессуальная активность судьи в ходе рассмотрения ходатайств следственных органов о применении мер уголовно-процессуального принуждения служит дополнительной гарантией принятия судом законного и обоснованного решения, поскольку при разнонаправленности правовых интересов стороны обвинения и защиты крайне непросто принять правосудное решение, учитывая, что ограничение одних конституционных прав и свобод граждан и юридических лиц при применении мер процессуального принуждения неизбежно влечет существенное ограничение и других конституционных прав личности и хозяйствующих субъектов. Например, при избрании судом мер пресечения, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность, дополнительно оказываются ущемленными и иные права человека: полноценно трудиться, получать образование, ухаживать и материально содержать лиц, находящихся у обвиняемого на иждивении.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс»; п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // СПС «КонсультантПлюс».

² Качалова О.В. Бремя доказывания права на свободу // Уголовный процесс. 2020. №. 2. С. 8.

При рассмотрении судом различных материалов досудебного производства, в особенности, связанных с применением мер уголовно-процессуального принуждения, неизбежно встает вопрос о том, насколько целесообразно рассмотрение указанных процессуальных вопросов именно судом, не осуществляется ли тем самым подмена судом других контрольно-надзорных институтов досудебного производства? В частности, можно концептуально проиллюстрировать это сомнение при разграничении исторически допустимой советской модели избрания мер принуждения прокурором и характерной для большинства демократических государств, в том числе Российского, модели избрания (санкционирования) мер принуждения судом.

В уголовно-процессуальной науке среди ученых отсутствует единство применительно к вопросу о том, кто должен являться субъектом принятия решения о применении мер уголовно-процессуального принуждения. Так, одни исследователи, анализируя основополагающие правовые акты международного характера в области уголовной юстиции и зарубежное процессуальное законодательство, приходят к выводу, что данные полномочия должны составлять прерогативу судебной власти¹. Напротив, консервативный подход представляют те ученые, которые выступают за возвращение полномочий по применению мер принуждения прокурору².

Приведенная дифференциация научных подходов обуславливает выделение автором исследования двух возможных в концептуальном плане исторических моделей применения мер уголовно-процессуального принуждения,

¹ Паршин С.А. Санкционирование ареста судом // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32486497&pos=3;-110#pos=3;-110 (дата обращения 13.12.2021).

² Иванов В.И., Николаев П.А. Применение меры пресечения - заключения под стражу по «старому» и действующему процессуальному законодательству // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 1. С. 80-86; Матинов С.Г., Позднышев А.И. Сравнительные положения изменения норм УПК РФ и УПК РСФСР в части передачи полномочий от прокурора суду по избранию меры пресечения, обыска и других мер процессуального принуждения // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: Международная научно-практическая конференция. Ростов-на-Дону, 2020. С. 139-143.

ограничивающих конституционные права и свободы граждан, в досудебных стадиях процесса: европейской (судом) и советской (прокурором).

Прежде всего, необходимо сделать оговорку о том, что выделяемая нами советская модель применения мер принуждения в уголовно-процессуальной науке и среди правоприменителей традиционно отождествляется с прокурором. Однако первые советские процессуальные кодексы исходили из подразделения полномочий следователя по применению мер принуждения, которые он вправе совершить самостоятельно и те, которые допускались с согласия прокурора. Так, например, по УПК РСФСР 1922 г. процессуальное решение о заключении обвиняемого под стражу следователь принимал самостоятельно, однако указания прокурора об отмене или изменении существующей меры пресечения являлись для него обязательными. В случае несогласия с последними этот вопрос согласно ст. 151 УПК РСФСР 1922 г. разрешался судом¹. Однако произвести выемку почтово-телеграфной корреспонденции следователь в силу прямого указания закона (ст. 189 УПК РСФСР 1922 г.) мог только с согласия прокурора². Аналогичное правовое регулирование сохранил и УПК РСФСР 1923 г.³. И уже только по УПК РСФСР 1960 г. прокурор стал ключевым субъектом принятия решения о применении мер процессуального принуждения, в силу длительного временного периода функционирования последнего советского УПК советскую модель применения мер принуждения многие связывают именно с этим участником процесса⁴.

Представляется, что для проведения сравнительно-правового анализа указанных моделей, необходимо последовательно использовать несколько критериев:

¹ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21. Ст. 230.

² Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21. Ст. 230.

³ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁴ Закон РСФСР от 27 октября 1960 года (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. Ст. 613.

1. Субъектный критерий состоит в определении институциональной принадлежности субъекта принятия решения о применении мер уголовно-процессуального принуждения.

Европейский Суд по правам человека в ряде своих решений истолковал положения п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, из которых следует, что прокурор должен быть независимым от органов исполнительной власти и участников процесса со стороны обвинения и защиты¹.

Между тем, прецедентная практика Европейского Суда по правам человека применительно к вопросу проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также совершения иных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности, основывается на делегировании указанных полномочий от несудебных (полицейских, прокурорских) органов в адрес судебных и прерогативе последних².

Несмотря на надзорный характер деятельности прокурора, последний в ограниченных пределах в досудебных стадиях, а также при поддержании государственного обвинения в суде осуществляет функцию уголовного преследования, чем и обусловлено отнесение законодателем прокурора к стороне обвинения. Иными словами, нисколько не умаляя самостоятельное значение надзорных полномочий прокурора, нельзя не учитывать, что органы прокуратуры в уголовном судопроизводстве осуществляют полномочия по борьбе с преступностью, чем и объясняется наделение прокуратуры функцией координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью³, осуществление Генеральной прокуратурой РФ международного сотрудничества в

¹ Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 1979 г. по делу «Шиссер против Швейцарии (Schisser v. Switzerland)» (жалоба № 7710/76) // Руководство по применению статьи 5 Конвенции -Право на свободу и личную неприкосновенность. Совет Европы, Европейский Суд по правам человека. 2014. С. 25.

² ЕСПЧ призвал передать судам право санкционировать контрольные закупки и оперативные эксперименты // Уголовный процесс. 2021. № 6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://e.ugpr.ru/893484> (дата обращения 11.07.2021).

³ См. ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1 // Российская газета. 1995. 25 ноября. № 229; Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 года № 567 "О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью" // СПС «КонсультантПлюс».

сфере уголовного судопроизводства и государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре, новой функции представительства интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, в том числе в Европейском Суде по правам человека¹.

А. С. Барабаш, интерпретируя появление в УПК РСФСР 1960 г. правовых норм о возможности судебного обжалования решений прокурора о применении мер принуждения справедливо заметил, что «Причиной появлений этих норм явилось вполне обоснованное сомнение в независимости и объективности прокурора при санкционировании ареста². В юридической литературе также высказана позиция о том, что «обвинительная функция прокурора обуславливает его неспособность к объективной оценке законности расследования и обоснованности результатов»³.

2. Процессуальный критерий позволяет определить, в каком порядке осуществляется принятие решение о применении меры принуждения.

Для судебной проверки характерны многие общие принципы судебного разбирательства, свойственные производству в суде первой инстанции (гласность, устность, состязательность), что нельзя сказать о процессуальном, несостязательном порядке рассмотрения указанных ходатайств прокурором.

Как пишет В.А. Лазарева: «судебная процедура в любом случае дает больше возможностей для защиты прав и свобод личности уже в силу присущих ей гласности, непосредственности, состязательности»⁴.

Напротив, для принятия прокурором решения о применении мер принуждения, в частности, меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении большинства обвиняемых, по общему правилу был характер заочный и

¹ См. ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. 1995. 25 ноября. № 229.

² Барабаш А.С. Прокурор - следственный судья // Уголовная юстиция: связь времен: Международная научная конференции. Санкт-Петербург, 2012. С. 6-12.

³ Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 100.

⁴ Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 103.

несостязательный порядок принятия решения, поскольку согласно ст. 96 УПК РСФСР 1960 г. прокурор обязан был лично допросить лишь несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, применительно к большей части совершеннолетних фигурантов уголовного дела в законе содержалась диспозитивная формулировка о праве прокурора допросить лица, привлекаемого к уголовной ответственности, «в необходимых случаях»¹.

3. Информационный критерий также связан с процессуальным критерием, но тем не менее, имеет автономное значение, поскольку позволяет определить, на основе оригиналов материалов уголовного дела или их копий принимается процессуальное решение о применении мер процессуального принуждения.

В юридической литературе указывается, что «при даче санкции на арест или продлении его срока прокурор изучал не копии отдельных материалов дела, а все его целиком - прошитое и пронумерованное, с описью всех документов»². Некоторые ученые при проведении компаративистских исследований предлагают реформировать российское уголовно-процессуальное законодательство, предусмотрев обязанность следователя при в обращении в суд с ходатайством приобщать не копии материалов уголовного дела, а его оригиналы³.

Полагаем, что такое предложение по совершенствованию правового регулирования в анализируемой нами сфере можно объяснить следующими причинами.

С одной стороны, суд должен иметь реальную возможность убедиться в том, что в представленном материале содержатся оригиналы процессуальных документов, а не искаженные и неоднократно исправленные их копии. В связи с тем, что в ходатайстве следственных органов аккумулируется пакет процессуальных документов, в том числе, касающихся существа предъявленного

¹ Закон РСФСР от 27 октября 1960 года (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. Ст. 613.

² Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. - М.: Проспект, 2018. С. 89.

³ Тарбагаев А.Н., Назаров А.Д. Судебный контроль и проблемы предупреждения преступлений и иных правонарушений в уголовном процессе России и Германии // Международно-правовые аспекты борьбы с преступностью. 2015. Т. 9, № 3. С. 564.

обвинения, как справедливо заметил Ю.А. Цветков: судья при рассмотрении уголовного дела по существу и оценке доводов стороны защиты о нетождественности процессуальных документов, предъявленных обвиняемому и содержащихся в материалах уголовного дела, может прибегнуть к ранее рассмотренному этим же судьей материалу по ходатайству следователя о продлении срока содержания под стражей¹.

С другой стороны, такое правовое регулирование крайне не удобно для стороны защиты, поскольку, например, при каждом судебном заседании о продлении срока содержания под стражей в материале содержатся копии материалов уголовного дела, однако следователь может не приобщить или приобщить не все копии материалов дела, касающиеся характеристики личности фигуранта уголовного дела, на которые будет ссылаться сторона защиты, в связи с чем в правоприменительной практике нередко защитникам приходится в судебных процессах приобщать такие документы каждый раз заново.

Безусловно, изучение оригиналов, а не копий документов, в информационном и техническом аспектах имеет несомненное преимущество в плане удобства целостности восприятия процессуально значимой информации для оценки законности и обоснованности ходатайства следователя об избрании либо о продлении мер принуждения. Однако важно учитывать, что в силу принципа состязательности и равноправия сторон, характерного для судебных процедур, преждевременное ознакомление стороны защиты в досудебном производстве с некоторыми материалами уголовного дела, составляющими тайну предварительного следствия (например, протоколами допросов потерпевших, свидетелей, дающих изобличающие обвиняемого показания) нецелесообразно. В связи с чем ныне действующим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена обязанность следователя в обоснование заявленного ходатайства о применении меры принуждения прикладывать копии материалов уголовного дела, подтверждающих его законность и обоснованность.

¹ Цветков Ю.А. Подменяя постановление, следователь предусмотрел не все // Уголовный процесс. 2019. № 6. С. 8.

Что касается предпринимаемых в уголовно-процессуальной науке попыток теоретического разграничения прокурорской легитимации и судебной проверки, то некоторые исследователи предлагают свое представление о дифференциации полномочий суда и прокурора. Так, например, Л. В. Головкин предложил целевой критерий разграничения исходя из которого, по мнению автора, вмешательство суда является оправданным, когда затрагивается частный интерес, прокурор же должен защищать публичный интерес¹.

Однако, на наш взгляд, в обоснованности трактовки предложенного ученым целевого критерия следует усомниться в силу следующего.

При его буквальном истолковании может сложиться неверное представление о том, что для уголовно-процессуальной деятельности суда при рассмотрении различных материалов досудебного производства совершенно не характерна защита публичного интереса, а прокурор при таком подходе вовсе не охраняет частные правовые интересы участников процесса.

О том, что суд в уголовном процессе, в том числе в досудебных стадиях, призван защищать публичный интерес, пишет, например, А.А. Тарасов².

По мнению автора исследования, прокурорский и судебный виды уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве в функциональном плане призваны защищать как частные, так и публичные правовые интересы его участников.

Полагаем, что ключевое отличие между прокурорским надзором и судебной проверкой заключается в том, что именно суд должен применять меры уголовно-процессуального принуждения с целью своевременного и адекватного разрешения уголовно-процессуального конфликта, заключающегося в активном противостоянии частных и публичных правовых интересов, однако на более

¹ Головкин Л.В. Новая роль судьи при производстве полицейского расследования в уголовном процессе постсоветских государств // Зангер - Вестник права Республики Казахстан. 2011. № 4. С. 74-81.

² Тарасов А.А. Должностное лицо в уголовном процессе как носитель основных прав и свобод человека и гражданина // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2019. № 2. С. 56-59.

высоком уровне: когда подлежат ограничению конституционные права и свободы личности в досудебном производстве.

Более того, оперативное принятие судебного постановления также необходимо в тех случаях, когда реализация частных правовых интересов сопровождается злоупотреблением правом либо иным образом ставит под угрозу осуществление публичных правовых интересов, что предполагает объективную потребность беспристрастного и справедливого разрешения возникшего уголовно-процессуального конфликта между стороной обвинения и защиты судебной властью, осуществляющей правосудие в досудебных стадиях процесса. Например, при явном затягивании обвиняемым или его защитником разумного срока на ознакомление с материалами уголовного дела при выполнении следователем требований ст. 217 УПК РФ конкретный срок ознакомления с оставшимися материалами дела устанавливает именно суд. Еще одним доказательством высказанной нами гипотезы может послужить то, что, например, по решению суда производится эксгумация трупа в тех случаях, когда близкие родственники умершего против этого возражают (ч. 3 ст. 178 УПК РФ). При таких условиях объективно и беспристрастно разрешить уголовно-процессуальные споры, возникающие в досудебном производстве, способен только суд.

Несмотря на то, что некоторыми уголовно-процессуальными системами была реципирована советская модель применения мер принуждения несудебными органами, как, например, в Китайской Народной Республике, в данных правовых системах на доктринальном уровне ведутся дискуссии о необходимости реформирования существующей модели применения мер уголовно-процессуального принуждения посредством ее замены на европейскую модель¹.

Таким образом, при более детальном правовом анализе становятся прозрачными очевидные преимущества именно судебной проверки перед прокурорским надзором, в связи с чем трудно переоценить значимость именно

¹ Захарова В.К. О некоторых проблемных вопросах соблюдения баланса между процессуальным контролем и прокурорским надзором в КНР // 70 лет современному Китайскому государству: Ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва, 2019. С. 353-363.

судебного начала, несомненных преимуществах последнего перед иными процессуальными контрольно-надзорными институтами санкционирования мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы личности.

Ранее, в § 4 первой главы настоящего исследования нами отмечалось, что процессуальная деятельность суда по рассмотрению материалов о применении мер процессуального принуждения носит промежуточный (смешанный) характер, так как для оценки доводов следствия о необходимости производства конкретных следственных и иных процессуальных действий в будущем судом проверяется реальность выполнения ранее проведенных следственных действий, причины невозможности своевременного выполнения ранее запланированных действий.

В связи с постепенным стиранием граней между дознанием и следствием как различными формами организации предварительного расследования (например, сроки дознания нередко в ходе правоприменительной деятельности приравниваются или приближаются к срокам предварительного следствия, что нередко обуславливается необходимостью расследования многоэпизодных уголовных дел, в том числе в сфере миграции, против собственности), возрастает роль суда в ходе досудебного производства не только применительно к форме предварительного следствия, но и дознания:

- при избрании и продлении мер пресечения, избираемых по решению суда, причем как в тех случаях, когда подозреваемый ранее скрылся от правоохранительных органов (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), так и с целью пресечения возможности скрыться от органов досудебного производства.

Особенно актуальна эта проблема применительно к гражданам иностранных государств, которым в ходе досудебного производства избиралась мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении или мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке, когда после вручения прокурором обвиняемому копии обвинительного акта или постановления последние не являются по вызовам суда, что влечет возвращение уголовного дела прокурору по ст. 238 УПК РФ (если подсудимый принимал участие хотя бы на одном судебном

заседании) или по ст. 237 УПК РФ (когда обвиняемый после завершения досудебных стадий ни разу не явился в суд).

Применение судом мер процессуального принуждения по ходатайству органов дознания (например, наложение ареста на имущество) в полной мере отвечает интересам правосудия, реализуемым в ходе досудебного производства, поскольку в ряде случаев применение меры процессуального принуждения исключает возможность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению.

Кроме того, своевременное применение адекватной и пропорциональной меры уголовно-процессуального принуждения в некоторых случаях способно предотвратить совершение обвиняемым новых преступлений в тех случаях, когда имущество, на которое накладывается арест, является средством совершения преступления.

Так, например, приговором Черемушкинского районного суда г. Москвы от 20.09.2019 П. осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ за события, имевшие место с 11 по 12 июня 2019 года. Установлено, что П. во время совершения преступления управлял принадлежащем ему автомобилем марки «Форд Фокус» с государственным регистрационным знаком О 272 ХР 190¹.

В тот же день, 20.09.2019, органом дознания в отношении П. было возбуждено новое уголовное дело по ст. 264.1 УК РФ за события, произошедшие 20.08.2019, в момент нового инкриминируемого деяния П. управлял все тем же автомобилем «Форд Фокус» с государственным регистрационным знаком О 272 ХР 190. В рамках расследования вновь возбужденного уголовного дела орган дознания обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на указанный автомобиль.

Постановлением Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18.10.2019 в удовлетворении ходатайства дознавателя отказано, поскольку после изъятия и осмотра средства совершения преступления автомобиль не признан дознавателем

¹ Уголовное дело № 01-0533/2019 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

вещественным доказательством. Кроме того, в материалы, помимо сведений о стоимости транспортного средства, информации о доходе П. не представлено, что не позволило суду сделать вывод о целесообразности запрашиваемых к применению ограничительных мер¹.

Примечательно, что при повторном обращении в суд аналогичное ходатайство дознавателя о наложении ареста на имущество подозреваемого было удовлетворено².

Отдельно необходимо отметить, что суду при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования как при избрании, так и при возможном продлении сроков действия мер процессуального принуждения, важно обращать внимание не только на соблюдение органом предварительного расследования процедурных условий и оснований, требований закона к обращению в суд с соответствующим ходатайством, но и на сущностный (материальный) аспект заявленного ходатайства.

Установление судом факта неэффективного проведения расследования при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока действия существующей меры пресечения может повлечь ее отмену или изменение на более мягкую.

Так, например, постановлением Черемушкинского районного суда г. Москвы отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении свыше 6 месяцев срока содержания под стражей В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ³. Отказывая в удовлетворении заявленного ходатайства, суд первой инстанции указал, что органы предварительного следствия в обоснование предыдущих аналогичных ходатайств неоднократно приводили доводы о длительности сбора характеризующего материала в отношении В., необходимости соединения уголовного дела. Также суд указал, что в отношении В. имеется лишь копия постановления о приостановлении

¹ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18 октября 2019 г. по делу № 3/6-510/19 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

² Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 15 января 2020 г. по делу № 3/6-18/2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

³ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 24 апреля 2020 г. по делу № 3/2-0396.2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

уголовного дела № 12000960700005 о совершении преступления от 17.12.2019, когда же В. по данному уголовному делу избрана мера пресечения в виде заключения под стражу 30.11.2019.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, прокурор обжаловал его, указав, что не утратили своей актуальности основания, указанные в ст. 97 УПК РФ. Более того, обвиняемый В. не проживает по месту регистрации, официально не трудоустроен, не имеет постоянного источника дохода и средств к существованию, род его деятельности органами следствия достоверно не определен.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 04.06.2020 решение нижестоящего суда оставлено без изменения. Как указал суд апелляционной инстанции, следственные действия, направленные на установление и закрепление процессуальным путем обстоятельств, подлежащих доказыванию, проведены в первые два месяца расследования. Дальнейшее продление срока следствия было вызвано сбором характеризующего материала, проверкой причастности В. к другим преступлениям и необходимостью получения дела для соединения. Обвиняемый с момента задержания признает фактические обстоятельства инкриминируемого ему деяния в полном объеме. В. является гражданином Российской Федерации, зарегистрирован в регионе, граничащем с регионом, в котором производится предварительное расследование, что позволяет собрать характеризующий его материал в очень сжатые сроки. Названные обстоятельства со всей очевидностью свидетельствуют о неэффективной организации расследования по настоящему делу, об отсутствии особой сложности дела, и как следствие об отсутствии законных оснований для удовлетворения ходатайства следователя, что справедливо указано судом в обжалуемом постановлении¹.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 4 июня 2020 г. по делу № 10-9968/2020 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/8ca71412-e5a8-4b67-b62b-5ff5332c540f?caseNumber=10-9968/2020> (дата обращения 11.07.2021).

Во многом от законности принятого судом решения по результатам рассмотрения ходатайства органа предварительного расследования об избрании либо о продлении срока действия меры процессуального принуждения, в том числе меры пресечения, зависит дальнейшая юридическая судьба уголовного дела: результаты расследования преступления и предстоящего судебного разбирательства с тем, чтобы обвиняемый в последующем не скрылся от следствия и суда, приговор оказался исполнимым с учетом ранее избранной меры уголовно-процессуального принуждения. Однако представляется, что нельзя однозначно говорить о том, что в результате отказа суда в заключении под стражу обвиняемого или продлении срока его действия последний обязательно скроется от правоохранительных органов¹, поскольку риск бегства обвиняемого в равной степени существует как в рамках действия другой меры пресечения, избранной впоследствии следователем (например, в практической деятельности чаще всего следственным органом в отношении обвиняемого избирается подписка о невыезде и надлежащем поведении), так и после избрания судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения, также связанной с лишением свободы, для применения которой необходимы достаточные правовые основания, как и при заключении лица под стражу (например, домашнего ареста)².

Так, например, постановлением Черемушкинского районного суда г. Москвы от 15.04.2021 отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. Сторона обвинения обжаловала указанное постановление суда, просив удовлетворить ходатайство следователя, однако перед вынесением судом второй инстанции решения по представлению прокурора обвиняемый нарушил условия

¹ Хроменков И.Р. Отказ суда в заключении под стражу обвиняемого: анализ причин и последствий // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 417-418.

² Постановление ЕСПЧ от 16 ноября 2021 г. по делу «Ковров и другие (Kovrov and Other) против Российской Федерации» (жалобы №№ 42296/09, 71805/11, 75089/13, 1327/16 и 14206/16) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-213227%22%5D%7D> (дата обращения 13.12.2021).

избранной в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, перестал являться по вызовам следователя. Суд апелляционной инстанции, частично удовлетворив апелляционное представление и вернув материал на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указал следующее. Как обоснованно отметил прокурор, обвиняемый не имеет постоянного или официального временного места проживания по месту проведения расследования, сведения о наличии у него легальных средств к существованию документально не подтверждены и требуют дополнительной проверки, в 2017 году в отношении фигуранта было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 158 УК РФ. При этом расследование находится на первоначальном этапе, у обвиняемого, помимо 3 свертков с наркотическим средством, изъяты еще 40 свертков с аналогичным по своему виду веществом, обвиняемый в ходе его допроса следователем сообщил, что это вещество тоже является наркотическим средством. Приведенная выше совокупность данных о личности обвиняемого применительно к стадии разбирательства по делу, результатам уже проведенных по делу следственных действий, а также применительно к правовым основаниям применения каждой из избираемых судом мер пресечения, не получили в постановлении мотивированной оценки¹.

При повторном рассмотрении ходатайства следователя судом первой инстанции принято не предусмотренное ст. 108 УПК РФ решение: о возврате ходатайства следователю без рассмотрения, поскольку участие фигуранта уголовного дела в рассмотрении ходатайства не обеспечено, а в материалах, представленных следователем в его обоснование, отсутствуют сведения, подтверждающие объявление обвиняемого в межгосударственный или международный розыск².

Приведем еще один пример из судебной практики, подтверждающий актуальность поднятой проблемы. Постановлением Московского городского суда

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 мая 2021 г. по делу № 10-9275/2021 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

² Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 2 июня 2021 г. по делу № 3/1-174/2021 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

от 10.09.2020 отменено постановление Трицкого районного суда от 10.08.2020, которым отказано в избрании в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу, апелляционное представление прокуратуры удовлетворено.

Суд проверочной инстанции отметил, что в нарушение требований закона суд, обосновывая свое решение, сослался на наличие у Ф. места жительства на территории города Москвы, на иждивении несовершеннолетнего ребенка, официального источника дохода фигуранта уголовного дела, однако документально данные сведения не подтверждены.

Кроме того, из материалов дела усматривается, что при допросе в качестве подозреваемого, обвиняемого, а также при задержании в порядке ст. 91, 92 УПК РФ в присутствии адвоката Ф. неоднократно сообщал о том, что он не работает, холост, детей на иждивении не имеет.

Утверждение суда о том, что обстоятельства совершения преступления, в котором обвиняется Ф., не могут свидетельствовать о том, что он может скрыться от следствия и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, а также воспрепятствовать ходу расследования, также признаны вышестоящим судом не убедительными.

Обвиняемый Ф. по вызову в суд апелляционной инстанции не явился, на неоднократные звонки по указанному им номеру телефона не отвечал.

В представленных суду материалах также имелся рапорт следователя СО МО МВД России «Троицкий» г. Москвы, в соответствии с которым после освобождения из-под стражи Ф. в зале суда им неоднократно осуществлялись телефонные звонки Ф., однако его мобильный телефон отключен, по месту жительства он также отсутствует, в связи с чем Ф. объявлен в розыск.

При указанных обстоятельствах суд второй инстанции постановление нижестоящего суда об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании

обвиняемому Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу отменил с направлением материалов на новое судебное рассмотрение¹.

На наш взгляд, даже в случае объявления обвиняемого в региональный или федеральный розыск, суды первой и второй инстанции лишены возможности избрать фигуранту уголовного дела меру пресечения в виде заключения под стражу, что не соответствует идее справедливого баланса частных и публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам.

Б.Я. Гаврилов обоснованно обратил внимание на то, что «содержащийся в УПК РФ запрет на заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, скрывшихся от следствия, обусловил в 2003 г. невозможность доставления или несвоевременное доставление в органы расследования нескольких десятков тысяч подозреваемых и обвиняемых, что повлекло дальнейшую криминализацию и послужило условием совершения частью указанных лиц новых преступлений»². Автор видит решение этой проблемы путем внесения изменения в ст. 210 УПК РФ «о возможности этапирования по судебному решению после задержания объявленного в федеральный розыск подозреваемого, обвиняемого к месту производства расследования. При его доставлении следователь незамедлительно (в течение 48 часов) обращается в суд с ходатайством о заключении такого лица под стражу. Срок этапирования засчитывается в срок содержания под стражей»³.

П.С. Ефимичев и С.П. Ефимичев также выступают за возможность избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу в случае объявления обвиняемого во всероссийский розыск, предлагая предусмотреть в УПК РФ право фигуранта уголовного дела, в отношении которого ранее заочно была избрана мера

¹ Информационное письмо прокуратуры города Москвы от 29 марта 2021 г. № 12-39-2021/3899 «О причинах отмен и изменений судом апелляционной инстанции постановлений судов об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу» // Документ официально опубликован не был.

² Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2004. С. 47.

³ Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2004. С. 47-48.

пресечения, на незамедлительное доставление к судье, ранее вынесшему постановление об аресте¹.

А.М. Резепкин и Э.А. Адильшаев также полагают, что необходимо нормативно закрепить полномочие суда по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу в случае объявления фигуранта уголовного дела в федеральный розыск при установлении обязанности суда повторно рассмотреть вопрос о его аресте с личным участием обвиняемого. Как отмечают указанные авторы, «в совокупности данные изменения отвечали требованиям п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»².

Однако, представляется, что аналогичные проблемы существуют не только при объявлении обвиняемого в федеральный, но и местный розыск, который «осуществляется на территории одного субъекта Российской Федерации с возможностью проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий за пределами территориальной юрисдикции инициатора розыска»³.

На основании изложенного, с целью возможности эффективного обеспечения судом публичных правовых интересов в досудебном производстве при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, автор настоящего исследования предлагает внести изменение в уголовно-процессуальное законодательство⁴, изложив содержание ч. 5 ст. 108 УПК РФ в следующей редакции:

«5. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае

¹ Аничин А.В. Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия в Российской Федерации (к 150-летию образования в России следственного аппарата // Российский следователь. 2010. № 15. С. 3-4.

² Резепкин А.М., Адильшаев Э.А. Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты при реализации судом полномочий, связанных с санкционированием мер процессуального принуждения и следственных действий // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2013. № 17. С. 114-121.

³ Стельмах В.Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 10. С. 15-18.

⁴ См. приложение 1.

объявления обвиняемого в местный, федеральный, международный и (или) межгосударственный розыск».

В ходе анкетирования практических работников с данным предложением согласилось 51,42 % судей, 83,15 % прокуроров, однако среди представителей адвокатуры, с учетом предлагаемого существенного ограничения прав обвиняемых, оно не встретило такой поддержки, в связи с чем большинство опрошенных адвокатов выступили против указанной инициативы (92,71 %) ¹.

Уголовно-процессуальным законом не урегулирован вопрос о том, вправе ли судья в одном судебном заседании рассматривать материалы об избрании либо о продлении срока содержания под стражей лиц, обвиняемых в преступлениях, совершенных в соучастии. В практической деятельности среди судей нет единого подхода к решению указанной проблемы, что также подтверждается результатами проведенного автором исследования анкетирования судей, прокуроров и адвокатов. Так, одни судьи по аналогии с нормой о соединении судом различных уголовных дел в одно производство (ст. 239.2 УПК РФ) рассматривают указанные материалы в одном заседании, при этом без вынесения отдельного постановления о соединении материалов в одно производство. Примечательно, что большинство опрошенных автором исследования судей (76,25%) рассматривают указанные материалы в одном производстве. Другие представители судебного корпуса по-прежнему отдельно исследуют указанные ходатайства следователей, однако данную практику подтвердило менее половины опрошенных судей (23,75%) ².

С одной стороны, в целях процессуальной экономии судье в силу большой загруженности удобно рассматривать такие ходатайства в одном судебном заседании.

С другой стороны, как уже ранее было отмечено, отечественным уголовно-процессуальным законом прямо не предусмотрена возможность соединения судом в одно производство материалов по обвинению фигурантов уголовного дела в преступлении, совершенном в соучастии. Но самая большая сложность состоит в

¹ См. приложение 3.

² См. приложение 3.

другом. Дело в том, что Европейский Суд по правам человека признает нарушением ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. принятие судами коллективных решений о продлении срока содержания под стражей без индивидуальной оценки личной ситуации каждого из обвиняемых¹. С учетом изложенного, автор настоящего исследования полагает, что верной представляется позиция судей, рассматривающих указанные ходатайства следователей в отдельных судебных заседаниях.

Тем не менее, несмотря на четко сформулированную позицию Европейского Суда по правам человека по данному вопросу, судьи при одновременном рассмотрении ходатайств различных обвиняемых по-прежнему допускают ошибки, связанные с отсутствием мотивированной оценки личной ситуации каждого обвиняемого.

Так, например, постановлением Головинского районного суда г. Москвы от 30.08.2019 М., Ж., Б. и П. продлен срок содержания под стражей на 1 месяц, а всего до 6 месяцев, то есть до 01.10.2019.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 19.09.2019 решение нижестоящего суда оставлено без изменения.

Суд кассационной инстанции по результатам проверки указанного материала отменил решения судов первой и второй инстанции, указав следующее. Следователь СО ОМВД России по району Левобережный г. Москвы обратился в суд с ходатайствами о продлении срока содержания под стражей четырех обвиняемых по уголовному делу. В представленных в суд ходатайствах следователем приводилось подробное описание личной ситуации каждого из обвиняемых с указанием конкретных фактических обстоятельств, имеющих важное значение для правильного разрешения вопроса о продлении срока

¹ См. п. 53 постановления ЕСПЧ от 9 октября 2012 г. по делу «Колунов против Российской Федерации» (жалоба № 26436/05) // Правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Верховный Суд Российской Федерации. Москва, 2013. С. 6.

содержания под стражей, а также суду предоставлялись специально сформированные материалы в отношении каждого обвиняемого¹.

Еще одной из проблем, заслуживающих внимания, является то, что некоторые следственные и иные процессуальные действия, необходимость проведения которых в будущем заложена в основу ходатайства органа предварительного расследования о продлении срока содержания под стражей, к моменту рассмотрения судом ранее поступившего ходатайства могут быть оказаны выполненными. Особенно это актуально для ситуации, при которой суд апелляционной инстанции отменяет решение суда первой инстанции о продлении срока содержания под стражей по процессуальным нарушениям и передает материал на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

И если на временной аспект вопроса о процессуальном сроке, до которого подлежит продлению срок содержания под стражей по результатам нового рассмотрения в суде первой инстанции ранее отмененного в апелляции материала в свое время обоснованно обратил внимание К.Б. Калиновский², когда суд первой инстанции при повторном рассмотрении материала вынужденно выходит за пределы доводов ходатайства следователя применительно к вопросу о процессуальном сроке, до которого продлевается действие существующей меры пресечения, потому что, во-первых, апелляционная инстанция, отменяя решение нижестоящего суда, как правило, сама продлевает на короткий временной период срок содержания под стражей обвиняемого. Во-вторых, физически к моменту нового рассмотрения ранее отмененного материала испрашиваемый следователем срок продления меры пресечения физически уже истек. Указанная проблема усугубляется еще и тем, что помимо необходимости повторно рассмотреть ранее отмененный материал о продлении срока содержания под стражей обвиняемого,

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2020 г. по делу № 77-143/2019 // Обзор судебной практики по пересмотру в 2020 году Вторым кассационным судом общей юрисдикции судебных решений, постановленных судами г. Москвы от 26 апреля 2021 г. № 12-16-2021/5732, подготовленный прокуратурой города Москвы. Документ официально опубликован не был.

² Калиновский К.Б. Нельзя продлевать срок содержания под стражей задним числом // Уголовный процесс. 2019. № 5. С. 9.

параллельно, а иногда и до повторного рассмотрения ранее отменного материала, суд первой инстанции по результатам нового самостоятельного рассмотрения ходатайства следователя продлевает срок содержания под стражей обвиняемого еще на более длительный срок.

Представляется, что в подобной ситуации суду первой инстанции в судебном заседании под протокол судебного заседания следует подробно выяснять у следователя или прокурора, какие конкретно следственные и иные процессуальные действия были фактически выполнены к моменту повторного рассмотрения ранее отмененного материала, для оценки законности и обоснованности рассматриваемого ходатайства, возможности применения иной, более мягкой меры пресечения, оставления обвиняемого на свободе.

Помимо значимых вопросов о сроке и фактически выполненных следственных действиях к моменту повторного рассмотрения ходатайства следователя, решение по которому было отменено в апелляции, действующее уголовно-процессуальное законодательство, допуская отмену судом апелляционной инстанции решения нижестоящего суда о продлении срока содержания под стражей с передачей материала на новое рассмотрение, создает еще одно трудноразрешимую проблему как теоретического, так и практического характера.

Так, к моменту повторного рассмотрения ходатайства следователя о продлении срока содержания обвиняемого под стражей судья, возможно, убедившись в необходимости принять решение об отмене или изменении существующей меры пресечения на более мягкую, оказывается фактически связанным решением другого судьи, который в отдельном судебном заседании уже продлил срок содержания под стражей обвиняемого по новому самостоятельному ходатайству следователя, что серьезно способно подвергнуть сомнению действие принципа независимости судей, закрепленного в ст. 8.1 УПК РФ. В подобной ситуации может возникнуть и риск уголовно-процессуальной конкуренции решений судов: об отмене или изменении меры пресечения и о ее продлении. На аналогичную проблему также было обращено внимание в юридической литературе

применительно к ситуации, при которой суд второй инстанции отменяет решение суда первой инстанции об отказе в аресте и избирает меру пресечения в виде заключения под стражу, а до этого ранее суд первой инстанции принимает решение о продлении срока действия домашнего ареста в отношении обвиняемого¹.

Представляется, что для минимизации таких трудноразрешимых противоречивых ситуаций, в правоприменительной деятельности суду апелляционной инстанции при отмене решения нижестоящего суда об отказе в избрании меры пресечения либо о продлении срока ее действия целесообразно самому принимать решение по существу заявленного ходатайства, без передачи материала на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в том числе и с целью соблюдения требований ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства.

Таким образом:

1. Публичные правовые интересы при применении судом мер уголовно-процессуального принуждения в ходе досудебных стадий процесса связаны с обеспечением нормального хода судопроизводства, заключающегося в поступательном движении уголовного дела по стадиям и беспрепятственном расследовании преступления.

Частные правовые интересы участников процесса со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого), а также иных лиц, чьи права и свободы также могут быть затронуты применением мер принуждения, связаны с неприменением или применением более мягкой меры уголовно-процессуального принуждения, что в большинстве случаев предполагает столкновение правовых интересов в досудебных стадиях процесса и необходимость нахождения судом разумного баланса между ними при рассмотрении вопроса о возможном выборе конкретной меры процессуального принуждения.

2. Процессуальная активность суда при разрешении ходатайств органов предварительного расследования о применении судом мер уголовно-

¹ Калиновский К.Б. Что учесть, если меру пресечения на стадии следствия избирает суд апелляционной инстанции // Уголовный процесс. 2021. № 1. С. 9.

процессуального принуждения не противоречит принципу состязательности и равноправия сторон, а, напротив, выступает значимой уголовно-процессуальной гарантией принятия судьей законного и обоснованного решения по результатам рассмотрения вопроса о возможном ограничении конституционных прав и свобод конкретной личности.

3. Проведение сравнительно-правового анализа прокурорского надзора и судебной проверки посредством последовательного использования трех критериев, предложенных автором: 1) субъектного; 2) процессуального и 3) информационного позволило автору исследования прийти к выводу, что применение мер уголовно-процессуального принуждения судом обладает рядом преимуществ перед любыми концептуально допустимыми формами разрешения указанного вопроса несудебными органами, например, прокурорской легитимацией мер уголовно-процессуального принуждения, известной в советский период развития уголовного процесса.

4. Целевой критерий применительно к вопросу о разграничении полномочий прокурора и судебной власти заключается в том, что суд должен применять меры уголовно-процессуального принуждения с целью своевременного и адекватного разрешения уголовно-процессуального конфликта, предполагающего активное противостояние частных и публичных правовых интересов, однако на более высоком уровне, нежели прокурорско-следственные органы: когда подлежат ограничению конституционные права и свободы личности в досудебном производстве.

5. Оперативное принятие судебного постановления также необходимо в тех случаях, когда реализация частных правовых интересов сопровождается злоупотреблением правом либо иным образом ставит под угрозу осуществление публичных правовых интересов, что, в свою очередь, повышает функциональную значимость суда в российском досудебном производстве, его ответственность за принятие законных и обоснованных решений при рассмотрении материалов досудебного производства, в том числе о применении мер уголовно-процессуального принуждения.

6. В связи с постепенным стиранием научно обоснованных граней между формами организации предварительного расследования (предварительным следствием и дознанием) в российском досудебном производстве возрастает роль суда при применении различных мер уголовно-процессуального принуждения и в ходе такой организации расследования, как дознание.

7. Применение судом меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, помимо классических задач обеспечения в будущем реального исполнения приговора в части гражданского иска, невозможности обвиняемому распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению, преследует социально значимую превентивную цель - предотвращение совершения обвиняемым новых преступлений в будущем, когда имущество, на которое накладывается арест, является средством совершения преступления, что особенно актуально для преступлений в области безопасности дорожного движения.

8. При рассмотрении судами ходатайств органов предварительного расследования о применении либо о продлении срока действия мер процессуального принуждения, в том числе мер процессуального пресечения, помимо проверки соблюдения процессуальных условий и процессуального порядка обращения в суд с указанными ходатайствами (полномочий следователя, соблюдения процессуальных сроков), судье необходимо особое внимание уделять существу заявленного ходатайства, его обоснованности, процессуальным основаниям, в них заложенным, которым давать мотивированную оценку в судебном постановлении.

Установление судом факта неэффективного проведения расследования при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока действия существующей меры пресечения может повлечь ее отмену или изменение на более мягкую.

9. Во многом от законности принятого судьей процессуального решения по результатам рассмотрения ходатайства органа предварительного расследования об избрании либо о продлении срока действия меры процессуального принуждения, в том числе меры пресечения с целью исключения возможности обвиняемому

скрыться от следствия и суда, исполнимости приговора суда с учетом ранее избранной меры пресечения, зависит дальнейшая юридическая судьба всего уголовного дела: как результаты предварительного расследования, так и предстоящего судебного разбирательства. Однако представляется, что нельзя однозначно говорить о том, что в результате отказа суда в заключении под стражу обвиняемого или продлении срока его действия последний обязательно скроется от правоохранительных органов, поскольку риск бегства обвиняемого в равной степени существует как в рамках действия другой меры пресечения, избранной впоследствии следователем (например, в практической деятельности чаще всего следственным органом в отношении обвиняемого избирается подписка о невыезде и надлежащем поведении), так и после избрания судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения, также связанной с лишением свободы, для применения которой необходимы достаточные правовые основания, как и при заключении лица под стражу (например, домашнего ареста).

10. Российским уголовно-процессуальным законом не урегулирован вопрос о том, вправе ли судья при поступлении самостоятельных ходатайств следователя об избрании или либо о продлении мер пресечения в отношении фигурантов уголовного дела, обвиняемых в совершении преступления в соучастии, соединить указанные материалы в одно производство и рассмотреть их в одном судебном заседании. Вместе с тем, для объективной и мотивированной оценки судом личной ситуации каждого из обвиняемых, с учетом прецедентной практики Европейского Суда по правам человека по данному вопросу, судье целесообразно не соединять указанные материалы в одно производство, а рассматривать их в отдельных самостоятельных судебных процессах.

11. С учетом того, что после поступления в суд ходатайства следователя о продлении мер пресечения, избираемых по решению суда, лицо, ведущее производство по уголовному делу, может выполнить некоторые следственные и иные процессуальные действия, указанные в ходатайстве о продлении срока действия мер пресечения, избираемых по решению суда, в том числе при отмене решения суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей в

апелляции и возврате материала на новое рассмотрение в суд первой инстанции, судьей в каждом случае, в том числе и при повторном рассмотрении материала, необходимо под протокол судебного заседания выяснять у участников процесса со стороны обвинения, выполнены ли какие-либо следственные действия, если да, то в каком объеме, для оценки законности и обоснованности рассматриваемого ходатайства.

12. В правоприменительной деятельности могут возникнуть трудноразрешимые ситуации, когда после отмены судом апелляционной инстанции решения нижестоящего суда о продлении срока действия существующей меры пресечения и передаче материала на новое рассмотрение в суд первой инстанции до повторного рассмотрения ходатайства следователя другим судьей, следователь может обратиться в суд с новым, самостоятельным ходатайством о продлении срока действия существующей меры пресечения еще на более длительные сроки, которое будет рассмотрено и удовлетворено. В такой ситуации ставится под сомнение принцип независимости судей, закрепленный в ст. 8.1 УПК РФ, в отношении судьи, который будет повторно рассматривать ходатайство следователя, решение по которому ранее было отменено в апелляции, при внутреннем убеждении последнего отменить или изменить существующую меру пресечения на более мягкую.

С целью минимизации таких непростых противоречивых ситуаций, при которых потенциально в правоприменительной деятельности может возникнуть риск уголовно-процессуальной конкуренции двух самостоятельных решений судов в отношении обвиняемого: об отмене или изменении существующей меры пресечения и о ее продлении, суду апелляционной инстанции при отмене решений суда первой инстанции об отказе в избрании меры пресечения либо продлении срока ее действия целесообразно самому принимать решение по существу заявленного ходатайства следователя, без передачи материала на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в том числе и с целью соблюдения требований ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства.

§ 2. Охрана частных и публичных правовых интересов при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ

Теоретические и практические вопросы применения ст. 125 УПК РФ вызывают непрекращающиеся многочисленные дискуссии среди ученых и правоприменителей¹.

Как справедливо заметила Е.В. Носкова, «столкновением публичных и частных интересов в сфере уголовного судопроизводства обусловлена необходимость особого вида контроля за деятельностью органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, со стороны независимого субъекта»².

В.А. Лазарева пишет, что «необходимость справедливого разрешения уголовно-правового конфликта является тем публичным интересом, который делает необходимым и оправданным законное ограничение прав и свобод человека (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ)»³.

В юридической литературе обоснованно указывается, что «сам факт судебного контроля за деятельностью государственных органов уголовного преследования, вторгающейся в сферу конституционных прав и свобод безотносительно к личности их конкретного обладателя, - это тоже защита публичного интереса, гарантия для всех обладателей таких прав»⁴.

Следует согласиться с О.И. Андреевой, которая справедливо отметила, что «закон должен содержать как формы контроля суда, так и возможность обжаловать действия (бездействие) должностных лиц, не соблюдающих запреты со стороны

¹ Виноградов В.А. Доказывание при производстве по жалобам на действия органов предварительного расследования // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 42-47; Хайдаров А.А. Рассмотрение жалоб в порядке статьи 125 УПК: обзор практики // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 48-51; Ярцев Р.В. Судебные ошибки при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 36-41; Качалова О.В. Коронавирус как основание для жалобы по статье 125 УПК // Уголовный процесс. 2020. № 6. С. 11.

² Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 3.

³ Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 110.

⁴ Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2016. С. 332.

участников процесса, чьи права и законные интересы нарушаются в результате несоблюдения обязанности»¹.

Прежде чем перейти к анализу конкретных проблем теории и практики анализируемой формы рассмотрения судом материалов в ходе различных этапов досудебного производства, необходимо определить, в чем заключаются частные и публичные правовые интересы при рассмотрении судами указанных жалоб?

Как пишет Э.С. Каминский, «рассматривая жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суд обеспечивает как частные интересы, защищая права и интересы участников уголовного судопроизводства, так и интересы публичные, которые заключаются в создании такого режима возбуждения уголовных дел и расследования преступлений, при котором своевременно, объективно и в предусмотренном законом порядке устанавливаются все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и при этом не нарушаются права и интересы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность»².

Полагаем, что публичные правовые интересы при рассмотрении судом жалоб состоят в справедливом и своевременном их разрешении в тех случаях, когда конституционным правам и свободам участников уголовного процесса может быть причинен ущерб либо затруднен доступ граждан к правосудию вследствие совершения действий и принятия процессуальных решений государственно-властными участниками уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения.

Частные правовые интересы участников уголовного процесса при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ связаны не только с

¹ Андреева О.И. Установление процессуальных обязанностей и запретов на осуществление определенной деятельности как гарантия ограничения свободы поведения должностных лиц государственных органов в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 125.

² Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021. С. 56.

признанием судом обжалуемого действия или решения незаконным, но и с последующим принятием органом предварительного расследования процессуального решения по материалу проверки или уголовного делу, прямо противоположного ранее принятому (например, в случае обжалования в суд процессуального решения об отказе в возбуждении дела будущими участниками процесса, как правило, со стороны обвинения - потерпевшими, фактическими пострадавшими, преследуется цель добиться вынесения органом предварительного расследования решения о возбуждении уголовного дела).

Так, например, В. 14.04.2018 обратился в следственный орган с заявлением о совершении в отношении него преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ. Заявителем 5 раз обжаловалось в порядке ст. 125 УПК РФ бездействие должностных лиц при поведении процессуальной проверки, поскольку по указанному материалу неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Производство по одной жалобе было прекращено, в удовлетворении остальных четырех жалоб отказано. При этом в период с 17.03.2020 до 27.06.2020 активных действий по установлению обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, органами предварительного расследования не предпринималось, что нашло свое отражение в частном постановлении Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18.09.2020 о необоснованно затянутых сроках проведения проверки сообщения о преступлении в соответствии с требованиями ст. 6.1 УПК РФ. Только 18.01.2021 следователем возбуждено уголовное дело в отношении неустановленного лица по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ. В последующем 23.02.2021 указанное уголовное дело прекращено в отношении К. по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ¹.

Приведем еще один пример, подтверждающий нашу позицию. Так, представители АО «ВТБ Лизинг» дважды обжаловали в порядке ст. 125 УПК РФ процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам

¹ Уголовное дело № 121024500380009 // Архив Черемушкинского межрайонного следственного отдела СУ по ЮЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве за 2021 г.

преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, при этом один раз суд оставил жалобу без удовлетворения в связи с отменой прокурором обжалованного решения, второй раз производство по жалобе было прекращено по аналогичной причине. Примечательно, что материал проверки поступил в отдел полиции 09.09.2019. По результатам проведенных дополнительных проверок следователем 22.03.2021 возбуждено уголовное дело в отношении неустановленного лица по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ¹.

В обзорах, подготовленных Президиумом Верховного Суда РФ и областными судами, особое внимание обращается на предмет и пределы судебной проверки при рассмотрении судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и ошибки, допускаемые судьями при их неверном разграничении². При этом основаниями для удовлетворения поданных жалоб нередко выступают неполнота процессуальных проверок, несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства при передаче сообщений о преступлениях по подследственности, не уведомление заявителей о принятом решении³.

Изучение практики судов апелляционной и кассационной инстанций позволило прийти к выводу, что неопределенность оценочных категорий, содержащихся в ст. 125 УПК РФ, и, как следствие, широкие дискреционные полномочия судьи при поступлении к нему жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, нередко создают препятствия в судебной защите прав и свобод, когда суды по надуманным основаниям отказывают в принятии жалобы к рассмотрению, возвращают ее либо необоснованно отказывают в удовлетворении поступившей жалобы.

Анализ положений ч. 2 ст. 46 Конституции о возможности обжаловать в суд действия и решения должностных лиц уголовного судопроизводства

¹ Уголовное дело № 12101450093000201 // Архив СО ОМВД России по району Теплый Стан г. Москвы за 2021 г.

² См. п. 52 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Обзор практики рассмотрения жалоб в порядке ст. 124, 125 УПК РФ на действия (бездействие) и решения следственных органов ГСУ СК России по г. Москве от 6 августа 2019 г. № 15-2-2019/136647, подготовленный прокуратурой города Москвы // Документ официально опубликован не был.

и ст. 123 УПК РФ, также гарантирующую свободу судебного обжалования, помог прийти к выводу, что появление в ст. 125 УПК РФ дополнительных оценочных и по сути доктринальных категорий, как «способность причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию»¹ противоречит свободе судебного обжалования, когда любое действие или решение государственно-властного органа может быть обжаловано в суд, если они, по мнению заявителя, затрагивают его права и законные интересы. Как отмечают О.В. Химичева и Д.В. Шаров: «...предоставление по общему правилу каждому лицу права подать жалобу на предпринятые в отношении него неправомерные процессуальные действия и решения вполне обоснованно. Однако другие нормы ограничивают это право применительно к той или иной процессуальной форме обжалования»².

Кроме того, даже сопоставление процессуального порядка рассмотрения жалоб руководителем следственного органа или прокурором, предусмотренного ст. 124 УПК РФ, и судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, наводит на мысль, что несудебный порядок обжалования обладает некоторыми преимуществами перед судебным по следующим причинам.

Во-первых, прокурор или руководитель следственного органа в любом случае обязаны дать мотивированный ответ на поступившую к ним жалобу, не могут ее вернуть, прекратить по ней производство, то есть уклониться от разрешения жалобы по существу.

Во-вторых, для подачи жалобы заявителем и ее последующего разрешения в порядке ст. 124 УПК РФ не требуется наличие дополнительных условий, сформулированных в виде оценочных категорий.

Периодически встречающиеся в науке уголовно-процессуального права предложения предусмотреть обязательное предварительное обращение с

¹ Черушева А.А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора // Законность. 2019. № 8. С. 59-62; Миргородская Э.Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский судья. 2021. № 3. С. 50-53.

² Химичева О.В., Шаров Д.В. О реализации свободы обжалования в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1. С. 102.

аналогичной жалобой в порядке ст. 124 УПК РФ¹ не выдерживают никакой критики в силу следующего:

1. В таком случае заявитель заведомо ограничен в способе защиты предполагаемого нарушенного права, в связи с чем обращение с жалобой в порядке ст. 124 УПК РФ будет носить вынужденный характер.

2. Жалобу в процессуальном порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ, будут рассматривать представители все той же обвинительной власти, действия или решения которой обжалуются заявителем.

Как пишет А.А. Тарасов, «в этой привычной для нас системе ответы на жалобы готовятся теми органами, действия и решения которых обжалуются, а доводы против довода заявителя представляют собою цитату из обжалуемого документа»².

3. Для рассмотрения жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ не характерны принципы состязательности и равноправия сторон, которые применимы при рассмотрении аналогичной жалобы судом. Несмотря на то, что в российском уголовном процессе следственная деятельность более не носит судебный характер, тем не менее, как справедливо отметил К.Б. Калиновский, применение к процессуальной деятельности суда по рассмотрению различных материалов в досудебном производстве, в том числе при разрешении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, процессуальных правил, характерных для производства в суде первой инстанции, «непосредственно вводит в инквизиционное по своей модели расследование принцип состязательности, обеспечивая право на судебную защиту»³.

4. Взгляд на судебную проверку в качестве субсидиарного способа защиты нарушенного права, которому предшествует процессуальный порядок рассмотрения жалобы руководителем следственного подразделения или

¹ Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 14.

² Тарасов А.А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 65.

³ Калиновский К.Б. УПК РФ: на что жалуемся // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 11.

прокурором, не имеет под собой каких-либо убедительных теоретических обоснований, поскольку ни следствие, ни прокуратура институционально не относятся к судебной власти, а поэтому указанное предложение не учитывает, что два самостоятельных порядка обжалования, предусмотренных ст. 124 УПК РФ и ст. 125 УПК РФ, не подчинены институциональной логике и являются самостоятельными и независимыми.

Например, в ч. 1 ст. 106 УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V в ходе досудебных стадий процесса обратиться в суд с жалобой к следственному судье вправе лицо, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются действием (бездействием) и принятым решением¹.

Ст. 132 УПК Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 также предусматривает возможность для участников процесса, а также для иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемыми действиями (бездействием) или решениями, обжаловать в суд действия и решения органов предварительного расследования и прокурора².

Схожее регулирование содержит и ст. 230 УПК Эстонской Республики, которая предоставляет участникам процесса возможность обжаловать в уездный суд действия следственного органа или прокуратуры, которыми были нарушены права автора жалобы³.

В юридической литературе обоснованно обращено внимание на то обстоятельство, что в силу многообразия правоприменительной практики

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.09.2021 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 31.08.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2021 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326 (дата обращения 31.08.2021).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.07.2021 г.) // URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения 31.08.2021).

предусмотреть в законе раз и навсегда исчерпывающий перечень действий и решений, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, невозможно¹.

Более того, ни в ст. 125 УПК РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1, посвященному судебной проверке в порядке ст. 125 УПК РФ², не содержится прямого указания на то, что в суд можно оспорить законность и обоснованность постановления о возбуждении уголовного дела в отношении неустановленного лица, постановление о передаче материалов проверки или уголовного дела по подследственности либо бездействие, связанное с неприятием указанных процессуальных решений, постановление о прекращении уголовного преследования в случаях, не подпадающих под действие ст. 125.1 УПК РФ.

В связи с чем диссертантом предлагается изложить содержание ч. 1 ст. 125 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Действия (бездействие) и решения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления либо по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело».

Представляется, что содержащиеся в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 запреты, адресованные судьям при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния, являются декларативными и заведомо неисполнимыми.

¹ Роговая С.А., Россинский С.Б. Предмет обжалования суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 48-52.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

На первый взгляд, указанные запреты во многом обусловлены недопустимостью предрешения при рассмотрении жалоб вопросов существа уголовного дела (доказанности или недоказанности предъявленного обвинения, правильности уголовно-правовой квалификации).

На формальный характер судебной проверки действий и решений участников процесса со стороны обвинения обращает внимание Т.В. Черемисина: «Следуя процессуальным нормам, судьи при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ оценивают законность и обоснованность заявления с формальной позиции. Для суда важен не столько текст жалобы и содержащиеся в нем доводы заявителя, а больше соблюдение следователем процессуальных норм при принятии обжалуемого решения и других требований закона»¹.

Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ², правосудие по своей сути предполагает проверку не только формальных условий и оснований для принятия того или иного решения, но и исследование юридически значимых обстоятельств, относящихся к фактической стороне дела, проверку обоснованности принятого решения, что разумно предполагает и оценку доказательств, полноты совершения следственных и иных процессуальных действий при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Применительно к рассматриваемой форме процессуальной деятельности суда в досудебном производстве Европейский Суд по правам человека также придерживается позиции, согласно которой российские суды при рассмотрении жалоб в рамках ст. 125 УПК РФ не должны ограничиваться оценкой только

¹ Черемисина Т.В. Актуальные проблемы судебного рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 5 июня 2019 года. С. 237-240.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 464-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Алексея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части пятой статьи 125 и части седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 г. № 2-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Абубекерова Рестема Исхаковича, Андреевой Алии Исхаковны и Андреева Юрия Николаевича на нарушение их конституционных прав положениями статей 29 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

законности принятых действий или решений, суды обязаны также исследовать их обоснованность¹.

Более того, даже в случае признания судом незаконными действий или решений участников процесса со стороны обвинения, угроза предрешения вопросов возможного будущего судебного разбирательства может быть минимизирована в связи со следующим:

1. Судебное решение, принятое в порядке ст. 125 УПК РФ, исходя из содержания ст. 90 УПК РФ, не имеет преюдициального значения для суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

2. В ст. 63 УПК РФ можно внести изменения, предусмотрев невозможность судьи, участвовавшего при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, рассматривать уголовное дело по существу в суде первой инстанции.

3. Необходимо также учитывать, что нередко в порядке ст. 125 УПК РФ обжалуются действия и решения должностных лиц уголовного судопроизводства, которые сами по себе исключают дальнейшее производство по уголовному делу (постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела), что в очередной раз подтверждает то, что далеко не каждое уголовное дело в последующем поступит в суд.

4. При усилении полномочий суда в ходе рассмотрения жалоб и большей практической распространенности указанного института на этапах досудебного производства, предшествующих направлению уголовного дела в суд, будет решаться значимая для всего уголовного процесса задача – исправление и предупреждение следственных ошибок, что можно будет оценивать только положительно. Эффективность судебной проверки, заключающаяся в использовании правоприменителем всего правозащитного потенциала института рассмотрения судом жалоб, способна реально снизить широкую практическую востребованность применения судами ст. 237 УПК РФ и тем самым предупредить

¹ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2018), подготовлен Верховным Судом РФ // СПС «КонсультантПлюс».

нарушение положений ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства.

Из содержания п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 следует, что в порядке ст. 125 УПК РФ невозможно оспорить действия и решения прокурора, осуществляющего надзорные полномочия, поскольку, по мнению высшей судебной инстанции Российского государства, указанные полномочия не связаны с осуществлением прокурором уголовного преследования.

Вместе с тем, анализ полномочия прокурора, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и содержания п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, регламентирующего специальный повод для возбуждения уголовного дела, которым является постановление прокурора, свидетельствует, что прокурор в ходе досудебного производства, хоть и в ограниченных пределах, но все же осуществляет уголовное преследование.

Более того, как верно отметил К.Б. Калиновский, границы между надзорными полномочиями прокурора и функцией уголовного преследования не столько прозрачны, так как надзорное полномочие прокурора по отмене процессуального решения органа предварительного расследования (например, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного преследования или уголовного дела), в свою очередь служит основанием для возобновления производства по делу и фактического продолжения уголовного преследования¹.

В юридической литературе справедливо обращено внимание на то, что «сам факт возобновления действий по поступившему заявлению либо возбужденному уголовному делу не является достаточным основанием для отказа в удовлетворении жалобы заявителя»². Т.В. Черемисина пишет о том, что «прокуроры с целью недопущения удовлетворения жалобы в судебном заседании представляют суду

¹ Калиновский К.Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 18-26.

² Качалов В.И., Качалова О.В. О некоторых вопросах влияния суда на досудебное производство по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 39-41.

постановление об отмене обжалуемого решения. В таком случае суд прекращает производство по материалу за отсутствием предмета обжалования»¹.

Согласно официальным данным судебной статистики, содержащимся на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние 3 года (2018-2020 гг.) число материалов, по которым производство по жалобам прекращается судами, остается стабильно высоким.

Так, в 2018 году из 119 775 оконченных производством материалов прекращено производство по 92 199 жалобам, что составило 76,80 % производств по жалобам², за 2019 год из 119 775 материалов производство по 92 199 жалобам прекращено, что составило 76,97 % материалов³; в 2020 году из 106 755 рассмотренных материалов по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ судами прекращено, отозвано, возвращено передано по подсудности 82 715 жалоб, то есть 77,48 % материалов⁴.

Следует отметить, что в ходе проведенного анкетирования практических работников⁵ на вопрос о том, «встречались ли в Вашей практике случаи, когда судья при установлении факта отмены обжалуемого решения прокурором либо руководителем следственного органа возвращал заявителю жалобу, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ, прекращал по ней производство либо отказывал

¹ Черемисина Т.В. Актуальные проблемы судебного рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 5 июня 2019 года. С. 237-240.

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 08.10.2021).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 08.10.2020).

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 08.10.2021).

⁵ См. приложение 3.

в удовлетворении жалобы» подавляющее большинство опрошенных ответило положительно, среди судей - 75,32 %, прокуроров - 69,84 %; адвокатов - 71,59 %.

Поэтому формальное неоднократное возобновление производства по материалу проверки или уголовному делу без проведения каких-либо следственных или процессуальных действий по выявлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания, может служить основанием для удовлетворения судом поданной жалобы¹.

Проиллюстрируем сказанное конкретными примерами. Так, Д. обратился с заявлением о преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 159 УПК РФ. Предметом судебной проверки в порядке ст. 125 УПК РФ стало, по мнению заявителя, бездействие начальника ОМВД, выразившееся в непроведении дополнительной проверки сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144-145 УПК РФ, что нарушает конституционные право заявителя на доступ к правосудию.

Как указано в постановлении Черемушкинского районного суда г. Москвы от 11.12.2019, которым жалоба заявителя удовлетворена², после вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 06.05.2019 по заявлению Д. в материале проверки отсутствует постановление прокурора от 01.06.2019 об отмене вышеуказанного процессуального решения, однако в представленном суду материале содержится аналогичное постановление прокурора от 01.12.2019 об отмене уже отмененного прокурором постановления от 06.05.2019³.

Другим примером неформального подхода суда к отмене прокурором процессуального решения о приостановлении уголовного дела может послужить удовлетворенная судом жалоба потерпевшего по уголовному делу, возбужденному 15.03.2018 по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст.

¹ Калиновский К.Б. Многократные отказы в возбуждении дела недопустимы // Уголовный процесс. 2019. № 6. С. 11.

² Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 11 декабря 2019 г. по делу № 3/12-0243/2019 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

³ Там же.

158 УК РФ¹. Удовлетворяя жалобу потерпевшего на бездействие следственного органа, суд указал следующее. Только 20.07.2019, после обращения потерпевшего М. в суд с настоящей жалобой, постановлением прокурора процессуальное решение следователя о приостановлении предварительного следствия от 14.09.2018 отменено, и дано повторное указание выполнить следственные и процессуальные действия, указанные в постановлении прокурора от 14.08.2018².

В свете рассматриваемой проблематики примечательно и то, что отказ правоохранительного органа по заслуживающему доверия утверждению заявителя о совершенном в отношении него преступлении с точки зрения Европейского Суда по правам человека приравнивается к непроведению эффективного расследования. Как указано в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 24.07.2014 по делу «Ляпин против Российской Федерации», «вред от неисполнения следственными органами своей обязанности провести эффективное расследование не был заглажен судами Российской Федерации, которые проверяли их постановления в порядке ст. 125 УПК РФ»³.

В Определении Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О приведен пример из реальной судебной практики, на наш взгляд, требующий поддержки, когда суд первой инстанции отказал в удовлетворении жалобы на вынесенное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку ранее это решение было отменено прокурором в порядке надзора, однако признал незаконным бездействие должностных лиц органа внутренних дел при рассмотрении заявления о преступлении, длящееся более трех с половиной лет, и руководителю следственного органа предписал устранить допущенные нарушения⁴.

¹ Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 1 августа 2019 г. по делу № 3/12-0132/2019 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

² Там же.

³ Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2014 г. по делу «Ляпин (Lyarin) против Российской Федерации» (жалоба № 46956/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 6.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О "По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс.

Более того, ученые-процессуалисты полагают, что принятие участниками уголовного процесса со стороны обвинения каких-либо действий и решений по устранению допущенных нарушений закона не должно иметь для суда решающего значения. Так, например, Н.А. Быданцев выступает за императивное рассмотрение судом поданной жалобы, независимо от факта устранения нарушения закона со стороны органов предварительного расследования или прокурора после поступления жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ в адрес суда¹.

На основании ранее изложенного, диссертант предлагает внести следующие изменения в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1, изложив его в следующей редакции:

«8. В случае, если по поступившей в суд жалобе будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором или руководителем следственного органа, то судья выносит постановление о назначении судебного заседания, в подготовительной части которого ставит на обсуждение сторон вопрос о прекращении производства по жалобе. В случае, если автор жалобы возражает против прекращения производства по жалобе, в том числе ссылаясь на неэффективность проводимого расследования, формальный характер отмены прокурором либо руководителем следственного органа обжалуемого решения, фактическое бездействие органа предварительного расследования либо прокурора, а равно при несогласии заявителя с решением прокурора либо руководителя следственного органа, а также при частичном удовлетворении содержащихся в жалобе требований, жалоба, поданная в суд, подлежит рассмотрению в соответствии со ст. 125 УПК РФ»².

На наш взгляд, содержащееся в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 разъяснение о том, что в случае неисполнения следственными органами ранее вынесенного решения суда по жалобе, заявитель вправе повторно обратиться с жалобой на основании ст. 125 УПК РФ, а суд,

¹ Быданцев Н.А. Актуальные вопросы производства по судебному контролю в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 8-12.

² См. приложение № 2.

рассматривающий жалобу, вынести частное постановление, позволяет обнаружить проблему неполноты полномочий суда в ходе рассматриваемой формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, а также отсутствие в уголовно-процессуальном законе эффективного механизма исполнения решения суда.

Так, даже в случае удовлетворения жалобы, поданной в рамках ст. 125 УПК РФ, российский судья не только лишен возможности отменить обжалуемое решение, но и реально обеспечить исполнение ранее вынесенного им решения по жалобе. Н.А. Колоколов в одной из своих публикаций ставит под сомнение реальную исполнимость судебного решения о признании обжалуемого решения органа предварительного расследования незаконным без наделения суда самостоятельным полномочием по отмене решений органов досудебного производства¹. Идею наделения суда полномочием по отмене обжалуемого решения участников процесса со стороны обвинения при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ также поддерживают и другие современные исследователи².

Однако приведенная точка зрения о необходимости наделения суда полномочием по отмене обжалуемого решения, признанного им незаконным, в науке уголовно-процессуального права не является универсальной, что связано с ранее сформировавшейся практикой Конституционного Суда РФ о запрете суда при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ отменять обжалуемое процессуальное решение органа предварительного расследования, поскольку в таком случае суд, возобновляя расследование по своей инициативе, косвенно

¹ Колоколов Н.А. Жалобы на действия следователей и дознавателей. Отмены «отказных» судебных решений в практике ВС РФ // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 27-35.

² Логинов Н.А. Судебный контроль за реализацией права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законе России и иных государств-членов СНГ // Адвокатская практика. 2018. № 2. С. 47 - 53; Быданцев Н.А. Актуальные вопросы производства по судебному контролю в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 8-12.

участвует в процедуре уголовного преследования, в связи с чем может возникнуть сомнение в его беспристрастности¹.

Между тем, автор исследования полагает, что полномочие суда по отмене процессуального решения органа предварительного расследования при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ является необходимым по следующим причинам:

1. Отменяя незаконное процессуальное решение органов предварительного расследования, суд не вмешивается в процессуальную самостоятельность лица, осуществляющего досудебное производство, а лишь указывает ему на допущенные нарушения уголовно-процессуального законодательства при проведении проверки сообщения о преступлении или при расследовании уголовного дела;

2. Даже в случае признания обжалуемого решения незаконным в последующем у лица, осуществляющего досудебное производство, возникает обязанность устранить допущенные нарушения, после его отмены прокурором либо руководителем следственного органа, однако уровень восприятия характера допущенных нарушений у указанных должностных лиц со стороны обвинения не обладает такой степенью непосредственности как у суда при вынесении постановления по результатам рассмотрения жалобы, для чего прокурору и руководителю следственного органа для принятия постановления об отмене незаконного процессуального решения требуется дополнительное время;

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 2-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Абубекерова Рестема Исхаковича, Андреевой Алии Исхаковны и Андреева Юрия Николаевича на нарушение их конституционных прав положениями статей 29 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 1003-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синичкина Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 46, 47, 53, 58, 86, 125, 164, 168 и 270 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 551-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нестерова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 7, статьей 42 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

3. При нынешнем правовом регулировании возникает обоснованное сомнение в самостоятельности судебной власти, которая вправе признать обжалуемое действие незаконным, но не вправе его отменить;

4. При признании судом обжалуемого решения незаконным может сложиться нередкая для практики ситуация, когда постановление суда окажется фактически проигнорированным со стороны органов предварительного расследования, а в последующем без проведения повторной проверки либо дополнительного расследования будет принято процессуальное решение, аналогичное ранее отмененному.

На наш взгляд, между наличием у суда полномочия отменить обжалуемое решение при удовлетворении жалобы и потенциальной исполнимостью судебного решения есть взаимосвязь: если суд отменяет ранее принятое правоохранительным органом процессуальное решение, то это служит безусловным основанием для возобновления производства по материалу проверки или уголовному делу.

Так, например, п. 1 ч. 8 ст. 106 УПК Республики Казахстан наделяет правом следственного судью отменить процессуальное решение, признанное им незаконным¹.

П. 1 ч. 2 ст. 307 УПК Украины предоставляет следственному судье возможность отменять решения органов предварительного расследования или прокурора, а также принимать решение, содержащее обязательства совершить определенные действия².

В соответствии с ч. 5 ст. 142 УПК Республики Беларусь судья в случае удовлетворения жалобы вправе отменить обжалуемое постановление. В свою очередь, постановление суда об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении предварительного расследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.09.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 31.08.2021).

² Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 31.08.2021).

о прекращении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, является самостоятельным основанием для проведения дополнительной проверки, решение суда вступает в законную силу немедленно¹.

В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 231 УПК Эстонской Республики суд вправе отменить обжалованное постановление или приостановить обжалованное процессуальное действие полностью или частично и устранить нарушение прав².

Неким ориентиром для рассмотрения судом материалов по ст. 125 УПК РФ могут послужить и положения ч. 9 ст. 227 КАС РФ³, в соответствии с которыми в случае признания судом решения или действия (бездействия) незаконными орган или конкретное должностное лицо обязаны устранить допущенные нарушения и восстановить ранее нарушенные права, свободы и законные интересы способом, определенным судом, а также сообщить о принятых мерах в адрес суда в течение одного месяца со дня вступления решения в законную силу.

С учетом изложенного, автор исследования предлагает сформулировать п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ в следующей редакции:

«1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным, его отмене и обязанности должностного лица устранить допущенное нарушение».

Указанную инициативу поддержало менее половины опрошенных судей (42,97 %), незначительное число прокурорских работников (7,41 %), что, на наш взгляд, может быть связано со стремлением указанных практических работников придерживаться упомянутых ранее традиционных позиций Конституционного Суда РФ по данному вопросу, с представлением об ослаблении в таком случае

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения 31.08.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.07.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения 31.08.2021).

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // Российская газета. 2015. 11 марта. № 49.

полномочий ведомственного контроля и прокурорского надзора. Большая часть представителей адвокатуры поддержала указанное предложение по внесению изменений в законодательство (83,16 %), что может свидетельствовать о том, что адвокаты в большей степени, нежели их коллеги, верят в правозащитный потенциал, заложенный в институт рассмотрения судом жалоб на действия и решения органов, осуществляющих досудебное производство.

Е.В. Марковичева и П.М. Стольников пишут о том, что «...механизм исполнения следователем решения суда в УПК РФ не конкретизирован»¹.

Автор настоящего исследования полагает, что в связи с ограниченностью сроков предварительного расследования, необходимостью своевременного восстановления нарушенных прав и свобод, а главное с целью реальной исполнимости судебного решения, вынесенного по результатам рассмотрения жалобы, необходимо предусмотреть в УПК РФ дополнительный механизм путем введения в ст. 125 УПК РФ двух новых частей:

«8. Судебное решение, принятое по результатам рассмотрения жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, вступает в законную силу в день его вынесения, подлежит немедленному исполнению, однако может быть обжаловано сторонами в порядке, предусмотренном гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ».

«9. В течение месяца с момента вступления в законную силу постановления суда, которыми были признаны незаконными действия и (или) решения участников судопроизводства со стороны обвинения, соответствующие должностные лица должны сообщить о конкретных принятых мерах, направленных на устранение ранее выявленных нарушений закона, а в случае, если по результатам удовлетворения жалобы, поданной в порядке ч. 1 ст. 125 УПК РФ, судом было отменено обжалуемое решение - о результатах проведенной дополнительной проверки сообщения о преступлении либо дополнительного расследования уголовного дела».

¹ Марковичева Е.В., Стольников П.М. Защита прав участников процесса при осуществлении судебного контроля за процессуальным усмотрением следователя // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35. С. 108.

С идеей внесения в УПК РФ изменений, касающихся вступления в законную силу судебного решения, постановленного в рамках ст. 125 УПК РФ, в день вынесения и его немедленного исполнения, согласилось 43,62 % опрошенных судей, 85,21 % адвокатов и лишь 7,31 % прокуроров¹. Скептическое отношение со стороны судей к предложенной инициативе диссертанта можно объяснить опасением представителей судебского корпуса того, что сторона обвинения под любым предлогом будет искать причины для фактического неисполнения судебного решения до его проверки в вышестоящих судебных инстанциях. Низкий уровень поддержки со стороны прокуроров к предлагаемому изменению закона объясняется их стремлением в последующем добиться отмены судебного постановления о признании незаконными действий или решений органов досудебного производства. Адвокаты, в большинстве случаев представляющие интересы обвиняемых и потерпевших, напротив, заинтересованы в скорейшем восстановлении нарушенного права, поэтому большинство опрошенных адвокатов поддержали инициативу автора исследования.

Таким образом:

1. Публичные правовые интересы при рассмотрении судом жалоб состоят в справедливом и своевременном их разрешении в тех случаях, когда конституционным правам и свободам участников уголовного процесса может быть причинен ущерб либо затруднен доступ граждан к правосудию вследствие совершения действий и принятия процессуальных решений государственно-властными участниками уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения.

Частные правовые интересы участников уголовного процесса при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ связаны не только с признанием судом обжалуемого действия или решения незаконным, но и с последующим принятием органом предварительного расследования процессуального решения по материалу проверки или уголовного делу, прямо противоположного ранее принятому.

¹ См. приложение 3.

2. Вопрос о предмете судебной проверки является одним из самых дискуссионных не только среди ученых-процессуалистов, но и в судебной практике, поскольку наличие в ст. 125 УПК РФ таких оценочных, в большей степени научных и не определенных категорий, как «способность причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию» создает широкую свободу дискреционного усмотрения на стадии принятия судом жалобы к производству или при рассмотрении в судебном заседании, вследствие чего суды нередко в правоприменительной практике возвращают жалобы заявителям, прекращают производство по жалобам по надуманным основаниям, а иногда и вовсе необоснованно отказывают в удовлетворении поступившей жалобы, уклоняясь от проверки всех содержащихся в ней доводов. В связи с тем, что Конституция РФ (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), ст. 123 УПК РФ гарантируют свободу судебного обжалования, которая также характерна для процессуального порядка рассмотрения жалоб в рамках ст. 124 УПК РФ, и уголовно-процессуальное законодательство некоторых постсоветских государств (Республика Казахстан, Республика Украина, Эстонская Республика) содержит аналогичное регулирование, автором настоящего исследования предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, предусмотрев возможность для участников уголовного процесса и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются совершенным действием или принятым процессуальным решением участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, обжаловать последние в суд.

3. При целесообразности сохранения существующего законодательного запрета предрешения в рамках судебной проверки действий и решений государственно-властных участников досудебного производства вопросов существа уголовного дела, тем не менее, с учетом позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, суд в рамках процедуры, предусмотренной ст. 125 УПК РФ, не должен ограничиваться формальной проверкой соблюдения условий и оснований принятого решения или обжалованного действия. Для принятия правосудного решения необходимо

проверить не только законность обжалуемых действий и решений, но и их обоснованность, для чего суд при рассмотрении жалобы обязан исследовать все юридически значимые обстоятельства, относящиеся к фактической стороне дела, оценить доказательства, полноту проведенных мероприятий, дать оценку каждому доводу заявителя. Только при процессуальной активности суда реально могут быть восстановлены нарушенные права и свободы, поскольку независимый, беспристрастный арбитр в роли судьи с применением к процессуальной деятельности суда в досудебном производстве принципов состязательности и равноправия сторон способен в силу волеизъявления заинтересованных лиц, а не по собственной инициативе, оперативно отреагировать на допущенные нарушения закона.

Минимизировать угрозу предрешиения вопросов существа уголовного дела в случае его последующего поступления в суд первой инстанции возможно за счет установления в ст. 63 УПК РФ запрета участия судьи в рассмотрении уголовного дела по существу, если ранее он рассматривал жалобу по данному уголовному делу в порядке ст. 125 УПК РФ.

Кроме того, судебное решение, принятое по результатам рассмотрения жалобы на основании ст. 125 УПК РФ, не имеет преюдициального значения для суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

4. Институт судебной проверки действий и решений государственно-властных участников досудебного производства в порядке ст. 125 УПК РФ, имея огромный правозащитный потенциал, опосредованно, но все же потенциально способен выполнять значимую для всего уголовного судопроизводства задачу - своевременное выявление, устранение и предупреждение следственных ошибок еще в ходе досудебных стадий процесса, предшествующих направлению уголовного дела в суд, что не только в полной мере будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), но и осуществлению уголовного правосудия в разумный срок, что следует только приветствовать и в будущем оценивать положительно.

5. В результате анализа судебной практики, уголовно-процессуального законодательства некоторых постсоветских государств (Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Украина, Эстонская Республика) установлено, что между правомочием суда в случае удовлетворения жалобы о признании обжалуемого действия или решения незаконным и последующей потенциальной исполнимостью судебного решения есть прямая взаимосвязь: чем меньше у суда в наличии процессуальных инструментов в случае удовлетворения жалобы, как в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве, тем меньше шансов, что вынесенное судебное решение окажется реально исполнимым.

§ 3. Обеспечение частных и публичных правовых интересов при даче судом разрешения на проведение процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан

Теоретические и правоприменительные аспекты деятельности суда при даче органам предварительного расследования разрешения на производство процессуальных действий, в том числе и следственных, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, являются предметом постоянных дискуссий среди ученых и практиков¹.

Прежде всего, необходимо определить содержание правовых интересов в ходе анализируемой формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, а также раскрыть связь частных и публичных правовых интересов с процессуальной деятельностью суда в ходе судебного санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

¹ Курченко В.Н. Основные ошибки судей при рассмотрении ходатайств о производстве обыска и выемки // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 54-61; Курченко В.Н. Судебный контроль за производством обыска с изъятием компьютерной информации // Уголовный процесс. 2017. № 8. С. 41-47; Хайдаров А.А. Прослушивание телефонных переговоров и получение информации о соединениях: спорные вопросы на практике // Уголовный процесс. 2017. № 8. С. 34-40; Шалумов М.С., Маркина Е.А. Следственные действия по решению суда: новое постановление Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2017. № 8. С. 28-33.

В наши дни преступления все чаще стали совершаться дистанционным способом: посредством использования Интернета, различных мессенджеров, иными способами при помощи виртуального пространства и т.д.

Для эффективного обеспечения публичных правовых интересов, связанных с объективным установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам, лицу, осуществляющему досудебное производство, нередко требуется проводить следственные (процессуальные) действия и (или) получать в компетентных учреждениях сведения, содержащие охраняемую законом тайну, для чего требуется судебное решение.

Как пишет О.И. Андреева, «если вмешательство в частную жизнь носит принудительный характер для участника уголовного процесса, то обязательным представляется наличием судебного решения»¹.

В юридической литературе справедливо обращено внимание на то, что производство следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, подчинено интересам доказывания², то есть публичным правовым интересам.

Как указывают некоторые авторы, в результате нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных при производстве следственных действий, «справедливое решение по делу и назначение уголовного судопроизводства, а в конечном итоге и правосудия так и не будут достигнуты»³.

Частные правовые интересы участников процесса при рассматриваемой форме рассмотрения судом материалов в досудебном производстве связаны с проведением следственных (процессуальных) действий в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими их проведение, а при их нарушении - на последующее признание судом

¹ Андреева О.И. О предотвращении произвольного вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан в ходе уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 2. С. 24.

² Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. – М.: Проспект, 2018. С. 80.

³ Тарасов А.А., Галимов Э.Р. Проблемы правовой регламентации производства отдельных следственных действий // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества: сборник материалов I Национальной научно-практической конференции. Феодосия, 2019. С. 232.

произведенного следственного (процессуального) действия незаконным, то есть оспариванием результатов доказательственного значения проведенных следственных (процессуальных) действий.

В соответствии с официальными статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние 3 года (2018-2020 гг.)¹ наиболее востребованными следственными действиями, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, для проведения которых следователи обращаются с ходатайствами в суды являются следующие:

1) о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в 2020 году поступило 313 500 материалов, что составило 47,47 % от общего числа заявленных в порядке ч. 2 ст. 164 УПК РФ ходатайств (660 287);

2) о производстве обыска и (или) выемки в жилище, за 2020 год следователи обращались с данным ходатайством в суды 130 988 раз, то есть в 19,83 % случаев;

3) о производстве выемки предметов и документов, содержащих банковскую тайну, в 2020 году ходатайство о проведении данного следственного действия направлялось в 53 661 случае (8,12 % от общего числа поступивших материалов органов предварительного расследования);

4) о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, за 2020 год поступило 51 961 ходатайство следователей, что составило 7,56 % от общего числа поступивших материалов досудебного производства о проведении следственных действий по решению суда;

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 08.10.2021); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 08.10.2021); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 08.10.2021).

5) о контроле и записи телефонных и иных переговоров, в 2020 году следователи направили в суды 33 939 ходатайств о производстве данного следственного действия, то есть в 5,14 % случаев.

Примечательно, что среди ученых-процессуалистов отсутствует единство в вопросе о правовой природе деятельности суда при даче разрешения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Так, например, Д.О. Серебров указывает, что «судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности, - самостоятельная форма текущего судебного контроля на досудебном этапе уголовного судопроизводства»¹. Напротив, Э.А. Адильшаев отождествляет судебную проверку с процессуальной деятельностью суда по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Что касается направления деятельности суда, регламентированного ст. 165 УПК РФ, автор пишет о судебном санкционировании, под которым понимает «особый вид уголовно-процессуального санкционирования, который заключается в деятельности суда по принятию решений (даче санкций) о применении отдельных мер процессуального принуждения и проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права человека (в том числе о применении меры пресечения для возможной экстрадиции лица), и осуществляется в целях охраны прав и законных интересов личности и обеспечения законности и обоснованности действий и решений, их затрагивающих»².

Тем не менее, большинство ученых-процессуалистов придерживается позиции, что рассмотрение судом материалов в рамках ст. 165 УПК РФ олицетворяет собой текущую процессуальную деятельность суда, сущность которой состоит в судебной проверке законности ходатайств, действий и решений участников процесса со стороны обвинения, связанных с производством

¹ Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 11.

² Адильшаев Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 8-9.

следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, которая может быть по времени ее осуществления как предварительной, так и последующей¹.

В уголовно-процессуальной науке встречаются диаметрально противоположные точки зрения на эффективность процессуальной деятельности суда при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования о проведении следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свобод граждан:

- Первая группа ученых в целом положительно оценивает современное состояние правообеспечительной деятельности суда в указанной сфере правовых отношений, выступая за расширение числа следственных действий, по которым необходимо судебное санкционирование с целью надлежащей охраны, защиты и восстановления конституционных прав граждан²;

- Вторая группа исследователей, отмечая недостатки правоприменительной практики при осуществлении судебной проверки законности ходатайств о производстве следственных действий, а также существенное ограничение процессуальной самостоятельности следователя со стороны суда, предлагает отказаться от предварительной формы текущей процессуальной деятельности суда по заблаговременному рассмотрению ходатайств следователей. По замыслу сторонников указанной мысли в случае нарушения конституционных прав и свобод граждане будут не лишены возможности обжаловать незаконные, по их мнению, действия или решения следователя в суд³.

¹ Устимов М.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования: дис. ...канд. юрид. наук. Саранск, 1999. С. 123-148; Никифорова Х.П. К вопросу о законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (78). С. 120-125; Умярова Р.Р. Особенности предмета судебного контроля, реализуемого в соответствии со статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 40-44.

² Кобзарев Ф.М., Орлов А.О. К вопросу о совершенствовании правового регулирования следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 66-69.

³ Овчинников Ю.Г. Эффективность судебного контроля за следственными действиями, ограничивающими конституционные права граждан: теоретический и практический взгляд на

Автор исследования является сторонником первой точки зрения, поскольку осуществление судом полномочий по рассмотрению материалов в порядке ст. 165 УПК РФ лишь при инициировании вопроса о законности проведенного следственного действия со стороны заинтересованных лиц, явно не соответствует идеям оперативной судебной проверки и осуществлению уголовного правосудия в ходе досудебных стадий в разумный срок.

Кроме того, аргумент сторонников минимизации участия суда в ходе рассмотрения материалов о производстве следственных действий в досудебном производстве о том, что при отказе от предварительной формы текущей процессуальной деятельности суда, предусмотренной ст. 165 УПК РФ, повысится состязательность процесса, является, на наш взгляд, слабым¹. Напротив, отсутствие предварительной или последующей судебной проверки законности проведенного следственного действия независимым и беспристрастным судебным органом после официального обращения в адрес суда стороны обвинения при отсутствии жалоб граждан, способно крайне ограничить состязательность процесса в ходе его досудебных стадий, что существенным образом несет большой риск неоправданного умаления конституционных прав и свобод конкретных лиц.

Кроме того, анализ судебной практики судов областного уровня и кассационных судов общей юрисдикции за 2019, 2020 и 2021 годы показал, что органами предварительного расследования и судами нередко нарушаются требования уголовно-процессуального закона при рассмотрении материалов о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, как в рамках предварительной формы текущей процессуальной деятельности суда, так и после уведомления следователем суда и прокурора о проведении следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. Под угрозой нарушения оказываются также и иные конституционные права и свободы граждан, связанные с результатами проведенных следственных действий, однако

проблему // Российский судья. 2019. № 5. С. 13-17; Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225-235.

¹ Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 13-17.

при таких условиях защита нарушенного права осуществляется путем подачи жалобы, последующее судебное рассмотрение которой происходит в порядке ст. 125 УПК РФ.

Представляется, что критериями для разграничения форм обжалования заинтересованными лицами действий и решений следователя, а также судебных решений, вынесенных по результатам проверки судами законности и обоснованности следственных действий, проведенных в неотложных случаях без судебного решения, являются следующие:

1. Когда подлежит обжалованию не само следственное действие, требующее судебного санкционирования, а проведенное в ходе его производства иное следственное действие, не требующее судебного решения, в таком случае реализуется процессуальный порядок, предусмотренный ст. 125 УПК РФ.

Так, например, Ф. обратился в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, мотивируя свои требования тем, что в ходе проведения обыска следователем СЧ СУ МВД по Республике Крым незаконно был проведен его личный обыск. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении жалобы Ф. В последующем вышестоящая судебная инстанция отменила указанное постановление суда, передав материал на новое рассмотрение в суд первой инстанции. По результатам повторного рассмотрения Киевский районный суд г. Симферополя от 08.07.2020 жалобу заявителя удовлетворил. По результатам рассмотрения апелляционного представления прокуратуры судом апелляционной инстанции 20.08.2020 постановленное решение суда первой инстанции оставлено без изменения. В дальнейшем суд кассационной инстанции 15.02.2021 отменил апелляционное определение, передав материал на новое апелляционное рассмотрение¹. В ходе нового рассмотрения суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции о незаконности проведенного личного обыска Ф. по мотиву несоблюдения следователем требований ч. 5 ст. 165 УПК РФ, указав, что на основании ч. 2 ст. 184 УПК РФ следователь вправе подвергнуть личному обыску

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2021 г. по делу № 77-292/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

любое лицо, которое находится в помещении или ином месте, где производится обыск. Однако в связи с тем, что следователь не представил доказательств причастности Ф. к совершенному преступлению и обоснование того, почему он пришел к выводу о том, что при нем находятся предметы и документы, имеющие отношение к совершенному преступлению, суд апелляционной инстанции признал проведение личного обыска незаконным¹.

При аналогичных обстоятельствах, указанных выше, суд удовлетворил жалобу Ф., поданную в порядке ст. 125 УПК РФ на действия следователя, связанные с проведением основного обыска по уголовному делу. Как указано в судебном постановлении, «при проведении обыска в офисном помещении юридического лица А. у представителя Ф., который не являлся ни подозреваемым, ни обвиняемым в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, из рук Ф. изъят мобильный телефон марки «Айфон 11», используемый им в личных целях. При этом, в нарушение требований ст. 182, 184 УПК РФ, следователь не представил достаточных сведений, дающих основание полагать, что изъятый объект содержит данные, имеющие значение для расследуемого уголовного дела, фактически произвел личный обыск, не обосновав необходимости указанного следственного действия»².

2. Кроме того, в порядке ст. 125 УПК РФ можно обжаловать действия должностного лица, непосредственно связанные с предполагаемым нарушением конституционных прав граждан, если заявитель не оспаривает сами результаты следственного действия, его законность и обоснованность (например, законность либо незаконность удержания денежных средств, изъятых в ходе обыска и признанных в последующем вещественным доказательством при условии, что лицом не обжалуется законность вынесения постановления о производстве обыска

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 6 апреля 2021 г. по делу № 22-915/2021 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://vs.krm.sudrf.ru/> (дата обращения 09.05.2021).

² Постановление Преображенского районного суда г. Москвы от 30 ноября 2020 г. по делу № 3/12-0519.2020 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения 09.05.2021).

в жилище в случаях, не терпящих отлагательства, и законность действий должностных лиц при его проведении¹).

Д.М. Нурбаев также пишет о том, что «в рамках судебного контроля можно обжаловать какие-либо действия следователя, совершаемые при проведении следственного действия, но не результаты следственного действия в целом»².

3. В тех случаях, когда заявитель полагает, что следственное действие, ограничивающее конституционные права и свободы гражданина (например, обыск в жилище), было произведено без предварительного разрешения суда, а также без последующего уведомления суда о проведенном следственном действии, в таком случае заинтересованное лицо вправе обжаловать действия по проведению следственного действия в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку возможное нарушение уголовно-процессуального законодательства при указанных обстоятельствах способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства³. Справедливость указанной позиции объясняется тем, что если суд не был уведомлен следователем о проведенном следственном действии в случае, не терпящем отлагательства, то и суд не выносит никакого постановления, так как лишен возможности оценить законность проведенного следственного действия, поэтому в порядке ст. 165 УПК РФ обжалование принятого решения само по себе беспредметно ввиду отсутствия постановленного судебного решения.

4. В остальных случаях, как правило, оценка законности проведенного следственного действия без предварительного судебного санкционирования производится судом в порядке ст. 165 УПК РФ, что далее будет раскрыто более подробно.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 сентября 2020 г. по делу № 10-17956/2020 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения 09.05.2021).

² Нурбаев Д.М. Некоторые аспекты судебного контроля за законностью проведения следственных действий // Омские научные чтения. Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, 30 ноября - 5 декабря 2020 года. С. 228-234.

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2020 г. по делу № 77-200/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Что касается предварительной формы текущей процессуальной деятельности суда, то полагаем, что соответствующее судебное заседание по вопросу о даче судом разрешения на производство именно следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, должно происходить в закрытом судебном заседании, поскольку гипотетическое участие в судебном заседании лица, чьи права потенциально могут будут ограничены, или его представителя, защитника, а также иных слушателей, участниками процесса не являющихся, способно привести к разглашению охраняемой законом тайны предварительного расследования (п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). К сожалению, в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 об этом ничего не сказано¹.

Однако в Определении Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 № 124-О высказана позиция о закрытой, конфиденциальной судебной процедуре при рассмотрении судом ходатайства следователя о даче разрешения на проведение следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан². А.В. Гриненко также полагает, что «объявлять открытое судебное заседание в таких случаях явно противоречило бы назначению и смыслу уголовного судопроизводства»³.

В ходе проведенного анкетирования практических работников на вопрос «считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного проведения закрытого судебного заседания по вопросу о даче судом разрешения на производство следственного действия, ограничивающего

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

³ Гриненко А.В. Судебное решение о производстве следственных действий в порядке статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: теоретические и правоприменительные аспекты // Мировой судья. 2017. № 12. С. 25-30.

конституционные права и свободы граждан» положительно ответило 87,31 % опрошенных судей, 97,60 % прокуроров, 34,82 % адвокатов¹.

Анализ практики судов апелляционной и кассационной инстанции показал, что при проверке законности решений, принятых судами в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, нарушения, допущенные нижестоящими судами в концептуальном плане можно классифицировать на 2 группы:

1. Формальные (процессуальные) нарушения, в основном, связанные с неизвещением о дате и времени предстоящего судебного заседания заинтересованных лиц².

Полагаем, что содержание нынешней ч. 3 ст. 165 УПК РФ о праве участия прокурора, следователя и дознавателя в соответствующем судебном заседании ориентирует судей на неверное представление о диспозитивном участии указанных должностных лиц в рассмотрении ходатайства следователя.

В.А. Лазарева также отмечает, что «отсутствие указания на обязательность участия в судебном заседании должностных лиц, заявивших ходатайство (ч. 3 ст. 165 УПК РФ), не стимулирует ни доказательственную деятельность стороны обвинения, ни контрольную - судьи»³.

Однако ведомственные нормативные правовые акты⁴ исходят именно из обязанности участия прокурора в таком судебном заседании, возлагая на последнего обязанность заблаговременно и тщательно изучать материалы, обосновывающие ходатайство следователя.

¹ См. приложение 3.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 февраля 2021 г. по делу № 2-2223/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 февраля 2021 г. по делу № 10-2688/2021// СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 марта 2021 г. по делу № 2-2691/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 марта 2021 г. по делу № 10-2230/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 154-155.

⁴ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 "Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия" // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, на необходимость надлежащего извещения иных заинтересованных лиц, помимо следователя и прокурора, о будущем заседании указано в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда от 01.06.2017 № 19.

В связи с чем автор исследования предлагает внести изменение в уголовно-процессуальное законодательство, изложив содержание ч. 3 ст. 165 УПК РФ в следующей редакции:

«3. В судебном заседании участвуют прокурор, следователь и дознаватель, которые заблаговременно извещаются о дате и времени судебного заседания».

С позицией о необходимости закрепления в законе обязательного участия прокурора, следователя и дознавателя при рассмотрении ходатайства следственного органа о даче судом разрешения на проведение следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, согласилось 85 % опрошенных судей, 92,37 % прокуроров и 67,45 % адвокатов¹.

2. Сущностные (материальные) нарушения, связанные с неправильной или неполной оценкой судом результатов проведенного следственного действия по существу.

Так, суд апелляционной инстанции по одному из уголовных дел, отменяя решение нижестоящего суда, который признал законным проведение следователем обыска в случае, не терпящем отлагательства, указал следующее. Сведений о разъяснении И., являющейся с момента возбуждения в отношении нее уголовного дела подозреваемой, иных прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, устанавливающей, помимо прочего, право пользоваться помощью переводчика бесплатно, ни в протоколе обыска, ни в иных документах, оформленных перед началом производства следственного действия, не имеется. Судом первой инстанции также не дано оценки самому факту безотлагательного проведения обыска в квартире по месту пребывания И. в ночное время, поскольку такого обоснования исключительности обстоятельств, при которых производство следственного действия не могло быть отложено, в постановлении следователя не содержится, и в судебном заседании следователь участия не принимал, в связи с

¹ См. приложение 3.

чем у суда не имелось возможности получить дополнительные пояснения. Как отметил суд второй инстанции, при сопоставлении документов видно, что суд пришел к выводу о признании законным обыска по одному адресу, в то время как в уведомлении следователь сообщал о проведении обыска совершенно по иному адресу.

Как указала проверочная инстанция, в постановлении нижестоящего суда содержатся выводы, прямо противоречащие представленным материалам, а именно указание на производство обыска органами дознания, в то время как обыск был проведен следственным подразделением, а также утверждение о том, что по результатам проведенного обыска ничего не обнаружено и не изымалось¹.

На несовпадение адресов, где фактически производился обыск, в постановлении следователя и в последующем уведомлении суда, а также в судебном решении, обращено также внимание по другому материалу, ставшему предметом проверки Московского городского суда².

Примером существенных нарушений, допущенных нижестоящими судами при оценке законности проведенных следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, может послужить определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 по делу № 77-44/2019, в котором суд кассационной инстанции указал следующее. В материале, представленном в суд первой инстанции, отсутствуют какие-либо данные, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, протоколы следственных действий, подтверждающие причастность Р. к совершенному разбойному нападению либо свидетельствующие о том, что в жилище могут находиться похищенные денежные средства и ценности, предметы одежды, оружие и боеприпасы, а также иные, имеющие значение для уголовного дела, предметы и документы. В постановлении следователя также отсутствуют сведения о причастности Р. к совершенному

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 августа 2020 г. по делу № 10-14139/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 9 ноября 2020 г. по делу № 10-186728/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

преступлению и обоснование, почему в его жилище могут находиться предметы и документы, имеющие отношение к совершенному преступлению¹.

Как справедливо указывают О.В. Качалова и В.И. Качалов, «...деятельность суда по установлению причастности лица к совершению преступления приобретает особо важное значение, поскольку именно суд должен исключить возможность осуществления действий, существенно затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы лиц, непричастных к преступлению»².

Таким образом, мы можем небезосновательно заметить, что помимо обоснования следователем необходимости производства самого следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, а также представления суду копий материалов уголовного дела, подтверждающих доводы органов предварительного расследования, на что ориентирует суды Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 01.06.2017 № 19, суд первой инстанции должен, как и при рассмотрении материалов в порядке ст. 105.1, 107, 108, 109 УПК РФ проверять обоснованность подозрения конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния, оценивать доказательства, подтверждающие причастность этого лица к совершению того или иного преступления. С данной позицией согласилось большинство опрошенных практических работников: 81,13 % судей, 76,39 % прокуроров, 93,24 % адвокатов³.

Что касается документального подтверждения обоснованности заявленного следователем ходатайства о производстве следственного действия в исключительных случаях, то следователь может быть лишен возможности представить копии ключевых процессуальных документов (постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого и т.д.). Это касается, например, ситуаций, связанных с необходимостью надлежащего

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 г. по делу № 77-44/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² Качалова О.В., Качалов В.И. Значение категории «обоснованность обвинения» в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 462. С. 221.

³ См. приложение 3.

исполнения российскими правоохранительными органами запросов о правовой помощи компетентных органов иностранных государств.

Так, например, постановлением Гагаринского районного суда г. Москвы от 15.11.2019 ходатайство о производстве выемки предметов и документов в Московском банке в рамках исполнения поручения Советского районного отдела г. Минска СК Республики Беларусь об оказании правовой помощи по уголовному делу возвращено дознавателю ОД УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве. В последующем на указанное решение внесено кассационное представление заместителя прокурора г. Москвы. Отменяя решение суда первой инстанции, суд кассационной инстанции указал следующее. Возвращая постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве выемки предметов и документов в Московском банке суд первой инстанции сослался на отсутствие в представленном материале постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству следователем, а также отсутствие ссылки на доказательства, составляющие фактическое основание производства выемки. Вместе с тем, из судебного материала усматривается, что суду представлено поручение об оказании правовой помощи, в котором указано наименование органа, от которого исходит запрос, наименование и место нахождения органа, в который направляется запрос, наименование уголовного дела и характер запроса, изложены обстоятельства, подлежащие выяснению, указанное поручение подписано должностным лицом его направляющим и удостоверено гербовой печатью. Суду предоставлены сведения, предусмотренные ст. 454 УПК РФ, а также ст. 7 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в Минске 22.01.1993 года. Предоставление суду иных материалов и доказательств уголовно-процессуальным законодательством и вышеуказанной Конвенцией не предусмотрено¹.

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2020 г. по делу № 77-874/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

На непоследовательность законодателя, связанную с включением наложения ареста на имущество в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, не раз обращалось внимание практических работников и ученых-процессуалистов¹. В этом смысле не выдерживает критики судебная практика, при которой суды признают законным произведенное следователем наложение ареста на имущество без судебного решения с последующем уведомлением суда², поскольку применение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в силу прямого указания закона допускается только по решению суда (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Таким образом:

1. Обеспечение публичных правовых интересов в досудебном производстве связано с объективным установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам, в связи с чем лицу, осуществляющему досудебное производство, нередко необходимо проводить следственные (процессуальные) действия и (или) получать в компетентных учреждениях сведения, содержащие охраняемую законом тайну, для чего требуется предварительно получить судебное решение.

Частные правовые интересы участников процесса при рассматриваемой форме рассмотрения судом материалов в досудебном производстве связаны с проведением следственных (процессуальных) действий в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими их проведение, а при их нарушении - на последующее признание судом произведенного следственного (процессуального) действия незаконным, то есть

¹ Наумов К.А. Новый шаг законодателя: повысится ли эффективность судебного контроля и прокурорского надзора // Законность. 2017. № 4. С. 41-44; Смирнова И.С. Применение положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», касающихся предварительного судебного контроля // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 3. С. 304-309.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 ноября 2020 г. по делу № 10-187013/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

оспариванием результатов доказательственного значения проведенных следственных (процессуальных) действий.

2. Деятельность суда по охране правовых интересов при даче согласия на производство следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, является эффективным средством против злоупотребления органами, осуществляющими досудебное производство, своими полномочиями, а также служит дополнительной гарантией соблюдения прав и свобод участников процесса.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предполагает, что лицо, чьи конституционные права и свободы были затронуты проведенным следственным (процессуальным) действием в случае, не терпящем отлагательства, имеет право в любом случае быть заслушанным судом независимо от наличия или отсутствия жалобы.

3. Критерием разграничения, позволяющим определить, в каком процессуальном порядке (в рамках ст. 125 УПК РФ или ст. 165 УПК РФ) будет рассматриваться жалоба заинтересованного лица на действия (бездействие) или решения следователя в результате проведенных по уголовному делу следственных действий, является законность проведения основного следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан.

В том случае, если подлежат обжалованию результаты проведенного следственного действия по существу: соблюдение процессуальной формы, наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения следственного действия, несоблюдение прав участников в ходе проведенного следственного действия, то подлежат применению положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В тех случаях, когда подлежат обжалованию результаты не основного, а производного с основным следственного действия или нарушение конституционных прав граждан, которые не связаны с оспариванием самих результатов следственного действия, его законности и обоснованности (например, невозврат следователем денежных средств, изъятых в ходе обыска и признанных в последующем вещественным доказательством), подлежит применению

процессуальный порядок, регламентированный ст. 125 УПК РФ. Также институт рассмотрения судом жалоб, предусмотренный ст. 125 УПК РФ, применим в тех ситуациях, когда заявитель полагает, что следователем не были соблюдены требования ст. 165 УПК РФ, связанные как с предварительным получением решения суда на производство конкретного следственного действия, так и с последующем неуведомлением суда.

В остальных случаях, как правило, оценка законности проведенного следственного действия без предварительного судебного санкционирования производится судом в порядке ст. 165 УПК РФ.

4. Судебное санкционирование следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, подчинено публичным правовым интересам беспристрастного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. С учетом функциональной направленности следственных действий на собирание доказательств и их последующее использование в процессе доказывания, предварительное получение разрешения суда на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права, связано с процессуальной ситуацией по делу, когда ходатайство следователя нередко носит вероятностный характер, преследует цель внезапности и оперативности, по этой причине предварительное получение следователем разрешения суда на производство следственного действия должно осуществляться в закрытом судебном заседании без участия подозреваемого, обвиняемого, их защитника и (или) законного представителя, что не лишает возможности заинтересованных участников процесса оспорить результаты проведенного следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ либо на основании ст. 125 УПК РФ в случае, если нарушены или могут быть нарушены конституционные права и свободы, не связанные непосредственно с оценкой законности и обоснованности проведения основного следственного действия.

5. При рассмотрении материалов в порядке ст. 165 УПК РФ в рамках предварительной или последующей форм текущей процессуальной деятельности суда в досудебном производстве суд оценивает не только наличие доказательств,

подтверждающих наличие достаточных оснований для производства следственного действия, соблюдение правил подсудности, процессуальные полномочия лица, обратившегося в суд с данным ходатайством, но и соблюдение прав, свобод и правовых интересов участников уголовного судопроизводства при проведении следственных действий (при последующей форме процессуальной деятельности суда), а также обоснованность подозрения в совершении преступления (как в ходе предварительной, так и в рамках последующей формы процессуальной деятельности суда).

Заключение

1. Правовые интересы - это социально детерминированные, обусловленные конкретно историческими условиями жизни общества, возникающие на основе потребностей как отдельных людей, социальных групп, неопределенного круга лиц, так и общества в целом внутренне осознаваемые участниками уголовного процесса морально-нравственные ориентиры их уголовно-процессуальной деятельности, реализуемые ее участниками самостоятельно и (или) при помощи действий их представителей, а также посредством реализации полномочий должностных лиц правоохранительных органов на различных стадиях процесса, направленные на достижение социально значимых результатов, воплощающиеся в целях и задачах уголовного судопроизводства, принципах уголовного процесса, субъективных правах, обязанностях его участников и полномочиях государственно-властных участников процесса.

2. Публичными правовыми интересами в уголовном судопроизводстве являются интересы правосудия в целом, которые совпадают с интересами общества и государства. В ходе стадий, предшествующих направлению уголовного дела в суд, публичные правовые интересы представляют собой интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства. Эффективная реализация публичных правовых интересов состоит в своевременном и справедливом разрешении уголовно-правовых конфликтов. Однако это не означает, что в досудебных стадиях российского уголовного процесса суд полностью отстранен от деятельности органов, осуществляющих досудебное производство, поскольку как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования в силу преимущественно принудительного характера уголовно-процессуальной деятельности конституционные права и свободы граждан нуждаются не только в соразмерном и адекватном ограничении, но и в постоянной защите от возможных нарушений, что предполагает высокую степень ответственности суда за обеспечение правовых интересов его участников при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве: в ходе

разрешения ходатайств органов предварительного расследования о применении мер уголовно-процессуального принуждения и производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, а также при рассмотрении жалоб участников процесса на действия (бездействие) должностных лиц правоохранительных органов.

3. Частные правовые интересы в досудебном производстве по уголовным делам обладают следующими признаками:

- они не затрагивают публичные правовые интересы;
- не исключены ситуации, при которых частные и публичные интересы совпадают, когда направленность частного интереса имеет потенциальные позитивные результаты для государства и общества в целом, в связи с чем частные интересы не индифферентны государству;
- их носителями являются лица, не обладающие государственно-властными полномочиями, в том числе по применению мер принуждения, производству следственных действий;
- в большей степени частные интересы характерны для участников процесса со стороны защиты (обвиняемого, подозреваемого), поскольку во многом принудительный характер уголовно-процессуальной деятельности в первую очередь затрагивает именно их интересы;
- носителями частных интересов могут быть не только участники процесса и их представители (например, по доверенности, законные представители, защитники), но и иные лица, в том числе и те, которые не будут являться участниками судебного разбирательства (например, собственники имущества, на которое судом наложен арест, залогодатели).

4. В настоящее время общемировой тенденцией является возрастание роли суда в ходе досудебного производства, связанное с расширением проверочных полномочий судебных органов применительно к деятельности органов предварительного расследования, в связи с чем рассмотрение судом различных материалов досудебного производства - это деятельность по осуществлению правосудия, целью которой является защита как прав и законных интересов

отдельных лиц (частных интересов), так и интересов государства и общества в целом (публичных интересов).

В наши дни все более отчетливо проявляется тенденция возрастания значимости процессуальной деятельности суда при рассмотрении различных материалов в российском досудебном производстве, поскольку реализация судом процессуальных полномочий в досудебных стадиях процесса не сводится исключительно к идее «отказоустойчивости», то есть деятельность суда в ходе досудебных стадий не является субсидиарной (дополнительной), поскольку в ходе досудебного производства создаются все необходимые условия для будущего судебного разбирательства, а потому суд не может быть полностью отстранен от деятельности органов предварительного расследования, он должен осуществлять проверку законности различных ходатайств, действий и решений стороны обвинения, при этом, не посягая на ее самостоятельность.

Суд активно участвует в досудебном производстве во время рассмотрения различных материалов (ходатайств и жалоб), осуществляя индивидуальное правовое регулирование при обеспечении правовых интересов в каждом конкретном случае.

5. Основа современного правового регулирования обеспечения судом правовых интересов при рассмотрении различных материалов в ходе досудебных стадий процесса была заложена судебной реформой 1864 года, что во многом было связано с появлением в отечественном уголовном процессе фигуры судебного следователя, когда следственная деятельность носила судебный характер.

Представляется, что нельзя говорить о том, что деятельность суда при рассмотрении материалов в досудебном производстве с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года на всех этапах исторического развития последовательно развивалась.

Точнее будет говорить об обеспечении судом правовых интересов при рассмотрении материалов в ходе досудебных стадий процесса в том или ином виде на разных этапах:

- с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года и до издания Декрета о Суде № 1 1917 года;

- с момента издания Декрета о Суде № 1 1917 года и до принятия УПК РСФСР 1922 г.;

- в период действия УПК РСФСР 1922 г.;

- в период действия УПК РСФСР 1923 г.;

- в период действия УПК РСФСР 1960 г.;

- в период действия УПК РФ 2001 г. по настоящее время.

Необходимо при этом отметить, что в советский период развития уголовного процесса отчетливо проявилась тенденция существенного ослабления полномочий суда в досудебном производстве по уголовным делам, что во многом было связано с утратой следствием судебного характера и дальнейшей «полицизацией» предварительного следствия.

Анализ правового регулирования обеспечения судом правовых интересов в досудебном производстве при рассмотрении различных материалов позволяет сделать вывод о том, что процессуальная деятельность суда в досудебных стадиях процесса осуществлялась судом в каждом из указанных выше временных периодов, однако в различном содержательном наполнении полномочий суда применительно к той или иной форме рассмотрения материалов досудебного производства.

Важное влияние на современное состояние процессуальной деятельности по рассмотрению различных материалов в досудебном производстве, связанное с существенным расширением полномочий суда в указанной сфере уголовно-процессуальных отношений, оказали авторы Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. и позиции Конституционного Суда РФ, в том числе по вопросам обжалования в суд действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, применении мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

6. Публичные правовые интересы при применении судом мер уголовно-процессуального принуждения в ходе досудебных стадий процесса связаны

с обеспечением нормального хода судопроизводства, заключающегося в поступательном движении уголовного дела по стадиям и беспрепятственном расследовании преступления.

Частные правовые интересы участников процесса со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого), а также иных лиц, чьи права и свободы также могут быть затронуты применением мер принуждения, связаны с неприменением или применением более мягкой меры уголовно-процессуального принуждения, что в большинстве случаев предполагает столкновение правовых интересов в досудебных стадиях процесса и необходимость нахождения судом разумного баланса между ними при рассмотрении вопроса о возможном выборе конкретной меры процессуального принуждения.

7. Публичные правовые интересы при рассмотрении судом жалоб состоят в справедливом и своевременном их разрешении в тех случаях, когда конституционным правам и свободам участников уголовного процесса может быть причинен ущерб либо затруднен доступ граждан к правосудию вследствие совершения действий и принятия процессуальных решений государственными участниками уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения.

Частные правовые интересы участников уголовного процесса при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ связаны не только с признанием судом обжалуемого действия или решения незаконным, но и с последующим принятием органом предварительного расследования процессуального решения по материалу проверки или уголовного делу, прямо противоположного ранее принятому.

8. Обеспечение публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам связано с объективным установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам, в связи с чем лицу, осуществляющему досудебное производство, нередко необходимо проводить следственные (процессуальные) действия и (или) получать в компетентных

учреждениях сведения, содержащие охраняемую законом тайну, для чего требуется предварительно получить судебное решение.

Частные правовые интересы участников процесса при даче судом разрешения на проведение следственных (процессуальных) действий связаны с проведением следственных (процессуальных) действий в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими их проведение, а при их нарушении - на последующее признание судьей произведенного следственного (процессуального) действия незаконным, то есть оспариванием результатов доказательственного значения проведенных следственных (процессуальных) действий.

9. Процессуальная деятельность суда по обеспечению правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства, в ходе которой суд при рассмотрении различных материалов досудебного производства осуществляет индивидуальное правовое регулирование в каждом конкретном случае, оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом: способствует соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, реализации назначения уголовного судопроизводства.

Предшествующая судебному производству деятельность государственно-властных участников процесса осуществляется, прежде всего для суда, а потому суд в ходе досудебных стадий российского уголовного судопроизводства становится одним из главных его участников, обеспечивающим необходимый баланс частных и публичных правовых интересов по уголовным делам.

10. Уголовно-процессуальное законодательство, определяющее обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства, имеет большой правозащитный потенциал, который в ходе правоприменительной практики судей зачастую остается неоправданно недооцененным. Для реальной и эффективной защиты правовых интересов участников досудебного производства необходимы не только изменения уголовно-процессуального законодательства, направленные на последовательное усиление полномочий суда в ходе досудебных стадий процесса, в том числе

сформулированные в настоящей работе, но и научное переосмысление правообеспечительной деятельности суда в ходе реализации правовых интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих при рассмотрении судом различных материалов досудебного производства. Теоретические подходы, разработанные и обоснованные в настоящем диссертационном исследовании, являются одной из первых попыток такого переосмысления.

Список литературы

I. Нормативные правовые акты

Нормативно-правовые акты, утратившие силу

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 11.07.2021).
2. Декрет о суде от 24 ноября 1917 года, принятый Советом Народных Комиссаров // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 02.10.2021).
3. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. —1922. — № 20 - 21. — Ст. 230.
4. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. — 1923. — № 7. — Ст. 106.
5. Закон РСФСР от 27 октября 1960 года (ред. от 16.01.1990) "Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" // Свод законов РСФСР. —1988. —Т. 8. — Ст. 613.

Действующие нормативно-правовые акты

6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. — 2020. — 4 июля. № 144 (8198).
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // Российская газета. — 2015. —11 марта. № 49.
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 "Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия" // СПС «КонсультантПлюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря г. 2001 № 174-ФЗ по состоянию на 01.07.2021 // Российская газета. — 2001. — 22 декабря. № 249.

10. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 "О Концепции судебной реформы в РСФСР" // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1435.

11. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1 // Российская газета. — 1995. — 25 ноября. № 229.

12. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2020. — 24 июля. № 162.

13. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 года № 567 "О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью" // СПС «КонсультантПлюс».

Зарубежное законодательство

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения 31.08.2021).

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.09.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 31.08.2021).

16. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326 (дата обращения 31.08.2021).

17. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2021 г.) //

[Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 31.08.2021).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.07.2021 г.) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения 31.08.2021).

Материалы судебной практики

19. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. по делу № 58-АПУ16-11 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 31 января 2018 г. по делу № 33-407/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 25 апреля 2017 г. по делу № 33-4782/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 6 апреля 2021 г. по делу № 22-915/2021 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://vs.krm.sudrf.ru/> (дата обращения 09.05.2021).

23. Апелляционное постановление Московского городского суда от 4 июня 2020 г. по делу № 10-9968/2020 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/8ca71412-e5a8-4b67-b62b-5ff5332c540f?caseNumber=10-9968/2020> (дата обращения 11.07.2021).

24. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 августа 2020 г. по делу № 10-14139/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 сентября 2020 г. по делу № 10-17956/2020 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения 09.05.2021).

26. Апелляционное постановление Московского городского суда от 9 ноября 2020 г. по делу № 10-186728/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 ноября 2020 г. по делу № 10-187013/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 февраля 2021 г. по делу № 2-2223/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 февраля 2021 г. по делу № 10-2688/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 марта 2021 г. по делу № 2-2691/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 марта 2021 г. по делу № 10-2230/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 мая 2021 г. по делу № 10-9275/2021 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

33. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2018), подготовлен Верховным Судом РФ // СПС «КонсультантПлюс».

34. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 г. по делу № 77-44/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2020 г. по делу № 77-143/2019 // Обзор судебной практики по пересмотру в 2020 году Вторым кассационным судом общей юрисдикции судебных решений, постановленных судами г. Москвы от 26 апреля 2021 г. № 12-16-2021/5732, подготовленный прокуратурой города Москвы. Документ официально опубликован не был.

37. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2020 г. по делу № 77-200/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2020 г. по делу № 77-874/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 464-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Алексея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части пятой статьи 125 и части седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 г. № 2-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Абубекерова Рестема Исхаковича, Андреевой Алии Исхаковны и Андреева Юрия Николаевича на нарушение их конституционных прав положениями статей 29 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Конституционного Суда РФ от 06 марта 2013 г. № 354-О "По жалобе гражданки Тришкиной Татьяны Петровны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 4 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 1003-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синичкина Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 46, 47, 53, 58, 86, 125, 164, 168 и 270 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»;

44. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2053-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Писарчука Константина Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьями 6 и 60 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

45. Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О "По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

46. Определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 551-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нестерова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 7, статьей 42 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

47. Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О "По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 5-О "По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

49. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 1980-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шестерова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 51, 125, 214 и 286 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2021 г. по делу № 77-292/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 26 июня 2003 г. по делу № А40-44258/00-52-436 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 1979 г. по делу «Шиссер против Швейцарии (Schiesser v. Switzerland)» (жалоба № 7710/76) // Руководство по применению статьи 5 Конвенции - Право на свободу и личную неприкосновенность. Совет Европы, Европейский Суд по правам человека. 2014. – 46 с.

53. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2012 г. по делу "Фабер (Faber) против Венгрии" (жалоба № 40721/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (27).

54. Постановление ЕСПЧ от 9 октября 2012 г. по делу «Колунов против Российской Федерации» (жалоба № 26436/05) // Правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Верховный Суд Российской Федерации. – Москва, 2013. – 78 с.

55. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2014 г. по делу «Ляпин (Lyapin) против Российской Федерации» (жалоба № 46956/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 6.

56. Постановление ЕСПЧ от 17 мая 2016 г. по делу «Бакрина против Российской Федерации» (жалоба № 46926/09) // СПС «КонсультантПлюс».

57. Постановление ЕСПЧ от 16 ноября 2021 г. по делу «Ковров и другие (Kovrov and Other) против Российской Федерации» (жалобы №№ 42296/09, 71805/11, 75089/13, 1327/16 и 14206/16) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-213227%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-213227%22]}) (дата обращения 13.12.2021).

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самигуллиной и А.А. Апанасенко" // СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия" // СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком" // СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова" // СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // СПС «КонсультантПлюс»

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В. Макеева" // СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П "По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Недвижимость-М", общества с ограниченной

ответственностью "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И. Костаревой" // СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко" // СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П "По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области" // СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других" // СПС «КонсультантПлюс».

68. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СПС «КонсультантПлюс».

69. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко" // СПС «КонсультантПлюс».

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П "По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова" // СПС «КонсультантПлюс».

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П "По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко" // СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

77. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью

первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление Преображенского районного суда г. Москвы от 30 ноября 2020 г. по делу № 3/12-0519.2020 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения 09.05.2021).

79. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 1 августа 2019 г. по делу № 3/12-0132/2019 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

80. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18 октября 2019 г. по делу № 3/6-510/19 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

81. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 11 декабря 2019 г. по делу № 3/12-0243/2019 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2019 г.

82. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 15 января 2020 г. по делу № 3/6-18/2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

83. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 24 апреля 2020 г. по делу № 3/1-280/18 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

84. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 24 апреля 2020 г. по делу № 3/2-0396.2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

85. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 10 июня 2020 г. по делу № 1-291/2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

86. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 18 июня 2020 г. по делу № 3/1-0233/2020 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2020 г.

87. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 30 марта 2021 г. по делу № 3/14-23/2021 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

88. Постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 2 июня 2021 г. по делу № 3/1-174/2021 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы за 2021 г.

Иные материалы

89. Обзор практики рассмотрения жалоб в порядке ст. 124, 125 УПК РФ на действия (бездействие) и решения следственных органов ГСУ СК России по г. Москве от 6 августа 2019 г. № 15-2-2019/136647, подготовленный прокуратурой города Москвы // Документ официально опубликован не был.

90. Информационное письмо прокуратуры города Москвы от 29 марта 2021 г. № 12-39-2021/3899 «О причинах отмен и изменений судом апелляционной инстанции постановлений судов об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу» // Документ официально опубликован не был.

II. Основная научная и учебная литература

На русском языке:

91. Агешкина, Н.А., Беляев, М.А., Белянинова, Ю.В. и др. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. – Саратов, 2013. – 848 с.

92. Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. / Я.И. Баршев. — СПб, 1841. — 297 с.

93. Брусницын, Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. / Л.В. Брусницын. – М.: Юрлитинформ, 2013. — 152 с.

94. Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. / Н.В. Витрук. — М., 1979. — 229 с.

95. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности. / Н.В. Витрук. — М., 2008. — 448 с.
96. Головки, Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Книга 11 / отв. ред. Л. В. Головки. — М. Правоведение, 2009. — С. 227 – 360.
97. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. — Москва: Норма ; ИНФРА-М, 2017. — 383 с.
98. Ершов, В.В. Регулирование правоотношений: Монография. / В.В. Ершов. — М.: РГУП, 2020. — 564 с.
99. Загорский, Г.И., Хатуева, В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. — М.: Проспект, 2018. —136 с.
100. Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: монография / О.А. Зайцев [и др.]; под ред. О.В. Качаловой. — М.: КНОРУС, 2019. — 222 с.
101. Иеринг, Рудольф фон. Интерес и право. Издательство: Тип. губ. зем. управы. — Ярославль, 1880. — 268 с.
102. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. — М.: Юрлитинформ, 2019. —256 с.
103. Комментарий у Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд. переб. и доп. — М.: Юрайт, 2012. — 1359 с.
104. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. - 2-е изд. — М.: Статут, 2017. — 1280 с.
105. Лазарева, В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. / В.А. Лазарева. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 168 с.

106. Орлов, Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. / Ю.К. Орлов. — М.: Проспект, 2016. — 216 с.
107. Права личности в социалистическом обществе / М.С. Строгович и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. — М.: Наука, 1981. — 272 с.
108. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 ч. Часть 1: практич. пособие / под ред. В. М. Лебедева. - 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 231 с.
109. Смирнов, А.В., Калиновский, К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. - 7-е изд. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 751 с.
110. Спирин, А.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии. / А.В. Спирин. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 271 с.
111. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Том I: основные положения науки советского уголовного процесса. / М.С. Строгович. — М., 1968. — 470 с.
112. Томсинов, В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. / В.А. Томсинов. — М.: Зерцало-М, 2015. — 352 с.
113. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. — М.: Юрайт, 2016. — 465 с.
114. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е из. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 1060 с.
115. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. - 3-е изд. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 936 с.
116. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. - 2-е изд. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 545 с.

117. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3-е изд. — М.: Норма: ИНФРА-М., 2013. —1008 с.

118. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. / И.Я. Фойницкий. – СПб, 1912. – 594 с.

119. Чебышев-Дмитриев, А.П. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. / А.П. Чебышев-Дмитриев. – СПб, 1875. – 756 с.

120. Шейфер, С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти // монография. / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2019. – 192 с.

121. Шестакова, С.Д. Состязательность уголовного процесса. / С.Д. Шестакова. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 219 с.

На английском языке:

122. Trachtenberg, Ben and Alexander, Anne Gardner, Show Me Criminal Procedure (July 24, 2019). Show Me Criminal Procedure Second Edition - Spring 2019; University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper No. 2019-13. – 881 p. Available at SSRN: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3426184> (дата обращения 06.12.2019).

III. Научные статьи

На русском языке:

123. Андреева, О.И. Установление процессуальных обязанностей и запретов на осуществление определенной деятельности как гарантия ограничения свободы поведения должностных лиц государственных органов в уголовном судопроизводстве / О.И. Андреева // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 357. — С. 121-125.

124. Андреева, О.И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе / О.И. Андреева // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 358. — С. 46-49.

125. Андреева, О.И. О предотвращении произвольного вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан в ходе уголовного процесса / О.И. Андреева // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 17-28.

126. Аничин, А.В. Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия в Российской Федерации (к 150-летию образования в России следственного аппарата / А.В. Аничин // Российский следователь. — 2010. — № 15. — С. 3-4.

127. Ахматов, И.И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения / И.И. Ахматов // Государство и право: теория и практика. Материалы III Междунар. науч. конф. г. Чита, июль 2014 г. — С. 53-57.

128. Барабаш, А.С. Прокурор - следственный судья / А.С. Барабаш // Уголовная юстиция: связь времен: Международная научная конференции. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 6-12.

129. Быданцев, Н.А. Актуальные вопросы производства по судебному контролю в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации / Н.А. Быданцев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 3. — С. 8-12.

130. Варпаховская, Е.М., Деревскова, В.М. Полномочия прокурора по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов дознания в ходе судебных реформ в России 1864 и 1991 годов / Е.М. Варпаховская, В.М. Деревскова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 3 (77). — С. 110-116.

131. Виноградов, В.А. Доказывание при производстве по жалобам на действия органов предварительного расследования / В.А. Виноградов // Уголовный процесс. — 2020. — № 5. — С. 42-47.

132. Володина, Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства / Л.М. Володина // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — № 2-2 (86). — С. 14-18.

133. Головкин, Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального

переосмысления / Л.В. Головки // Государство и право. — 2013. — № 9. — С. 17-32.

134. Головки, Л.В. Новая роль судьи при производстве полицейского расследования в уголовном процессе постсоветских государств / Л.В. Головки // Зангер - Вестник права Республики Казахстан. — 2011. — № 4. — С. 74-81.

135. Головки, Л.В. Справедливость выше любых теоретических установок / Л.В. Головки // Уголовный процесс. — 2020. — № 2. — С. 32-41.

136. Головки, Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям / Л.В. Головки // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 107-118.

137. Головки, Л.В. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК / Л.В. Головки // Уголовный процесс. — 2021. — № 2. — С. 24-33.

138. Гриненко, А.В. Обеспечение прав и свобод личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы уголовной политики в Российской Федерации. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 31 марта 2010 г. — Брянск: РИО БГУ, 2010. — С. 93-99.

139. Гриненко, А.В. Судебное решение о производстве следственных действий в порядке статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: теоретические и правоприменительные аспекты / А.В. Гриненко // Мировой судья. — 2017. — № 12. — С. 25-30.

140. Гриненко, А.В., Гуджабидзе, Г.А., Потапов, В.Д., Железняк, Н.С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства / А.В. Гриненко, Г.А. Гуджабидзе, В.Д. Потапов, Н.С. Железняк // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 139-147.

141. Гуринов, Д.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в свете постановлений Европейского Суда, касающихся соблюдения статьи 5 Конвенции: достижения и

перспективы / Д.В. Гурин // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — 2019. — № 5. — С. 259-281.

142. Давлетов, А.А., Барабаш, А.С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве / А.А. Давлетов, А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. — 2011. — № 4. — С. 125-136.

143. Давлетов, А.А., Азаренок, Н.В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Российский судья. — 2020. — № 6. — С. 19-26.

144. Данилова, Н.А., Николаева, Т.Г. Некоторые аспекты обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / Н.А. Данилова, Т.Г. Николаева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2018. — № 6 (68). — С. 58-61.

145. Дикарев, И.С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России / И.С. Дикарев // Журнал российского права. — 2008. — № 6. — С. 73-78.

146. Дикарев, И.С. Соотношение принципов публичности и состязательности в уголовном судопроизводстве (исторический аспект) / И.С. Дикарев // Государство и право. — 2012. — № 5. — С. 88-95.

147. Ершов, В.В. Суд в системе органов государственной власти / В.В. Ершов // Российское правосудие. — 2006. — № 1. — С. 39-52.

148. Загорский, Г.И., Кобзарев, Ф.М., Шалумов, М.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы / Г.И. Загорский, Ф.М. Кобзарев, М.С. Шалумов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — № 38. — С. 42-50.

149. Захарова, В.К. О некоторых проблемных вопросах соблюдения баланса между процессуальным контролем и прокурорским надзором в КНР / В.К. Захарова // 70 лет современному Китайскому государству: Ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. — Москва, 2019. — С. 353-363.

150. Зорин, Р.Г. Актуальные проблемы реализации законных интересов субъектов в уголовном судопроизводстве / Р.Г. Зорин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2010. — № 1 (27). — С. 29-34.

151. Зяблина, М.В. Уголовное судопроизводство: разделение полномочий прокурора и органов предварительного расследования / М.В. Зяблина // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 3 (77). — С. 47-50.

152. Иванов, В.И., Николаев, П.А. Применение меры пресечения - заключения под стражу по «старому» и действующему процессуальному законодательству / В.И. Иванов, П.А. Николаев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2008. — № 1. — С. 80-86.

153. Исаенко, В.Н. Содействие суду в установлении истины - задача поддержания государственного обвинения / В.Н. Исаенко // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 1 (75). — С. 69-77.

154. Исакова, Т.В. О понятии интереса в уголовном процессе / Т.В. Исакова // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. — Орел, 2017. — С. 90-94.

155. Калиновский, К.Б. УПК РФ: на что жалуемся / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. — 2012. — № 5. — С. 11.

156. Калиновский, К.Б. Нельзя продлевать срок содержания под стражей задним числом / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. — 2019. — № 5. — С. 9.

157. Калиновский, К.Б. Многократные отказы в возбуждении дела недопустимы / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. — 2019. — № 6. — С. 11.

158. Калиновский, К.Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. — 2020. — № 5. — С. 18-26.

159. Калиновский, К.Б. Что учесть, если меру пресечения на стадии следствия избирает суд апелляционной инстанции / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. — 2021. — № 1. — С. 9.

160. Каминский, Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве / Э.С. Каминский // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». — Казань, 2018. — С. 270–280.

161. Качалов, В.И., Качалова, О.В. О некоторых вопросах влияния суда на досудебное производства по уголовным делам / В.И. Качалов, О.В. Качалова // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 39-41.

162. Качалова, О.В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве / О.В. Качалова // Российский судья. — 2014. — № 1. — С. 8-10.

163. Качалова, О.В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права / О.В. Качалова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 3 (37). — С. 109-112.

164. Качалова, О.В. Учет судом оснований и условий заключения под стражу в качестве меры пресечения / О.В. Качалова // Судья. — 2019. — № 9. — С. 60-64.

165. Качалова, О.В. Бремя доказывания права на свободу / О.В. Качалова // Уголовный процесс. — 2020. — № 2. — С. 8.

166. Качалова, О.В., Мергенова, Г.Ж. Следственные судьи: казахстанский опыт и российские перспективы / О.В. Качалова, Г.Ж. Мергенова // Уголовный процесс. — 2020. — № 4. — С. 60-63.

167. Качалова, О.В. Коронавирус как основание для жалобы по статье 125 УПК / О.В. Качалова // Уголовный процесс. — 2020. — № 6. — С. 11.

168. Качалова, О.В., Качалов, В.И. Значение категории «обоснованность обвинения» в уголовном судопроизводстве / О.В. Качалова, В.И. Качалов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 462. — С. 218-223.

169. Кобзарев, Ф.М., Орлов, А.О. К вопросу о совершенствовании правового регулирования следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве / Ф.М. Кобзарев, А.О. Орлов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2020. — № 3. — С. 66-69.

170. Кокорев, Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Кокорев // Правоведение. —1977. — № 4. — С. 76-83.

171. Колоколов, Н.А. Взаимодействие судов с органами полиции / Н.А. Колоколов // Российская полиция: три века служения Отечеству / Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. — СПб. 2018. — С 46-56.

172. Колоколов, Н.А. Жалобы на действия следователей и дознавателей. Отмены «отказных» судебных решений в практике ВС РФ / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. — 2020. — № 5. — С. 27-35.

173. Кононенко, В.И. Особенности толкования и применения законодательства в уголовном судопроизводстве России по судебным уставам 1864 г. / В.И. Кононенко // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 21. — С. 148-151.

174. Коомбаев, А.А. Проблемы баланса частных и публичных интересов в уголовном процессе / А.А. Коомбаев // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. — Москва, 5 октября 2018 года. — С. 166-174.

175. Коэн-Элия, М., Порат, И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни / пер. с английского Д. Сичиनावы / М. Коэн-Элия, И. Порат // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — №. 3. — С. 59-81.

176. Кравцова, А.Н., Комушева, М.Б. Обеспечение прав потерпевшего при осуществлении судебного контроля // Тамбовские правовые чтения им. Ф. Н. Плевако. Материалы III Международной научно-практической конференции. — Тамбов, 24–25 мая 2019 года. — С. 197-201.

177. Курченко, В.Н. Основные ошибки судей при рассмотрении ходатайств о производстве обыска и выемки / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. — 2012. — № 4. — С. 54-61.

178. Курченко, В.Н. Судебный контроль за производством обыска с изъятием компьютерной информации / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. — 2017. — № 8. — С. 41-47.

179. Логинов, Н.А. Судебный контроль за реализацией права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законе России и иных государств-членов СНГ / Н.А. Логинов // Адвокатская практика. — 2018. — № 2. — С. 47 – 53.

180. Мазюк, Р.В. Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В. И. Шиканова / Р.В. Мазюк // Сибирские и уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — №. 2 (8). — С. 46-56.

181. Мазюк, Р.В. О дуалистической природе уголовно-процессуальных функций / Р.В. Мазюк // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 4 (79). — С. 82-88.

182. Мазюк, Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства / Р.В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4 (18). — С. 76-84.

183. Мазюк, Р.В. Интересы участников уголовного судопроизводства как объект принуждения в уголовном процессе / Р.В. Мазюк // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 2. — С. 142-150.

184. Мамонтова, Д.О. К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве / Д.О. Мамонтова // Криминологический журнал. — 2018. — № 3. — С. 15-18.

185. Мамонтова, Д.О. К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве / Д.О. Мамонтова // Российский следователь. — 2019. — № 11. — С. 31-34.

186. Мамонтова, Д.О. Роль понятия интереса в установлении институциональной сущности уголовного судопроизводства / Д.О. Мамонтова // *Мировой судья*. — 2020. — № 5. — С. 22-27.

187. Манова, Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблема соотношения / Н.С. Манова // *Судебная власть и уголовный процесс*. — 2019. — № 3. — С. 34-40.

188. Маркелов, С.В., Маркелова, О.Н. Историко-правовой анализ становления института судебного контроля / С.В. Маркелов, О.Н. Маркелова // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2018. — № 4. — С. 85-89.

189. Марковичева, Е.В. Злоупотребление процессуальными правами в уголовном судопроизводстве: проблема баланса интересов / Е.В. Марковичева // *Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.)*. — М.: РГУП, 2018. — С. 122-126.

190. Марковичева, Е.В., Стольников, П.М. Защита прав участников процесса при осуществлении судебного контроля за процессуальным усмотрением следователя / Е.В. Марковичева, П.М. Стольников // *Вестник Томского государственного университета. Право*. — 2020. — № 35. — С. 103-111.

191. Матинов, С.Г., Позднышев, А.И. Сравнительные положения изменения норм УПК РФ и УПК РСФСР в части передачи полномочий от прокурора суду по избранию меры пресечения, обыска и других мер процессуального принуждения / С.Г. Матинов, А.И. Позднышев // *Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: Международная научно-практическая конференция*. — Ростов-на-Дону, 2020. — С. 139-143.

192. Мельников, В.Ю. Теоретические вопросы обеспечения прав граждан в уголовном процессе / В.Ю. Мельников // *Общественные науки*. — 2011. — № 1. — С. 110-112.

193. Мельников, В.Ю. Механизм реализации и обеспечения прав личности в ходе уголовного судопроизводства / В.Ю. Мельников // *Наука и образование:*

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — № 1 (20). — С. 104-107.

194. Миргородская, Э.Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ / Э.Р. Миргородская // Российский судья. — 2021. — № 3. — С. 50-53.

195. Михайлов, А.А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным Судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России / А.А. Михайлов // Уголовная юстиция. — 2016. — № 1 (7). — С. 56-69.

196. Морозова, Н.В., Чаплыгина, А.Д. К вопросу о процессуальных гарантиях, права и законных интересах участников уголовного судопроизводства / Н.В. Морозова, А.Д. Чаплыгина // Научный вестник Орловского Юридического Института МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2020. — № 1 (82). — С. 10-15.

197. Мухаметгалиев, И.Г., Татьяна, Л.Г. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) / И.Г. Мухаметгалиев, Л.Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — № 4. — С. 127-130.

198. Насырин, А.О. Частные и публичные в уголовном процессе: современные концепции / А.О. Насырин // Развитие юридической науки и проблемы преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы второго международного круглого стола. — Шахты, 30 марта 2019 года. — С. 125-127.

199. Наумов, К.А. Новый шаг законодателя: повысится ли эффективность судебного контроля и прокурорского надзора / К.А. Наумов // Законность. — 2017. — № 4. — С. 41-44.

200. Никифорова, Х.П. К вопросу о законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности / Х.П. Никифорова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 3 (78). — С. 120-125.

201. Нурбаев, Д.М. Некоторые аспекты судебного контроля за законностью проведения следственных действий / Д.М. Нурбаев // Омские научные чтения. Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. — Омск, 30 ноября - 5 декабря 2020 года. — С. 228-234.

202. Овчинников, Ю.Г. Категория «личность» и ее правовое положение в уголовном процессе / Ю.Г. Овчинников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2011. — № 27. — С. 63-67.

203. Овчинников, Ю.Г. Эффективность судебного контроля за следственными действиями, ограничивающими конституционные права граждан: теоретический и практический взгляд на проблему / Ю.Г. Овчинников // Российский судья. — 2019. — № 5. — С. 13-17.

204. Османова, Н.В. Право следователя на отстаивание интересов следствия в уголовном судопроизводстве / Н.В. Османова // Российский следователь. — 2019. — № 5. — С. 32-36.

205. Паршин, С.А. Санкционирование ареста судом / С.А. Паршин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32486497&pos=3;-110#pos=3;-110 (дата обращения 13.12.2021).

206. Пиюк, А.В. Системность и сбалансированность как важнейшие свойства российского уголовного процесса / А.В. Пиюк // Уголовная юстиция. — 2013. — № 2 (2). — С. 45-49.

207. Резепкин, А.М. Адильшаев, Э.А. Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты при реализации судом полномочий, связанных с санкционированием мер процессуального принуждения и следственных действий / А.М. Резепкин, Э.А. Адильшаев // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. — 2013. — № 17. — С. 114-121.

208. Роговая, С.А., Россинский, С.Б. Предмет обжалования суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике / С.А. Роговая, С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 3. — С. 48-52.

209. Романенко, Н.В. К вопросу о содержании конституционных интересов правосудия в уголовном судопроизводстве / Н.В. Романенко // Российский судья. — 2020. — № 8. — С. 25-29.

210. Россинский, С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий / С.Б. Россинский // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 423. — С. 225-235.

211. Рябцева, Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе / Е.В. Рябцева // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 219-222.

212. Смирнов, А.В. Альтернативная экспертиза в УПК. Вариант назначения следственным судьей / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. — 2021. — № 2. — С. 42-49.

213. Смирнова, И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 14-18.

214. Смирнова, И.С. Применение положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», касающихся предварительного судебного контроля / И.С. Смирнова // Вестник Омской юридической академии. — 2018. — № 3. — С. 304-309.

215. Смолькова, И.В., Мазюк, Р.В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова, Р.В. Мазюк // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — № 10 (1). — С. 156-169.

216. Стельмах, В.Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого / В.Ю. Стельмах // Российский следователь. — 2016. — № 10. — С. 15-18.

217. Тарасов, А.А., Шарипова, А.Р. Уголовно-процессуальное право в системе социальных регуляторов: место и значение / А.А. Тарасов, А.Р. Шарипова // Lex Russica. — 2015. — № 8. — С. 47-57.

218. Тарасов, А.А. Должностное лицо в уголовном процессе как носитель основных прав и свобод человека и гражданина / А.А. Тарасов // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. — 2019. — № 2. — С. 56-59.

219. Тарасов, А.А., Галимов, Э.Р. Проблемы правовой регламентации производства отдельных следственных действий / А.А. Тарасов, Э.Р. Галимов // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества: сборник материалов I Национальной научно-практической конференции. — Феодосия, 2019. — С. 231-235.

220. Тарасов, А.А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — Т. 6, № 4. — С. 61-66.

221. Тарбагаев, А.Н., Назаров, А.Д. Судебный контроль и проблемы предупреждения преступлений и иных правонарушений в уголовном процессе России и Германии / А.Н. Тарбагаев, А.Д. Назаров // Международно-правовые аспекты борьбы с преступностью. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 560 - 570.

222. Умярова, Р.Р. Особенности предмета судебного контроля, реализуемого в соответствии со статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Р.Р. Умярова // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 2 (30). — С. 40-44.

223. Хайдаров, А.А. Прослушивание телефонных переговоров и получение информации о соединениях: спорные вопросы на практике / А.А. Хайдаров // Уголовный процесс. — 2017. — № 8. — С. 34-40.

224. Хайдаров, А.А. Рассмотрение жалоб в порядке статьи 125 УПК: обзор практики / А.А. Хайдаров // Уголовный процесс. — 2020. — № 5. — С. 48-51.

225. Химичева, О.В., Шаров, Д.В. О реализации свободы обжалования в уголовном судопроизводстве / О.В. Химичева, Д.В. Шаров // Труды Академии управления МВД России. — 2019. — № 1. — С. 99-104.

226. Хроменков, И.Р. Актуальные проблемы реализации частных и публичных интересов на стадии возбуждения уголовного дела в российском

уголовном судопроизводстве / И.Р. Хроменков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2020. — № 7. — С. 181-185.

227. Хроменков, И.Р. Роль полномочий государственных органов в обеспечении баланса уголовно-процессуальных интересов в отечественном досудебном производстве по уголовным делам / И.Р. Хроменков // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. – Ч. 89. – С. 221-223.

228. Хроменков, И.Р. Ведомственный интерес государственно-властных участников уголовного процесса как средство достижения публичного интереса в российском досудебном производстве по уголовным делам / И.Р. Хроменков // «Аубакировские чтения»: Международная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения А. Ф. Аубакирова — Алматы, Республика Казахстан, 2021. — С. 225-227.

229. Хроменков, И.Р. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в российском досудебном производстве по уголовным делам: многообразие ракурсов постановки проблемы / И.Р. Хроменков // Инновационная парадигма развития системы права. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Гомель, Республика Беларусь, 2021. — С. 172-175.

230. Хроменков, И.Р. Отказ суда в заключении под стражу обвиняемого: анализ причин и последствий / И.Р. Хроменков // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 12 (163). — С. 417-418.

231. Хроменков, И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности / И.Р. Хроменков // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 1 (134). — С. 131-144.

232. Хроменков, И.Р. Продление срока содержания под стражей. Ошибки следствия и судов / И.Р. Хроменков // Уголовный процесс. — 2022. — № 2. — С. 78-85.

233. Цапаева, Т.Ю., Яблоков, В.А. Зарождение и развитие института судебного контроля в истории российского уголовного процесса (досоветский период) / Т.Ю. Цапаева, В.А. Яблоков // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Межвузовский сборник научных статей под редакцией В.А. Лазаревой. — Самара, 2007. — С. 95 - 106.

234. Цветков, Ю.А. Отказоустойчивость уголовного судопроизводства на досудебной стадии / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство // — 2017. — № 2. — С. 27-31;

235. Цветков, Ю.А. Взаимодействие следователя, прокурора и судьи при направлении уголовного дела в суд / Ю.А. Цветков // Уголовный процесс. — 2018. — № 1. — С. 82-87.

236. Цветков, Ю.А. Предварительное следствие перед новыми вызовами / Ю.А. Цветков // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 36-38.

237. Цветков, Ю.А. Подменяя постановление, следователь предусмотрел не все / Ю.А. Цветков // Уголовный процесс. — 2019. — № 6. — С. 8.

238. Чеботарева, И.Н. Отказ от реализации субъективного права в уголовном процессе / И.Н. Чеботарева // Вестник Волгоградской Академии МВД России. — 2019. — № 1 (48). — С. 173-182.

239. Черемисина, Т.В. Актуальные проблемы судебного рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Т.В. Черемисина // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. — Пенза, 5 июня 2019 года. — С. 237-240.

240. Чернявский, Д.О. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы правоприменительной практики / Д.О. Чернявский // Законность. — 2020. — № 10. — С. 44-48.

241. Черушева, А.А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора / А.А. Черушева // Законность. — 2019. — № 8. — С. 59-62.

242. Шалумов, М.С., Маркина, Е.А. Следственные действия по решению суда: новое постановление Пленума ВС РФ / М.С. Шалумов, Е.А. Маркина // Уголовный процесс. — 2017. — № 8. — С. 28-33.

243. Шаров, Д.В. Защита законных интересов потерпевшего в уголовного судопроизводстве / Д.В. Шаров // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 5. — С. 63-65.

244. Шаров, Д.В. К вопросу о правовой природе «интереса» в уголовном судопроизводстве / Д.В. Шаров // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 57-59.

245. Ярцев, Р.В. Судебные ошибки при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК / Р.В. Ярцев // Уголовный процесс. — 2020. — № 5. — С. 36-41.

На английском языке:

246. Cohen-Eliya, M., Porat, I. American Balancing and German Proportionality: The Historical Origins / M. Cohen-Eliya, I. Porat // International Journal of Constitutional Law. — Vol. 8. — 2010. — No 2. — P. 263-286.

247. Grimm, D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence / D. Grimm // University of Toronto Law Journal. — Vol.57. — 2007. — No 2. — P. 383-397.

248. Packer, H.L. Two Models of the Criminal Process / H.L. Packer // Stanford University Press. — 1968. — P. 1-12.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени

249. Адильшаев, Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Адильшаев Эмиль Айдерович. — Челябинск, 2011. — 29 с.

250. Андреева, О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по

распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Андреева Ольга Ивановна. — Томск, 2007. — 48 с.

251. Ахматов, И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ахматов Иван Игоревич. — Екатеринбург, 2017. — 32 с.

252. Багаутдинов, Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Багаутдинов Флер Нуретдинович. — М., 2004. — 56 с.

253. Бунин, К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бунин Кирилл Александрович. — Ростов-На-Дону, 2011. — 27 с.

254. Гаврилов, Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Гаврилов Борис Яковлевич. — М., 2004. — 63 с.

255. Гуджабидзе, Г.А. Обеспечение прав и законных интересов личности в досудебном производстве по уголовным делам (сравнительно-правовое исследование по законодательству Российской Федерации и иных государств-членов СНГ): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гуджабидзе Георгий Автандилович. — М., 2015. — 27 с.

256. Дуйшенбиев, Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве: По материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дуйшенбиев Таалайбек Алакчинович. — М., 1999. — 265 с.

257. Иванова, О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванова Ольга Геннадьевна. — Томск, 2019. — 27 с.

258. Ильницкая, Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ильницкая Любовь Игоревна. — Ижевск, 2002. — 20 с.

259. Каминский, Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Каминский Эдуард Станиславович. — М., 2021. — 198 с.

260. Кобзарев, Ф.М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.11, 12.00.09 / Кобзарев Федор Михайлович. — М., 2006. — 66 с.

261. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ковтун Николай Николаевич. — Нижний Новгород, 2002. — 520 с.

262. Масленникова, Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Масленникова Лариса Николаевна. — М., 2000. — 554 с.

263. Меженина, Л.А. Публичность российского уголовного процесса: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Меженина Людмила Анатольевна. — Екатеринбург, 2002. — 178 с.

264. Михеенкова, М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Михеенкова Мария Андреевна. — М., 2012. — 31 с.

265. Носкова, Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Носкова Елена Викторовна. — Томск, 2011. — 23 с.

266. Рогова, О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рогова Ольга Ивановна. — Томск, 1994. — 28 с.

267. Сарычев, Д.С. Устранение судом первой инстанции недостатков предварительного следствия: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сарычев Дмитрий Сергеевич. — М., 2018. — 216 с.

268. Серебров, Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Серебров Дмитрий Олегович. — Нижний Новгород, 2004. — 36 с.

269. Устимов, М.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Устимов Михаил Александрович. — Саранск, 1999. — 330 с.

270. Шамардин, А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шамардин Артем Александрович. — Оренбург, 2001. — 200 с.

V. Интернет ресурсы

271. В законодательстве появятся «уголовный проступок» и «следственные судьи» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3204-v-zakonodatelstve-poyavyatsya-ugolovnyy-prostupok-i-sledstvennye-sudi> (дата обращения 23.02.2020).

272. Госсовет предложил ввести наказание для следователей и судей за необоснованные дела // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3213-gossovet-predlozil-vvesti-nakazanie-dlya-sledovateley-i-sudey-za-neobosnovannye-dela> (дата обращения 23.02.2020).

273. ЕСПЧ призвал передать судам право санкционировать контрольные закупки и оперативные эксперименты // Уголовный процесс. — 2021. — № 6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://e.ugpr.ru/893484> (дата обращения 11.07.2021).

274. Присяжные будут рассматривать дела предпринимателей // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3205-prisyajnye-budut-rassmatrivat-dela-predprinimateley> (дата обращения 23.02.2020).

275. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» //

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 13.06.2020).

276. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 13.06.2020).

277. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 08.10.2021).

278. Советник ФПА рассказал, чем будут заниматься следственные судьи // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3212-sovetnik-fpa-rasskazal-chem-budut-zanimatsya-sledstvennye-sud> (дата обращения 23.02.2020).

279. Хищение менее 2,5 тыс. руб. перестанут считать кражей // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/news/3206-hishchenie-menee-25-tys-rub-perestanut-schitat-krajej> (дата обращения 23.02.2020).

Приложения

Приложение 1

Проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921) следующие изменения:

1) изложить ч. 5 ст. 108 УПК РФ в следующей редакции:

«5. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в региональный, федеральный, международный и (или) межгосударственный розыск»;

2) изложить ч. 1 ст. 125 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Действия (бездействие) и решения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, либо по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело».

3) изложить п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ в следующей редакции:

«1. о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным, его отмене и обязанности должностного лица устранить допущенное нарушение».

4) дополнить ст. 125 УПК РФ частью 8 следующего содержания:

«8. Судебное решение, принятое по результатам рассмотрения жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, вступает в законную силу в день его

вынесения, подлежит немедленному исполнению, однако может быть обжаловано сторонами в порядке, предусмотренном гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ».

5) дополнить ст. 125 УПК РФ частью 9 следующего содержания:

«9. В течение месяца с момента вступления в законную силу постановления суда, которыми были признаны незаконными действия и (или) решения участников судопроизводства со стороны обвинения, соответствующие должностные лица должны сообщить о конкретных принятых мерах, направленных на устранение ранее выявленных нарушений закона, а в случае, если по результатам удовлетворения жалобы, поданной в порядке ч. 1 ст. 125 УПК РФ, судом было отменено обжалуемое решение - о результатах проведенной дополнительной проверки сообщения о преступлении либо дополнительного расследования уголовного дела».

6) изложить ч. 3 ст. 165 УПК РФ в следующей редакции:

«3. В судебном заседании участвуют прокурор, следователь и дознаватель, которые заблаговременно извещаются о дате и времени судебного заседания».

Приложение 2

Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования процессуальной деятельности суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве»

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в редакции постановления Пленума от 29 ноября 2016 года № 56)

1) пункт 2 изложить в следующей редакции:

«2. Разъяснить судам, что помимо постановлений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с частью 1 статьи 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они затрагивают права и свободы участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены.

К иным решениям и действиям (бездействию), затрагивающим права и свободы участников уголовного судопроизводства, следует относить, например, постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела в отношении как неустановленного, так и конкретного лица, об отказе в назначении защитника, в допуске законного представителя, об избрании и применении к подозреваемому, обвиняемому мер процессуального принуждения, за исключением залога, домашнего ареста, запрета определенных действий и заключения под стражу, которые применяются по решению суда.

Судебному обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ подлежат также такие действия (бездействие) либо решения должностных лиц, исключаящих либо существенным образом затрудняющих дальнейшее производство по уголовному

делу, которые создают гражданину препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой нарушенного права: отказ в признании лица потерпевшим, отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этих сообщений, в том числе постановление о передаче сообщения о преступлении либо уголовного дела по подследственности; постановление о приостановлении предварительного расследования, постановление о прекращении уголовного преследования и другие».

2) пункт 8 изложить в следующей редакции:

«8. В случае, если по поступившей в суд жалобе будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором или руководителем следственного органа, то судья выносит постановление о назначении судебного заседания, в подготовительной части которого ставит на обсуждение сторон вопрос о прекращении производства по жалобе. В случае, если автор жалобы возражает против прекращения производства по жалобе, в том числе ссылаясь на неэффективность проводимого расследования, формальный характер отмены прокурором либо руководителем следственного органа обжалуемого решения, фактическое бездействие органа предварительного расследования либо прокурора, а равно при несогласии заявителя с решением прокурора либо руководителя следственного органа, а также при частичном удовлетворении содержащихся в жалобе требований, жалоба, поданная в суд, подлежит рассмотрению в соответствии со ст. 125 УПК РФ».

3) второе предложение пункта 14 изложить в следующей редакции:

«Признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, судья выносит соответствующее постановление о его отмене, которое направляет для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания, и уведомляет об этом заявителя (часть 7 статьи 148 УПК РФ)».

4) пункт 21 изложить в следующей редакции:

«21. При вынесении постановления о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным,

его отмене и обязанности должностного лица устранить допущенное нарушение (пункт 1 части 5 статьи 125 УПК РФ) судья, вместе с тем, не вправе предопределять действия должностного лица, осуществляющего расследование».

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»:

1) пункт 6 изложить в следующей редакции:

«6. Судам следует иметь в виду, что по общему правилу ходатайства о производстве следственных действий рассматриваются в закрытом судебном заседании, о чем судья со ссылкой на пункт 1 части 2 статьи 241 УПК РФ принимает мотивированное решение».

2) второе предложение пункта 7 изложить в следующей редакции:

«Затем лицо, возбудившее ходатайство, его обосновывает, суд исследует представленные материалы, заслушивает выступления явившихся лиц, мнение прокурора, участвующего в судебном заседании, после чего удаляется в совещательную комнату для вынесения постановления».

3) дополнить пунктом 12.1 следующего содержания:

«12.1. При рассмотрении ходатайства следователя о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, суд также обязан проверить обоснованность подозрения конкретного лица в совершении преступления и наличие в представленных органом предварительного расследования в обоснование заявленного ходатайства материалах доказательств, подтверждающих его возможную причастность к совершению указанного преступления».

Приложение 3

Результаты анкетирования судей, прокуроров, адвокатов

Профессиональный статус опрашиваемых:

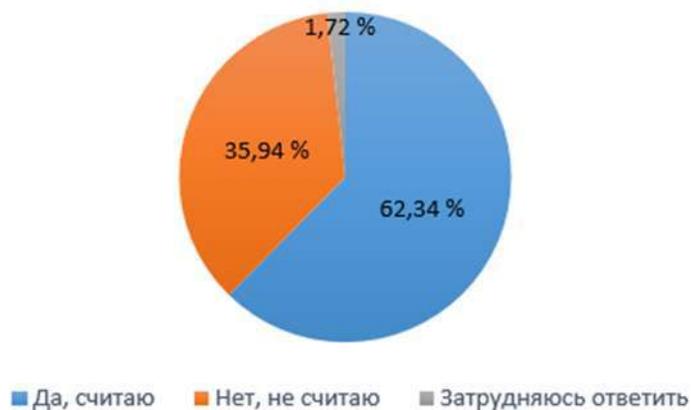
1. Судьи по уголовным делам (судьи федеральных судов - районных, областных и приравненных к ним судов из 12 субъектов Российской Федерации).
2. Прокуроры (прокуроры, осуществляющие прокурорский надзор в досудебном производстве, а также поддержание государственного обвинения в судах) из 13 субъектов Российской Федерации).
3. Адвокаты, участвующие в уголовном судопроизводстве (члены адвокатских палат из 11 субъектов Российской Федерации).

Количество опрошенных

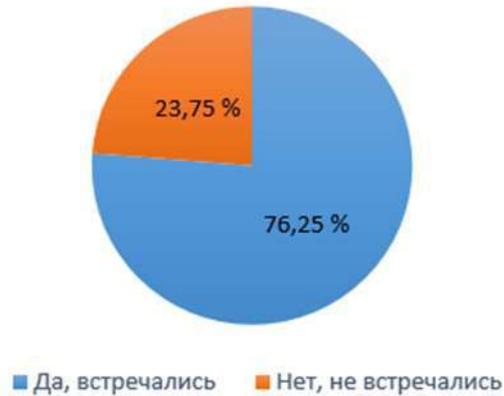
1. Судьи - 89 человек.
2. Прокуроры - 123 человека.
3. Адвокаты - 45 человек.

Результаты опроса судей

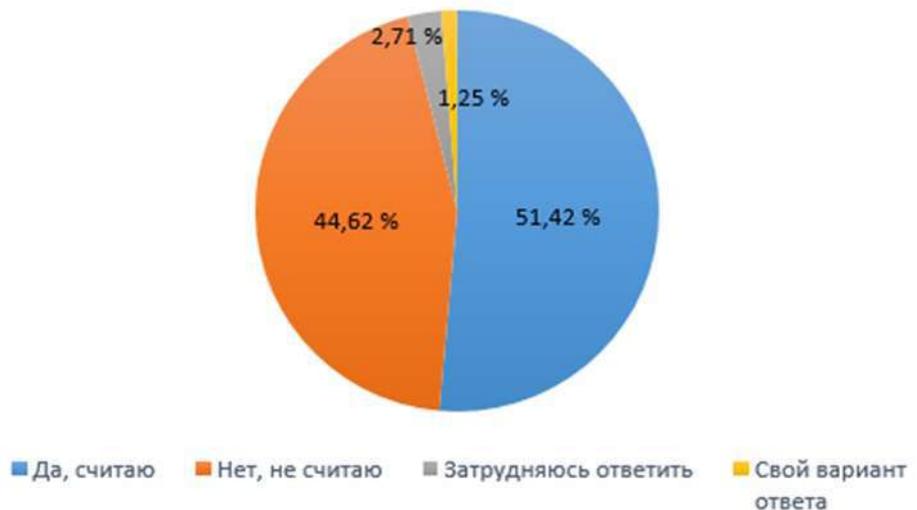
1. Считаете ли Вы, что суд при рассмотрении различных материалов досудебного производства (например, ходатайств, жалоб) оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом?

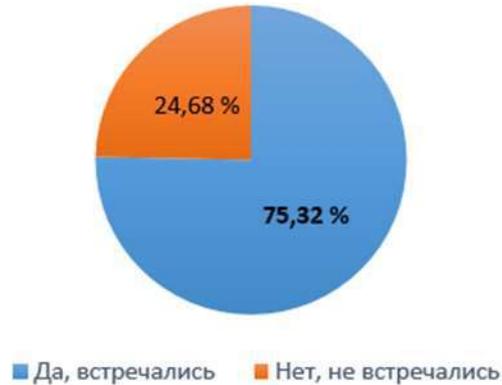
2. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда при поступлении в суд самостоятельных ходатайств следователя об избрании либо продлении мер пресечения в отношении фигурантов уголовного дела, обвиняемых в совершении преступления в соучастии, судья рассматривал указанные материалы в одном судебном заседании?

3. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся наделения суда полномочием по результатам рассмотрения ходатайства следователя избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае его объявления в местный или федеральный розыск?

4. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда судья при установлении факта отмены обжалуемого решения прокурором либо руководителем следственного органа возвращал заявителю жалобу, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ, прекращал по ней производство либо отказывал в удовлетворении жалобы?

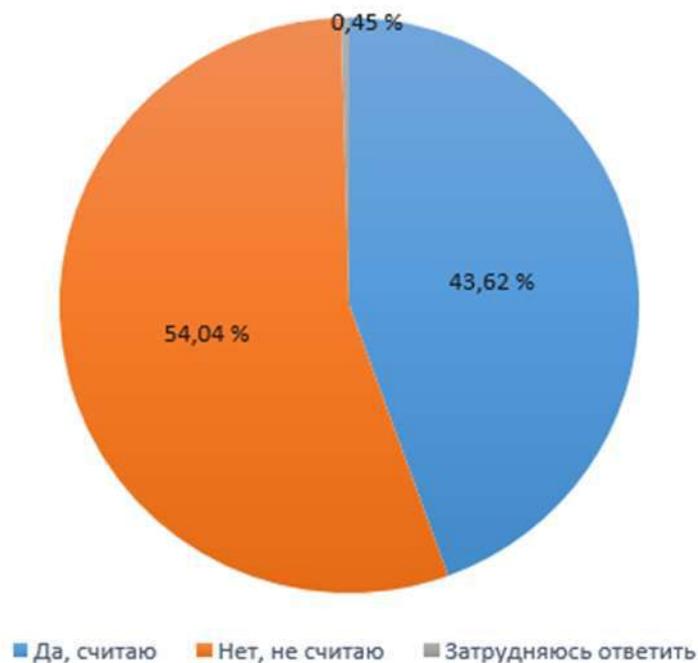
5. Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся наделения суда при рассмотрении жалобы в рамках ст. 125 УПК РФ полномочием по отмене обжалуемого решения в случае его признания судом незаконным?

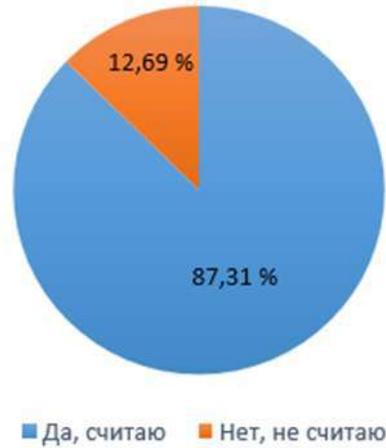
6. Согласны ли Вы с идеей о выполнении судами при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ значимой для всего уголовного судопроизводства задачи - своевременного выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок?

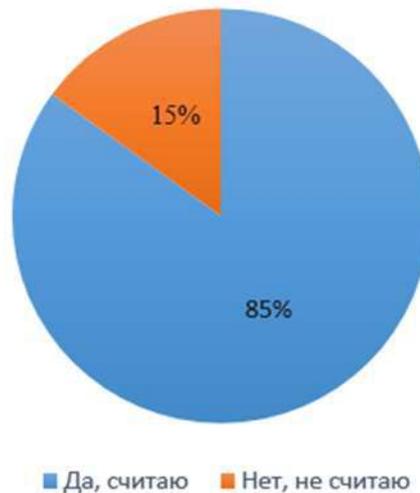
7. Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся вступления в законную силу судебного решения, постановленного в рамках ст. 125 УПК РФ, в день вынесения и его немедленного исполнения?

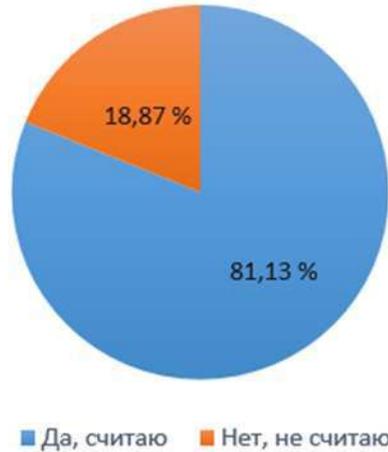
8. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного проведения закрытого судебного заседания по вопросу о даче судом разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан?

9. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного участия прокурора, следователя и дознавателя при рассмотрении судом материалов в порядке ст. 165 УПК РФ?

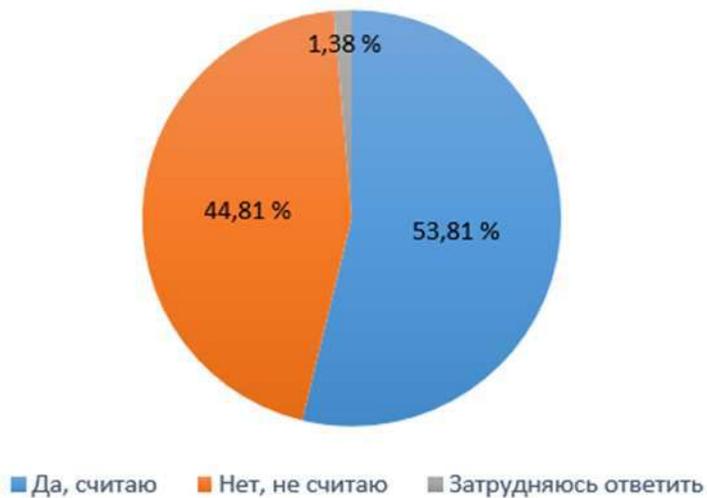

10. Считаете ли Вы, что суду при рассмотрении ходатайства следователя в порядке ст. 165 УПК РФ необходимо проверить обоснованность подозрения конкретного лица в совершении преступления по аналогии с процедурой, предусмотренной для избрания и продления мер пресечения по решению суда?

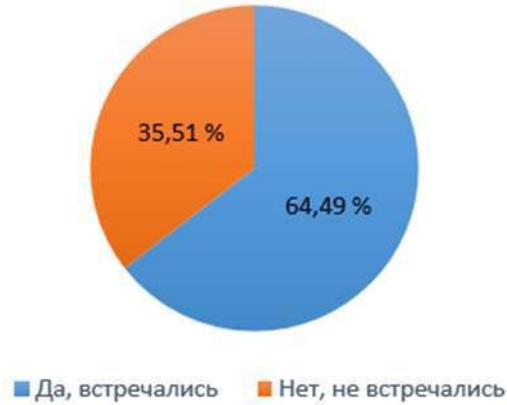

Результаты опроса прокуроров

1. Считаете ли Вы, что суд при рассмотрении различных материалов досудебного производства (например, ходатайств, жалоб) оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом?

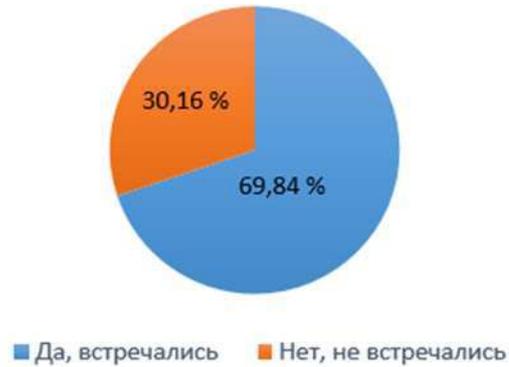
2. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда при поступлении в суд самостоятельных ходатайств следователя об избрании либо продлении мер пресечения в отношении фигурантов уголовного дела, обвиняемых в совершении преступления в соучастии, судья рассматривал указанные материалы в одном судебном заседании?

3. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся наделения суда полномочием по результатам рассмотрения ходатайства следователя избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае его объявления в местный или федеральный розыск?

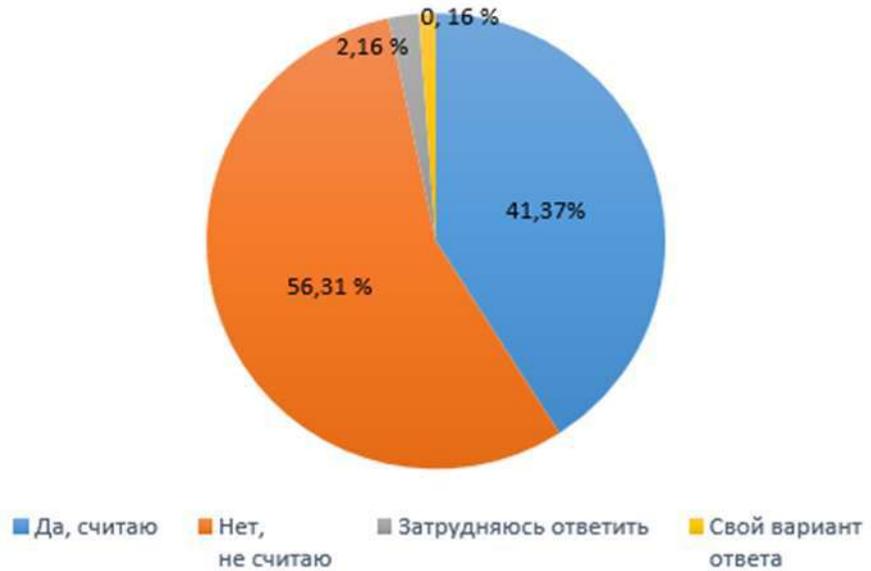
4. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда судья при установлении факта отмены обжалуемого решения прокурором либо руководителем следственного органа возвращал заявителю жалобу, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ, прекращал по ней производство либо отказывал в удовлетворении жалобы?

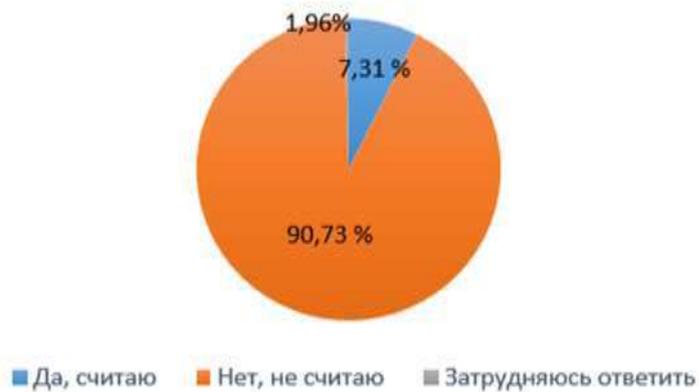
5. Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся наделения суда при рассмотрении жалобы в рамках ст. 125 УПК РФ полномочием по отмене обжалуемого решения в случае его признания судом незаконным?

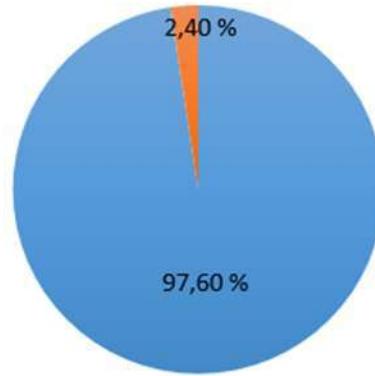
6. Согласны ли Вы с идеей о выполнении судами при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ значимой для всего уголовного судопроизводства задачи - своевременного выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок?

7. Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся вступления в законную силу судебного решения, постановленного в рамках ст. 125 УПК РФ, в день вынесения и его немедленного исполнения?

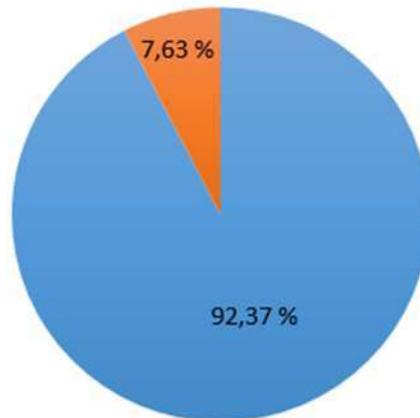

8. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного проведения закрытого судебного заседания по вопросу о даче судом разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан?

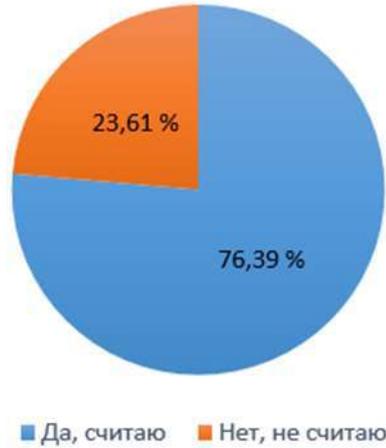
■ Да, считаю ■ Нет, не считаю

9. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного участия прокурора, следователя и дознавателя при рассмотрении судом материалов в порядке ст. 165 УПК РФ?

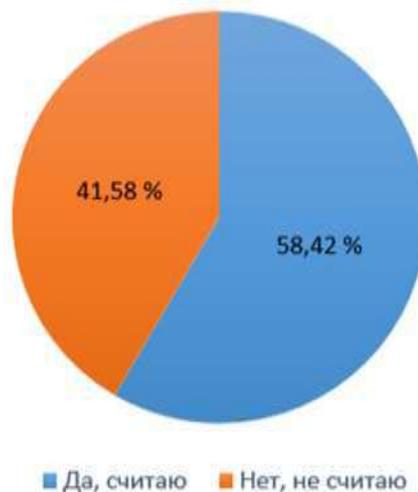
■ Да, считаю ■ Нет, не считаю

10. Считаете ли Вы, что суду при рассмотрении ходатайства следователя в порядке ст. 165 УПК РФ необходимо проверить обоснованность подозрения конкретного лица в совершении преступления по аналогии с процедурой, предусмотренной для избрания и продления мер пресечения по решению суда?

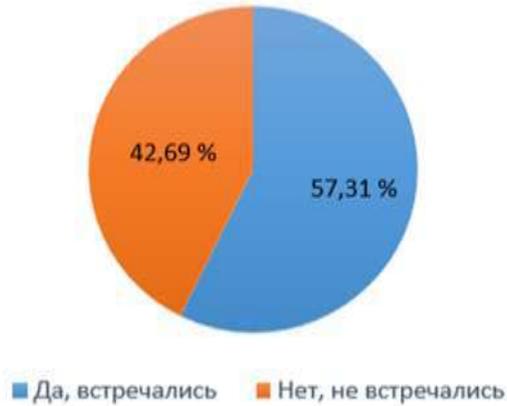

Результаты опроса адвокатов

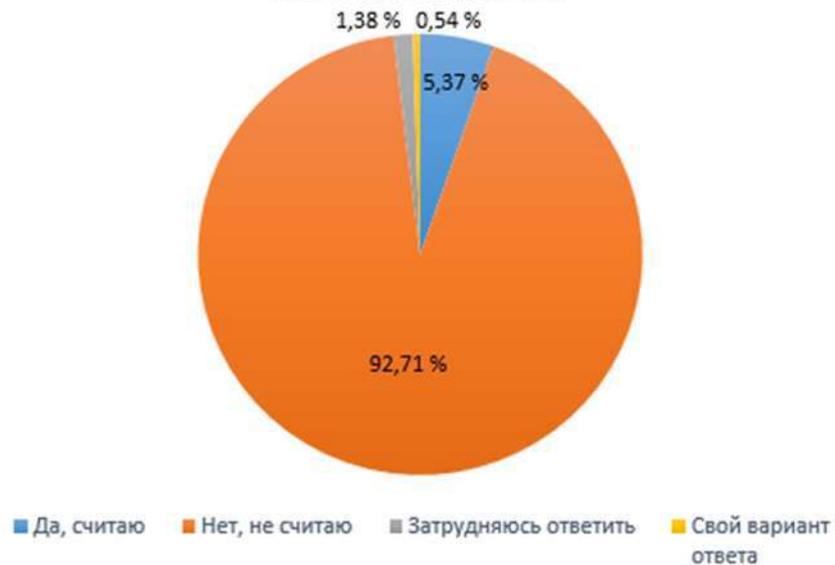
1. Считаете ли Вы, что суд при рассмотрении различных материалов досудебного производства (например, ходатайств, жалоб) оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом?

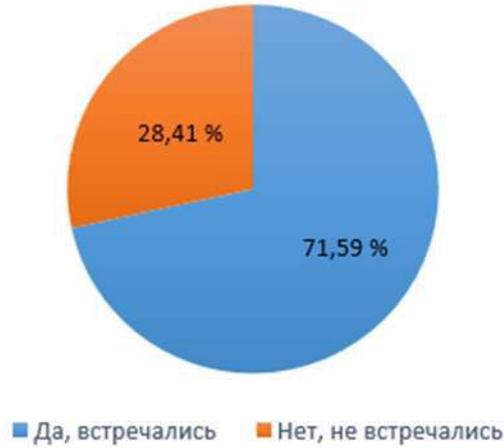
2. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда при поступлении в суд самостоятельных ходатайств следователя об избрании либо продлении мер пресечения в отношении фигурантов уголовного дела, обвиняемых в совершении преступления в соучастии, судья рассматривал указанные материалы в одном судебном заседании?

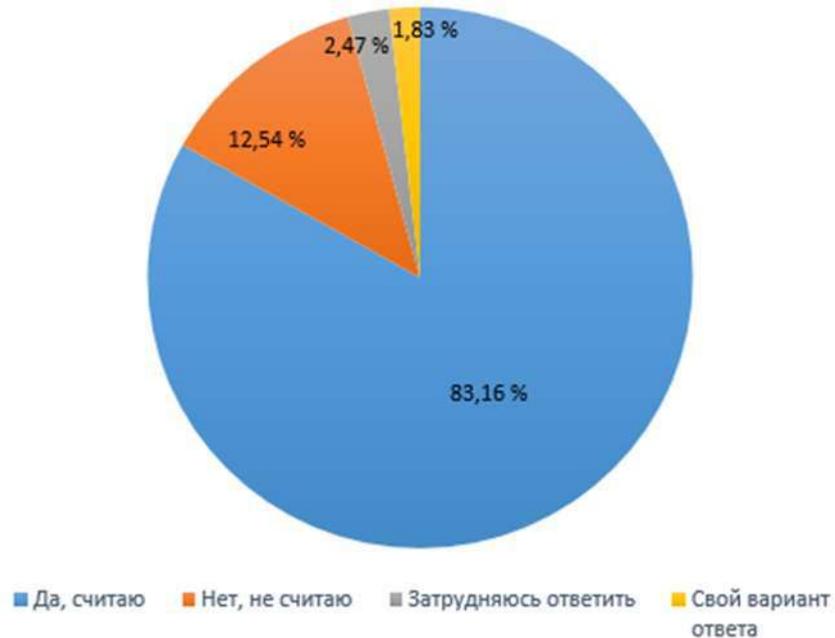
3. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся наделения суда полномочием по результатам рассмотрения ходатайства следователя избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае его объявления в местный или федеральный розыск?

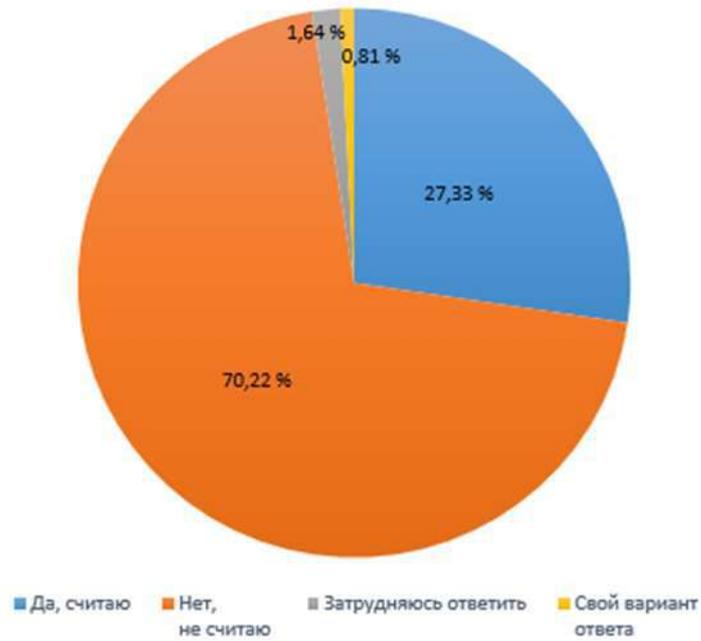
4. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда судья при установлении факта отмены обжалуемого решения прокурором либо руководителем следственного органа возвращал заявителю жалобу, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ, прекращал по ней производство либо отказывал в удовлетворении жалобы?

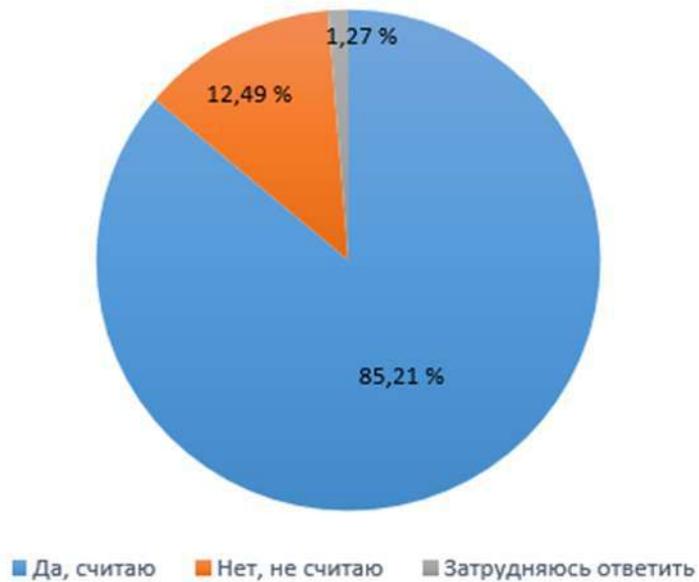
5. Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся наделения суда при рассмотрении жалобы в рамках ст. 125 УПК РФ полномочием по отмене обжалуемого решения в случае его признания судом незаконным?

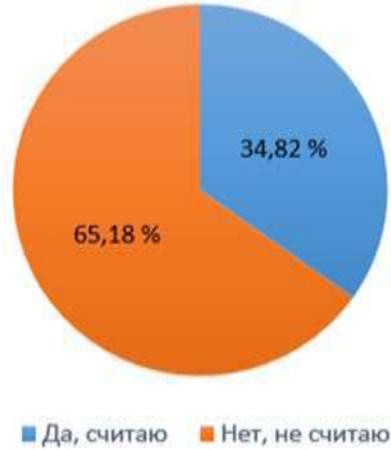
6. Согласны ли Вы с идеей о выполнении судами при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ значимой для всего уголовного судопроизводства задачи - своевременного выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок?

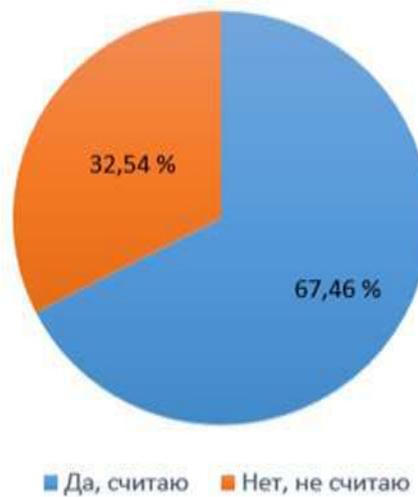
7. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся вступления в законную силу судебного решения, постановленного в рамках ст. 125 УПК РФ, в день вынесения и его немедленного исполнения?

8. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного проведения закрытого судебного заседания по вопросу о даче судом разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан?

9. Считаете ли Вы Возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся обязательного участия прокурора, следователя и дознавателя при рассмотрении судом материалов в порядке ст. 165 УПК РФ?

10. Считаете ли Вы, что суду при рассмотрении ходатайства следователя в порядке ст. 165 УПК РФ необходимо проверить обоснованность подозрения конкретного лица в совершении преступления по аналогии с процедурой, предусмотренной для избрания и продления мер пресечения по решению суда?

